А. П. СИННЕТ

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ

ОТ РЕДАКЦИИ

Книга А.П. Синнетта «Эзотерический буддизм» с самого момента своего появления в 1883 году заняла в теософской литературе положение классического фундаментального труда. По словам видного деятеля Британского Теософского Общества Франчески Арундейл, эта книга «ворвалась в мир теологии и науки подобно урагану» и произвела целую революцию в умах мыслящих европейцев. Она была написана на основе серии писем, посвящённых философским, научным и метафизическим вопросам, полученных автором от гималайских Учителей — Махатмы Кут Хуми и Махатмы Мории. Значительная часть изложенного Синнеттом метафизического учения была получена им через Е.П. Блаватскую.

Альфред Перси Синнетт (1840-1921) познакомился с Блаватской и Олькоттом в декабре 1879 года. В то время он был редактором влиятельной индийской газеты «Pioneer», считавшейся рупором правительства и издававшейся в Аллахабаде, где большую часть года находился вице-король и всё правительство Индии. По собственному признанию писателя, интерес к оккультизму у него был связан с желанием открыть для себя законы, объясняющие непонятные замечательные феномены. Осенью 1880 года Е.П. Блаватская в течение шести недель гостила в «Брайтленде» — доме супругов Синнеттов в Симле. Большинство феноменов, произведённых ею в то время, описано в первой книге Синнетта «Оккультный мир»[1], вышедшей в свет в июне 1881 года и наделавшей в Англии много шуму. Именно тогда, во время пребывания Блаватской в Симле, произошло самое важное событие в жизни Синнетта: началась его переписка с гималайскими адептами. В отделе редких рукописей Британской библиотеки до сих пор хранится 1300 страниц этих писем.

«Эзотерический буддизм» открыл для европейских читателей совершенно новое представление о строении человека и вселенной, об эволюции человека и космоса, о цели и смысле бытия. Темы, намеченные и четко обозначенные в этой книге, до сих пор составляют главное содержание эзотерической литературы, а принятая в ней терминология легла в основу всей теософской системы.

1 См.: А.П. Синнетт. Оккультный мир, — М.: Сфера, 2001.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Со времени первой публикации этой книги в начале 1883 года мне удалось узнать много нового относительно рассматриваемых в ней вопросов. Однако я могу с удовлетворением заявить, что все эти дополнительные учения указывают лишь на незавершенность моего первоначального изложения эзотерической доктрины, не выявляя в ней никаких существенных ошибок. Да и как может быть иначе, если сам великий Адепт, передавший мне все необходимые наставления для первого издания, подтвердил, что книга даже в своей нынешней форме, представляет собой вполне достоверное и точное описание устройства природы с точки зрения посвящённых в оккультную науку и что описание это может быть существенным образом дополнено в будущем, если только вызванный им во всём читающем мире интерес будет в достаточной мере свидетельствовать о потребности человечества в расширении своих познаний в данной сфере; однако при этом не потребуется ни коренным образом перекраивать первое издание, ни извиняться за него. С учётом этого заверения, представляется наиболее разумным изложить теперь свои недавние выводы и дополнительные сведения в форме примечаний и комментариев к соответствующим темам, не включая их в первоначальный текст, который я, в нынешних обстоятельствах, не склонен никоим образом изменять. И это своё намерение я в полной мере реализовал в настоящем издании.

Я могу также сослаться на критический отзыв «индуса-брахманиста» об этой книге, напечатанной в индийском журнале «Theosophist» за июнь 1883 года и косвенным образом подтверждающий созвучность и соответствие изложенных в ней учений с традиционными философскими доктринами некоторых других великих школ индийского мышления. Автор отзыва сетует на то, что, излагая суть эзотерической доктрины, я без какой-либо насущной необходимости пренебрёг общепринятой санскритской *терминологией*. Однако его замечания ограничиваются тем, что я в ряде случаев дал непривычные названия идеям и понятиям, уже давно известным благодаря священным книгам индуизма, и что я воздаю незаслуженно большие почести религиозной системе, известной под именем «буддизм», называя её наиболее приближенной к эзотерической доктрине, нежели иные религии. «Повседневная мудрость, которую руководствуется большинство современных индусов, в большей или меньшей степени окрашено в цвета того эзотерического учения, которое проповедует в своей книге мистер Синнетт, ошибочно называя его “эзотерическим буддизмом”», — пишет мой критик-брахманист, добавляя, что «во всей Индии нет ни одной деревни или хижины, в которой люди не были бы в той или иной мере знакомы с возвышенными догматами философии веданты... Кармические последствия в следующем рождении, встреча с добрыми и дурными плодами кармы в субъективном или духовном состоянии существования, предшествующем перевоплощению духовной монады в этом или каком-либо ином из миров, блуждание неудовлетворённых душ или человеческих оболочек в околоземных сферах (кама-локе), периоды пралайи и манвантары... — всё это не только понятно, но и хорошо знакомо огромному множеству индусов, — только под названиями, отличными от тех, которые использует автор “Эзотерического буддизма”». Однако это вовсе не минус, могу возразить я, а, скорее, плюс, с точки зрения западного читателя, которому совершенно безразлично, эзотерический ли индуизм или же буддийская религия стоит ближе всех к абсолютно истинной духовной науке, у которой, конечно же, нет и не может быть никакого названия, привязывающего её к той или иной религии внешнего мира в большей степени, нежели ко всем остальным. Всё, что требуется нам, европейцам, — это ясное понимание основополагающих принципов упомянутой науки. И если мы видим, что высокообразованные представители сразу нескольких великих религий Востока называют изложенные в этой книге принципы созвучными базовым принципам своих собственных теологических систем, то мы лишь ещё более убеждаемся в том, что содержание книги действительно достойно нашего внимания.

Что же касается самой жалобы, суть которой состоит в том, что название книги неточно отражает содержание изложенных в ней учений, коим её автор старался, как мог, придать вразумительную форму, то самое лучшее, что я могу сделать, это процитировать текст примечания, которое редактор журнала «Theosophist» прилагает к критической статье учёного брахмана. Примечание гласит: «Мы публикуем это письмо, поскольку в нём — вполне тактично и конкретно — выражены взгляды многих наших братьев индусов. В то же время мы считаем своим долгом уточнить, что мистер Синнетт присвоил своей последней публикации имя “Эзотерического буддизма” вовсе не потому, что пропагандируемые в ней доктрины связываются преимущественно с тем или иным вероучением, но лишь потому, что *буддизм* — это учение *будд*, мудрецов, то есть религия мудрости»[2]. Со своей стороны я могу только добавить, что полностью признаю и поддерживаю это истолкование. Предполагать, что данная книга должна придерживаться, ради удовлетворения современных *дилетантских* вкусов, традиционных для Старого Света методов религиозного мышления, значит абсолютно неверно представлять себе её замысел. Внешние религиозные формы и образы одного столетия могут быть немного возвышеннее, а религиозные воззрения другого — немного примитивнее; однако в любом случае они следуют духу своего времени, и было бы неразумно называть их взаимозаменяемыми. Я говорю об этом вовсе не для того, чтобы обратить в буддизм приверженцев иных религиозных систем, но для того лишь, чтобы довести до вдумчивого читателя — как на Востоке, так и на Западе — ряд фундаментальных представлений о фактических истинах Природы и об истинных фактах эволюционного продвижения человека, переданных мне восточными философами (и потому вполне созвучных многим бытующим на Востоке теологическим трактовкам). Ценность этих учений станет

2 *...буддизм — это учение будд, мудрецов, то есть религии мудрости...* — Слово «будда» является производным от санскритского корня «будх» (будить, пробуждаться) и обозначает переход к просветлённому сознанию; «буддха» — буквально, «просветлённый», то есть достигший совершенства своего буддхи и ставший свободным от бремени сансары (круговорота рождения и смерти).

гораздо очевиднее, если мы ясно представим себе, что они носят вполне научный, а не просто метафорический характер. Духовные истины — если это действительно истины — должно быть так же применимы в научной теории и практике, как и химические реакции. И потому ничье религиозное чувство, в какие бы цвета оно ни было окрашено, не должно быть обеспокоено прибавлением к уже имеющемуся стволу древа познания новых ветвей — новых открытий в области строения и природы человека на уровне его высшей деятельности. Истинная религия найдёт, в конечном счёте, способ ассимилировать сколь угодно большой объём нового знания в этой сфере — так же, как она всегда справлялась и справляется с ростом и умножением знания на физическом уровне. На первых порах новые открытия могут внешне противоречить представлениям, традиционно связываемым с религией. Так, например, геологическая наука нанесла в своё время серьёзный удар по библейской хронологии. Но в результате люди смогли осознать, что истинное значение космологических пассажей Ветхого Завета отличается от их буквального прочтения; так что это временное поражение религии, в конечном счёте, сделало её ещё чище. Точно так же и в тех случаях, когда позитивное научное знание начинает проникать в сферу действия законов духовного развития человека: некоторые неверные представления о Природе, долгое время связывавшиеся с религией, могут оказаться ниспровергнутыми; но основополагающие идеи истинной религии от этого только выигрывают, поскольку становятся чище и убедительнее. И самое важное то, что этот процесс объективно способствует преодолению внутренних противоречий религиозного мира. Вражда между сектами возможна лишь тогда, когда противоборствующие сектанты не в состоянии разглядеть фундаментальные истины. Только с наступлением того времени, когда базовые идеи, на которых основывается религия, станут такими же общепризнанными и бесспорными, как некоторые первичные законы физики, а все споры на их счёт станут в глазах образованных людей совершенно нелепыми, можно будет сказать, что язвительные дискуссии, провоцируемые религиозным чувством, окончательно перешли в разряд анахронизмов. Внешние проявления религиозной мысли попрежнему будут отличаться друг от друга в разных регионах и у разных рас — так же, как традиционный покрой одежды и традиционное меню; однако эти различия не смогут стать причиной интеллектуального антагонизма.

Разумеется, фундаментальные принципы природы рассматриваются нами в свете духовной науки, переданной нам нашими восточными друзьями. Однако это вовсе не означает, что религиозные мыслители, которым ближе западные теологические системы, должны отворачиваться от них, как от чего-то специфически восточного и потому чуждого. Если бы медицинская наука открыла какой-нибудь новый факт, касающийся человеческого тела, или выявила бы какой-нибудь доселе скрытый принцип, объясняющий механизм роста кожи и других тканей организма, это открытие едва ли стало бы рассматриваться даже как пограничное с областью религии. Но можно ли считать вторжением в религию открытие, продвигающее нас хотя бы на один шаг за пределы нервной деятельности и затрагивающее уровень функционирования более тонких сил, манипулирующих нервами так же, как последние манипулируют мышцами? Полагаю, что ни один человек, присоединяющий к своему религиозному чувству хотя бы малую толику высших способностей, не станет отвергать несомненный и очевидным образом доказанный природный факт исключительно на том основании, что он якобы противоречит религии; тем более что открытие, подобное вышеупомянутому, уже само по себе стало бы первым шагом к примирению между наукой и религией. Если нами установлен реальный факт, значит, он не должен находиться в противоречии со всеми прочими фактами, включая религиозную истину. То же самое можно сказать и обо всей огромной массе информации о духовной эволюции человека, которая содержится в этой книге. Таким образом, изучая тексты приводимых мною ниже сообщений, следует обращать внимание не на то, соответствуют ли они во всех отношениях предвзятому религиозному мнению, а на то, заключают ли они в себе подлинные природные факты, касающиеся роста и развития высших способностей человека. Если да, то мы вполне можем анализировать изложенные факты в научном духе, предоставляя им далее возможность оказывать на традиционные религиозные вероучения такое воздействие, которое окажется интеллектуально оправданным и закономерным.

Несмотря на многочисленные тематические отступления, которые нам придётся сделать по ходу объяснения, в нём всё равно можно будет усмотреть генеральную линию, коей является изложение антропологической теории, которая доводит до логического завершения и одухотворяет общераспространённые представления о физической эволюции. Теория, сводящая развитие человека к последовательному и крайне медленному, продолжающемуся из поколения в поколение усовершенствованию животных *форм*, представляется слишком примитивной и убогой для всеобъемлющей теории творения. Но если воспринять её правильно, то она открывает путь к пониманию параллельного, но более возвышенного процесса, в ходе которого душа человека постоянно совершенствуется в духовном царстве существования. Подобный взгляд на вещи примиряет эволюционный метод с неистребимым стремлением каждого обладающего самоосознанием существа к увековечению своей индивидуальной жизни. Последовательность появляющихся на нашей Земле разрозненных эволюционирующих *форм* не имеет, на наш взгляд, единой индивидуальности; и жизнь каждой из них представляется обособленным проявлением, не находящим в последующих аналогичных проявлениях ни компенсации за все перенесённые страдания, ни справедливости, ни заслуженных плодов своих усилий. Можно, конечно, утверждать — исходя из предположения, что всякий раз, когда в результате физиологического роста появляется новая человеческая форма, для неё создаётся новая, отдельная человеческая душа, — что справедливость этой душе может быть воздана в последующих состояниях, развоплощённых или духовных; однако такая концепция противоречит фундаментальной идее эволюции, которая в каждом случае приписывает (или полагает, что приписывает) возникновение новой души действию высокоразвитой материи. Она также не согласуется с природными аналогиями, не вдаваясь в рассмотрение которых мы можем уверить читателя в том, что теория духовной эволюции, как она изложена в учениях эзотерической науки, никоим образом им не противоречит и даже, наоборот, вполне удовлетворяет требованиям справедливости и инстинктивной потребности человека в продлении своей индивидуальной жизни.

Данная теория рассматривает эволюцию души как процесс, непрерывный сам по себе, хотя и протекающий через огромное множество разрозненных форм, периодически сменяющих друг друга по прошествии определённых промежутков времени. Оставив на время в стороне глубокомысленную метафизическую теорию, возводящую жизненный принцип к первопричине всего космоса, мы увидим, что душа как сущность вышла из животного царства и переместилась затем в самые первые человеческие формы, так как была еще не готова в то время вести полноценную интеллектуальную жизнь — такую, как та, которую человечество ведёт на современном этапе. Но благодаря множеству последовательных воплощений в различных формах, физическое совершенствование которых, в соответствии с дарвиновским законом, превращает их с каждым новым возвращением к объективной жизни во всё более подходящее вместилище для этой души, последняя постепенно накапливает огромный опыт, суммируемый в её высшей природе. В промежутках между физическими воплощениями душа продолжает переживать, пока, наконец, не перерабатывает окончательно или не преобразует в некую возвышенную абстракцию весь личный опыт, накопленный за предыдущую жизнь. В этом кроется ключ к подлинному истолкованию кажущегося затруднения, которое сторонние аналитики приписывают иногда грубой форме теории перевоплощения. Человек не помнит ничего о своих прошлых жизнях и потому полагает, что последующие жизни не смогут компенсировать ему все тяготы жизни нынешней. При этом он упускает из виду огромную важность промежуточного духовного состояния, в котором он ни в коем случае не забывает все те переживания и весь тот опыт, которые он накопил за прожитую жизнь, но очищает и извлекает из них возвышенную суть, знаменующую его космическое развитие. На следующих ниже страницах предпринята попытка проникновения в эту захватывающую тайну. Читателю будет предоставлена информация, позволяющая найти ответ на многие вопросы о жизни и смерти — в частности, сведения о многих уникальных явлениях, имевших место на пограничной стадии между этими двумя состояниями (или, вернее, между физической и духовной жизнью) и вызвавших в последние годы живейший интерес и целую волну откликов в самых развитых странах.

А.П. Синнетт

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Учения, изложенные в этой книге, проливают целое море света на связанные с буддийской доктриной вопросы, не раз заводившие в тупик учёных авторов, прежде писавших об этой религии, и впервые предлагают миру практический ключ к значению едва ли не всего древнего символизма. Более того, мы надеемся, что эзотерическая доктрина, будучи правильно воспринятой, непременно привлечёт к себе внимание непредубеждённых мыслителей. Догматы эзотерического учения не являются изобретением того или иного основателя или пророка. Его свидетельство основано не на каких-либо письменных источниках. Его взгляды на Природу стали результатом трудов бессчётного множества поколений исследователей, опиравшихся на свои духовные способности и чувства более высокого порядка, нежели те, что доступны обычным людям. С течением столетий накопленные таким образом знания, касающиеся происхождения мира и человека, конечной цели, к которой стремится наша раса, а также природы иных миров и состояний существования, отличных от состояний нашей нынешней жизни, — знания, выверенные по всем направлениям, разработанные до мельчайших подробностей и непрерывно исследуемые до сих пор, стали рассматриваться их хранителями как абсолютная истина о духовных вещах, как неоспоримые реалии, присущие сферам жизненной активности, находящимся за пределами нашего земного существования.

Европейская философия, связанная как с религией, так и с чистой метафизикой, настолько привыкла к ощущению неопределённости во всех рассуждениях, выходящих за рамки физического эксперимента, что её осмотрительные приверженцы едва ли сочтут приемлемым объектом для исследования абсолютную истину о духовных вещах. Однако в Азии распространены иные стандарты мышления. Тайная доктрина, которую я, как мне кажется, в некоторой степени могу объяснить, признаётся — не только своими почитателями, но и огромным множеством людей, едва ли знающих о ней хоть что-нибудь сверх того, что такая доктрина существует, — кладезем абсолютно достоверного знания, из которого все религии и философии заимствовали те зёрна истины, коими они обладают, и с которыми всякая религия должна сохранять гармоничное согласие, если желает оставаться способом выражения истины.

Я понимаю, что это смелое утверждение, однако всё равно предлагаю его миру как факт непревзойдённой важности, поскольку считаю, что его истинность может быть аргументированно подтверждена.

Я не собираюсь утверждать, будто одной этой книги достаточно для доказательства подлинности эзотерической доктрины. Подобное доказательство приобретается не через аргументированное рассуждение, но только посредством развития в себе самом способностей, позволяющих непосредственно воспринимать суть природных процессов. Однако это вывод *prima facie*[3] представляется убедительным только тому, кто готов принять и признать те истины Природы, которые должны раскрыться перед ним, и кто достаточно доверяет проницательности и опыту учителей, которые их ему раскрывают.

Разве сама масштабность поставленной цели, подразумевающей рассмотрение всей эзотерической доктрины, не свидетельствует о том, что наше исследование выходит за рамки, определяемые, как может показаться, названием книги, то есть за рамки поиска истинного, внутреннего смысла вполне конкретной и определённой религии, именуемой буддизмом? В самом деле, эзотерический буддизм — хотя он, безусловно, имеет вполне определённую связь с экзотерическим буддизмом — не следует рассматривать просто как *imperium in imperio*[4], то есть как центральную культурную школу или идейный стержень огромного буддийского мира. Чем дальше буддизм углубляется во внутреннее святилище своей веры, тем ближе он становится к такому же внутреннему святилищу всех других религий. Те космические идеи и знания о природе, которые не только лежат в основе буддийской религии, но и сами по себе составляют эзотерический буддизм, равным образом составляют также и суть эзотерического брахманизма. Поэтому «просветлённые» (в буддийском смысле) представители всех религий считают эзотерическую доктрину о природе, человеке, происхождении Вселенной и о той цели, к которой движутся её обитатели, абсолютной истиной. Но в то же самое время экзотерический буддизм сохраняет наиболее тесную связь с эзотерической доктриной, в сравнении с другими массовыми религиями. Таким образом, всякое изложение внутреннего знания, адресовано нынешнему английскому читателю, неизбежно будет ассоциироваться для него со знакомыми чертами буддийского учения. Последнее, безусловно, имеет для европейца гораздо большую практическую реальность, нежели просто отвлечённые рассуждения, и к тому же представляет собой наиболее удобный фундамент для начала изучения эзотерической доктрины в её буддийском варианте, который со времени жизни Гаутами Будды настолько слился с этим учением, что теперь пронизывает всё его существо, хотя само учение восходит к гораздо более глубокой древности. То, о чём я намереваюсь рассказать читателю, представляет собой эзотерический буддизм; и для европейского ученика, впервые приступающего к этой теме, любое другое название выглядело бы ошибкой.

Читателю надлежит составить целостное впечатление обо всём сказанном в этой книге: только тогда он сможет понять, почему посвящённые в эзотерическое учение рассматривают эту уступку широким массам, каковой они считают данную публикацию общих принципов своего учения, фактом пугающей важности. Одной из очевидных причин подобной настороженности является, конечно же, та безграничная святость, которую приписывали внутренним, наиглавнейшим истинам природы их древние стражи. Вплоть до самого недавнего времени эта святость подразумевала полное сокрытие упомянутых истин от непосвящённой паствы. И поскольку эта политика умолчания, являвшаяся тра-

3 *Prima facie* (лат.) — «по первому виду», на первый взгляд.

4 *Imperium in imperio* (лат.) — государство в государстве.

диционной на протяжении бесчисленных столетий, начинает теперь подвергаться пересмотру, очередное отступление от давнего правила, коим стал выход в свет этой книги, без сомнения, вызовет удивление и сожаление огромного множества посвящённых учеников. Нынешняя открытость для критики (порою довольно бестолковой и крайне непочтительной) эзотерических учений, до сих пор считавшихся этими самыми учениками настолько священными и величественными, что о них можно было говорить лишь в обстановке надлежащей торжественности, разумеется, покажется им ужасающей профанацией этих великих мистерий. С точки зрения европейца, было бы слишком самонадеянно ожидать, что подобного рода книга смогла бы избежать неоднозначного и в целом настороженного приёма, как правило, сопутствующего всем новым идеям. А в данном случае непоколебимая убеждённость вездесущих фанатиков способна сделать этот приём откровенно враждебным. Европейским пропагандистам учения, таким как я, это представляется совершенно естественным; но более ранним и более усердным его последователям это может показаться отвратительным кощунством. И они начинают опечалено взывать к мудрости освящённого временем правила, которое, на древний символический манер, воспрещало посвящённым метать свой бисер перед свиньями.

Но, на мой взгляд, к счастью, это правило было, наконец, отменено, дабы не причинить ущерба тем, кто хотя всё ещё далёк от посвящения (в оккультном смысле этого слова), но уже в силу одного влияния современной культуры, вполне готов к тому, чтобы по достоинству оценить преподнесённый ему дар.

Часть публикуемой на нижеследующих страницах информации отрывочно печаталась ранее в «The Theosophist», — ежемесячном журнале, издаваемом в Мадрасе руководителями Теософского Общества. И поскольку едва ли не все эти статьи — мои собственные, я без колебаний включал их в текст данной книги всякий раз, когда находил это целесообразным. От этого мои статьи только выиграли, поскольку читатель может теперь убедиться в том, что все эти прежде разрозненные кусочки мозаики, уже известные читающей публике, естественным образом укладываются на свои законные места в полотно (относительно) непрерывной и прямой мощёной дороги.

Учение, или система, ныне передаваемая в самых общих своих чертах широкой публике, до сих пор настолько ревностно охранялась, что никакие чисто литературные исследования, даже если они охватывали всю Индию, не могли передать непосвящённому миру ни единой крупицы сведений на свой счёт. Но сейчас это учение становится, наконец, достоянием гласности благодаря доброй воле тех, хранил его до нынешнего времени как зеницу ока. Ничто не могло силою вырвать у них ни единой буквы из этого тайного учения. И только внимательно изучив все приводимые мною в книге пояснения, читатель сможет правильно оценить или даже просто понять причины их нынешней откровенности, равно как и прежней скрытности. Предлагаемые ныне на рассмотрение европейских мыслителей взгляды на Природу совершенно чужды для них; но о политике знатоков эзотерической доктрины, являющейся следствием их долгого и близкого знакомства с этими самыми взглядами, надлежит судить именно на основании некоторых специфических аспектов упомянутой доктрины.

Что же касается обстоятельств появления на свет этих откровений, впервые возвещенных на страницах журнала «Theosophist» и теперь конкретизированных и упорядоченных (в чём читатель сможет убедиться сам) в этой книге, то на данный момент мне будет достаточно сказать, что само Теософское Общество (благодаря сотрудничеству с которым мне удалось собрать материал, положенный в основу данного издания) обязано своим появлением на свет некоторым стражам эзотерической науки. Все эти знания, ставшие, наконец, достоянием гласности, было задумано передать через Теософское Общество человечеству (во имя тех его представителей, которые готовы их воспринять) уже тогда, когда эта организация ещё только создавалась; а последующие события всего лишь указали на меня как на самого удобного посредника в осуществлении этого замысла.

Хочу добавить также, что вовсе не считаю себя единственным человеком, способным нести внешнему миру эзотерическую истину в этот переломный исторический момент. В том, что касается философского знания, эти учения является результатом взаимодействия с внешним миром, установленного *через меня* хранителями этой эзотерической истины. И только благодаря намерениям и действиям этих эзотерических учителей, избравших меня своим посредником, я смог приобрести какие-то знания. Однако очевидно, что и некоторые другие авторы, каждый на свой манер, пропагандируют ради блага человечества (и, как мне кажется, в соответствии с определённым великим замыслом, частью которого является эта моя книга) те же самые истины, что были переданы для последующего распространения мне, только в разных аспектах. Возможно, что и нынешняя повышенная активность в области литературных спекуляций по поводу проблем, выходящих за рамки физического знания, тоже была некоторым образом стимулирована политикой, проводимой великими хранителями эзотерической истины, — той самой политикой, одним из проявлений которой призвана стать моя книга. Опять же, небывалый всплеск интереса к «психическим исследованиям», проявляемый ныне выдающимися, талантливыми и высокообразованными людьми, возглавляющими в Лондоне общество, деятельность которого посвящена означенной цели[5], тоже является, по моему внутреннему убеждению (а я кое-что знаю о тех методах, при помощи которых незримо и молчаливо влияют на духовные устремления человечества те, кто трудится в этой области Природы), очевидным результатом деятельности, параллельной той, в которой участвую я сам.

Мне остаётся только заявить, что нижеследующий трактат отнюдь не претендует на то, чтобы считаться исчерпывающим изложением эзотерической доктрины; равно как и язык, которым он написан, не претендует на непревзойдённое совершенство. Я уверен, что более тесное знакомство с обширной и очень сложной схемой изложенной в нём в самых общих чертах космогонии неизбежно повлечёт за собой дополнение и уточнение использованной мною фразеологии. Всего два года назад ни я сам, ни кто бы то ни было ещё из ныне здравствующих европейцев не знали даже азбуки этой науки, впервые облечённой в подлинно научную форму только сейчас. Во всяком случае, это можно назвать пер-

5 Речь идёт об «Обществе психических исследований», организованном в 1882 г. в Лондоне.

вой попыткой обобщить накопленные знания и придать им форму целостной науки. Это наука о духовных причинах и их следствиях, о сверхфизическом сознании и космической эволюции. Хотя наука о духовных причинах и их следствиях, о сверхфизическом сознании и космической эволюции. Хотя её идеи впервые начали проявляться в мире под более или менее плотной маской мистической символики, со стороны эзотерических учителей не было предпринято два года назад ни единой попытки изложить всю схему учения в его первозданной и абстрактной чистоте. И потому, в процессе обучения, мне приходилось самому подбирать фразы и английские слова, примерно соответствующие тем идеям, которые были мне переданы. Однако я ни в коем случае не считаю, что мне всегда удавалось находить самые лучшие из всех возможных выражений или подбирать наиболее правильные и выразительные слова. Например, в самом начале своей работы мы столкнулись с необходимостью подбора названий для различных элементов, или атрибутов, составляющих в совокупности человеческие существо. Слово «элемент» было признано непригодным, поскольку его использование неизбежно вызвало бы путаницу из-за множественности вариантов его трактовки. В конечном счете, наименее спорным мне показалось слово «принцип», хотя для слуха искушённого в тонкостях метафизической риторики ученика и оно, безусловно, будет звучать явным диссонансом, опять же из-за некоторых приписываемых ему в настоящее время значений. Так что вполне возможно, что с течением времени западная номенклатура эзотерической доктрины будет существенным образом усовершенствована, а мои временно предложенные переводы — отринуты как явно неудачные. Восточная номенклатура гораздо более совершенна; однако метафизический санскрит[6] представляет собой настоящее наказание для переводчика. Как уверяли меня мои индийские друзья, в этом повинен не санскрит, но тот язык, на который мы теперь пытаемся переложить санскритские идеи. Однако в конце концов мы обнаружили, что благодаря некоторым заимствованиям из знакомых всем нам греческих кладовых, английский язык может стать гораздо более восприимчивым к новому учению (или, точнее, — к старому, как мир, учению, о котором мы только что узнали), нежели это могли предположить наши восточные коллеги.

А.П. Синнетт

6 *Санскрит* (от санскр. «самскрта» — буквально, «обработанный») — литературный язык древней Индии, язык большинства философских, религиозных, учёных и литературных сочинений, до сих пор остающийся в употреблении. Первоначально это был язык посвящённых брахманов, язык мистерий, впоследствии обработанный в грамматической традиции, прежде всего, в труде Панини, в IV веке до нашей эры.

ГЛАВА I. ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ УЧИТЕЛЯ

Публикуемые на следующих страницах сведения не являются собранием выводов, сделанных на основании собственных наблюдений и исследований автора. Я предлагаю читателям знания, полученные скорее вследствие оказанной мне милости, нежели в результате моих собственных изысканий. Однако этот факт нисколько не умаляет их значения. Я даже беру на себя смелость утверждать обратное: то, с какой лёгкостью эти знания были приобретены, неизмеримо повышает их ценность в сравнении с любыми успехами, которых я мог бы добиться на этом же самом поприще, придерживаясь традиционных методов исследования, даже если бы в совершенстве владел тем, на что я никоим образом не претендую, — восточной учёностью.

Каждый, кто когда-либо интересовался индийской литературой, а тем более тот, кто бывал в Индии и беседовал там с образованными туземцами на философские темы, знает о бытующей на Востоке всеобщей убеждённости в существовании земных людей, которым известно о философии — в самом возвышенном смысле этого понятия (то есть как о науке, истинном знании духовных вещей) — неизмеримо больше, нежели можно почерпнуть из каких бы то ни было книг. В Европе любой намёк на секретность научного знания вызывает такую всеобъемлющую волну возмущения, что европейские мыслители инстинктивно стараются сразу же отмести всё, что так противно их разуму. Однако за время своего проживания в Индии я смог воочию убедиться в том, насколько прочно укоренилась там вышеупомянутая убеждённость; и в конце концов я сам был удостоен чести воспринять множество наставлений в области того доселе скрытного знания, над которым восточные философы молчаливо размышляли с незапамятных времён, — наставления, которые передавались раньше только восприимчивым ученикам, уже готовым возложить на себя бремя ответственности за сохранение тайны, поскольку их учителей вполне устраивало, что все любопытствующие оставались при своих сомнениях относительно того, есть ли на самом деле хоть какая-нибудь ценность во всех тех знаниях, которые они (учителя) окружают столь плотной завесой молчания.

Разделяя поначалу то негодование, которое неизменно вызывала у каждого европейца прежняя политика восточных мудрецов в отношении своих познаний, я всё-таки смог осознать, что древняя восточная наука является подлинной драгоценностью и желанным приобретением. Можно понять и извинить того, кто называет кислым тот виноград, который висит слишком высоко, чтобы до него можно было дотянуться; но совершенно неразумно настаивать на своём прежнем мнении, когда кто-либо из ваших высокорослых друзей нагнёт для вас ветку, и вы сами сможете убедиться в том, насколько он сладок.

По причинам, которые станут ясными из дальнейших пояснений, значительная часть до сих пор хранившейся в тайне, но теперь включённой в эту книгу информации была передана мне не только без обычных для такого случая условий и ограничений, но и с очевидным позволением передать её далее всему остальному миру.

Без путеводного света эзотерического (до недавнего времени) восточного знания никакое изучение опубликованной экзотерической литературы — английской или санскритской — не могло бы позволить проникнуть в суть внутренних учений и в истинное значение восточных религий, даже если бы за это дело взялся человек самой выдающейся учёности. Это утверждение вовсе не является упрёком всем сочувственно настроенным, образованным, трудолюбивым и весьма талантливым авторам, которые изучали восточные религии (и особенно буддизм) в их внешних аспектах. С того самого момента, когда буддизм был явлен миру, ему более, нежели всем прочим религиям, было свойственно разделение на две составляющие — экзотерическую и эзотерическую. Настоящий, внутренний смысл учения был скрыт от непосвящённых учеников, в то время как внешнее учение предлагало широким массам просто кодекс нравственных наставлений и иносказательную, символическую литературу, намекающую на существование за внешней оболочкой некоего сокровенного знания.

На самом деле это тайное знание существовало задолго до того, как оно совершило прорыв во внешний мир через земную жизнь Гаутамы Будды. За много столетий до рождения Будды брахманическая философия[7] заключала в себе аналогичные учения, которые сейчас получили бы наименование эзотерического буддизма. Разумеется, её черты к тому времени уже порядком размылись, а научность изложения была отчасти утрачена; однако небольшой избранный круг всё равно продолжал сохранять основную массу знания, когда Будда вновь возвестил о нём в своих проповедях. Будда решил возложить на себя задачу исправления и обновления эзотерической науки внутреннего круга посвящённых, а также придания свежего нравственного импульса внешнему миру. Обстоятельства этой деятельности были поняты совершенно неправильно, хотя прямое и конкретное их истолкование всё равно никто не смог бы правильно оценить, не получив предварительных пояснений, предполагающих общий обзор всей эзотерической науки.

Со времён Будды и до настоящего времени эта эзотерическая наука ревностно оберегалась как бесценное наследие, принадлежащее исключительно признанным посвящённым, членам мистических сообществ. И если речь идёт о буддийской религии, то эти посвящённые — Арахаты (или точнее — Архаты)[8], часто упоминаемые в буддийской ли-

7 *Брахманизм* — ступень в развитии религиозного мышления древней Индии, следующая за ведической религией и предшествующая индуизму. Сложился приблизительно с VIII по II в. до н. э. Назван по имени жреческой касты брахманов. В священную литературу брахманизма входят Веды и обширные комментарии к ним (брахманы, араньяки, упанишады).

8 *Арахат* (пали), или Архат (санскр.) — буквально, «достойный», «заслуживающий божественных почестей». В Ведах этим словом обозначается человек или бог, имеющий особые заслуги. В буддизме — адепт, освободившийся от привязанностей и достигший стадии освобождения.

тературе. Это посвящённые, прошедшие «четырёхступенный путь святости»[9], о котором говорится в эзотерических буддийских писаниях. Повествуя о многочисленных оригинальных текстах и санскритских авторитетах, мистер Рис Дэвидс сообщает: «Можно исписать целые страницы благоговейно трепетными и экстатическими восторженными похвалами, которые буддийская литература расточает в адрес этого возвышенного состояния ума, являющегося плодом четвёртого пути, состояния Архата — человека, ставшего совершенным благодаря буддийской вере». А затем, после нескольких, следующих непрерывной чередою цитат из санскритских авторитетов, добавляет: «Для того, кто прошёл весь путь до конца и вышел за пределы страдания, кто освободился во всех отношениях, сбросив с себя все возможные путы, кто не ведает более ни нетерпения, ни скорби... Для них не существует больше рождений... и они могут наслаждаться нирваной. Их прежняя карма исчерпана, а новая уже не создаётся; их сердца свободны от стремления к новой жизни, и никакие новые желания более не потревожат их. Они, мудрецы, погасли, как огонёк свечи». Впрочем, все эти и подобные им высказывания создают у читателя (во всяком случае, европейского) совершенно превратное впечатление относительно того, кем на самом деле является Архат, какого рода жизнь он ведёт на Земле и чего ожидает для себя в будущем. Однако с исправлением этого ошибочного мнения пока можно подождать. В данный момент необходимо добавить ещё несколько высказываний из экзотерических трактатов, иллюстрирующих распространённые представления об Архатах.

Переходя к описанию *Джханы* и *Самадхи*[10], то есть веры в то, что путём интенсивного самопогружения можно приобрести сверхъестественные способности, мистер Рис Дэвидс далее пишет: «Насколько мне известно, ни один письменный источник не сообщает о том, чтобы эти способности приобрёл кто-либо из членов ордена, или брахман-аскет, или кто бы то ни было ещё. Будда обладал ими всегда. Но до сих пор неясно, обладали ли способностью производить все эти чудеса Архаты *как таковые*, или же из нищенствующих монахов — только Архаты или только Асекхи»[11]. Можно добавить, что в уже изученных источниках очень многое неизбежно кажется неясным. Но в данном случае я всего лишь стараюсь показать, что буддийская литература действительно изобилует ссылками на величие и могущество Архатов. Для более близкого знакомства с ними нам понадобятся дополнительные объяснения, а для этих объяснений, в свою очередь, необходим особый случай.

Мистер Артур Лилли в книге «Будда и ранний буддизм» сообщает: «Считается, что аскет должен обрести шесть сверхъестественных способностей[12], прежде чем он сможет претендовать на звание Архата. О шести сверхъестественных способностях постоянно упоминается в сутрах[13], однако, как правило, не уточняется, что это за способности... Человек имеет тело, состоящее из четырёх элементов... В этом преходящем теле заточён его разум, и когда аскет начинает осознавать это, он направляет свой разум на сотворение *манаса*[14]. Он мысленно представляет себе иное тело, создаваемое из тела материального и тоже имеющее форму, органы и конечности. По отношению к материальному телу это новое тело подобно мечу, выходящему из ножен, или змее, выползающей из корзины, в которой она спала. Так очистившийся и достигший совершенства аскет приступает к практическому овладению сверхъестественными способностями. Он обнаруживает, что теперь может проходить сквозь материальные препятствия: стены, крепостные валы и так далее; он может являть свой призрачный образ сразу во многих местах, ...он способен покидать этот мир и даже достигать небес Брахмы... Он обретает способность слышать звуки невидимых миров так же ясно, как и звуки феноменального мира, а по сути дела — даже более отчётливо. Кроме того, благодаря силе *манаса*, он может читать самые сокровенные мысли других людей и определять черты их характера». И так далее. И хотя мистер Лилли не слишком точно угадал, какая именно истина скрыта за этим популярным изложением фактов, нет необходимости приводить какие-либо дополнительные цитаты, поскольку и без того уже ясно, что весь буддийский мир с глубочайшим уважением относится к способностям Архатов и к их познаниям духовной стороны вещей, даже несмотря на то, что сами Архаты явно не стремятся к тому, чтобы облагодетельствовать мир своими автобиографиями или научными описаниями «шести сверхъестественных могуществ».

Вполне уместными здесь будут несколько фраз из недавно выполненного мистером Хоуи перевода книги доктора Ольденберга «Будда: его жизнь, его учение, его орден», после чего мы сможем продолжить своё повествование. Читаем: «Общераспространённая буддийская философия часто приписывает обладание нирваной некоему святому, до сих пор живущему на Земле: “Ученик, отринувший желания и страсти и обогатившийся мудростью, здесь, на Земле, достиг избавления от смерти и отдыха в нирване, вечном состоянии. Только того, кто выбрался из непролазных дебрей

---

9 *Четырёхступенный путь* духовного совершенствования в буддизме имеет следующие ступени: вступивший в поток, возвращающийся один раз, не возвращающийся, архат.

10 *Джхана*, или дхьяна (от санскр. «дхъяй» — букв. «умозреть») — процесс-состояние погружения, созерцания, который возносит практикующего аскета за пределы чувственного восприятия и мира материи. Последовательные стадии джханы (их насчитывают от четырёх до шести) образует ступени, восходя на которые человек освобождается от волнений и заблуждений.
Самадхи (санскр.) — важнейшее понятие всех направлений йоги. Наиболее широко известно как состояние того экстаза, когда исчезает сама идея собственной индивидуальности (но не сознание) и возникает единство воспринимающего и воспринимаемого.
Согласно «Йога-сутрам», самадхи есть остановка всей психической активности. В буддизме самадхи — состояние просветления, достигаемое медитацией; последняя ступень восьмеричного пути, подводящая человека вплотную к нирване.

11 *Асекха* (пали) — тот, кто уничтожил все привязанности и достиг состояния Архата.

12 *«...шесть сверхъестественных способностей»...* — Речь идёт о шести парамитах (санскр.) — буквально, «совершенствах». В буддийском мистицизме парамити — трансцендирующая способность, сила или энергия, овладение которой делает постижимой нирвану.

13 *Сутры* (санскр.) — буквально, нить, на которую нанизаны жемчужины; литературный жанр, к которому относятся произведения, которые состоят из отдельных афоризмов, в том числе буддийские священные писания, содержащие учение самого Будды.

14 *Манас* (санскр.) — буквально, «ум», способность человека мыслить; эзотерически — Высшее Эго, чувствующий перевоплощающийся принцип.

сансары[15], кто пересёк море и выбрался на берег, кто погружён в себя и не ведает сомнения и страха, кто освободился от всего земного и достиг нирваны, я называю истинным брахманом”. Если этот святой пожелает оставить своё нынешнее состояние бытия прямо сейчас, сию минуты, для него это не составит труда; однако большинство ему подобных терпеливо ждёт, когда природа до конца осуществит свои планы. К таким святым лучше всего подойдут слова, вкладываемые в уста самого знаменитого из учеников Будды: “Я не стремлюсь к смерти и не стремлюсь к жизни; я жду, когда придёт мой час, как слуга, ожидающий заслуженной награды”».

Увеличение количества подобного рода цитат не дало нам ничего, кроме повторения в разных формах экзотерического представления об Архатах. Как и всякое явление или мысль в буддизме, Архат имеет два аспекта: тот, в котором он предстаёт перед широкими массами, и тот, в котором он действительно живёт, действует и существует. В простонародном представлении это — святой, ожидающий духовной награды, такой, какую могут вообразить себе широкие массы; и пока эта награда не нашла его, он остаётся чудотворцем, получающем помощь свыше. Однако на самом деле он является испытанным и доказавшим свою надёжность хранителем глубочайшей и самой сокровенной философии той единой, фундаментальной религии, которую обновил и возродил Будда, а также знаток науки о природе, превосходящей человеческое знание не только в том, что касается духовных тайн, но и в вопросах устройства материального мира.

Архат — буддийский термин. Однако в Индии, где атрибуты Архата далеко не во всех случаях связываются с буддийским вероучением, более распространён термин *Махатма*. Индия просто изобилует всевозможными рассказами о Махатмах. Древних Махатм обычно называют Риши; однако эти понятия взаимозаменяемы, и мне самому доводилось слышать, как титул Риши применялся к людям и поныне здравствующим. Все перечисляемые в буддийских сочинениях качества Архатов упоминаются, с неменьшим восхищением, и в индийской литературе, но уже как атрибуты Махатм; и эту книгу тоже можно было бы при желании заполнить переводами из туземных сочинений, в которых описываются чудесные достижения Махатм, чьи имена сохранились в истории и преданиях.

В действительности Архаты и Махатмы — одни и те же люди. На духовно-возвышенном уровне высшее знание эзотерической доктрины растворяет в себе все первоначальные сектантские различия. И как бы мы ни называли этих *просветлённых*, все они являются адептами оккультного знания. В Индии этих хранителей духовной науки, полученной ими от своих предшественников, до сих пор иногда называют Братьями.

Мы можем перелистать множество томов как древней, так и современной литературы, но при этом нигде не найдём хоть сколь-нибудь систематизированного изложения учения или науки Махатм. Значительная её часть иносказательно изложена в оккультных сочинениях; однако все эти тексты едва ли могут принести какую-то пользу читателю, принимающемуся за их изучение без предварительной подготовки, в которой никакие книги не смогут помочь. Если я всё-таки смог составить очерк учения Махатм, то только благодаря непосредственным наставлениям, переданным мне благодаря покровительству одного из них; и точно таким же образом я приобрёл все свои нынешние познания о той организации, к которой большинство из них (причём наиболее могущественное большинство) ныне принадлежит.

Во всём мире существуют оккультисты, достигшие различных степеней совершенства, и даже целые оккультные братства, у которых много общего с главным братством, ныне пребывающим в Тибете. Однако мои собственные изыскания убедили меня в том, что Тибетское Братство неизмеримо превосходит все прочие подобные сообщества и что представители последних вполне разделяют это мнение, хотя их собственные организации тоже вполне достойны называться истинно «просветлёнными» в оккультном смысле этого слова. Разумеется, в Индии есть немало независимых мистиков-самоучек, не связанных ни с какими оккультными организациями. И многие из них уверены, что достигли куда более значительных высот духовного просветления, нежели тибетские Братья и вообще кто бы то ни было из живущих на Земле людей. Однако я уверен, что во всех случаях, с которыми мне приходилось сталкиваться, обстоятельное изучение подобного рода притязаний убедило бы беспристрастного стороннего наблюдателя в их явной необоснованности, как бы мало он ни был искушён в определении степени духовного просветления. Например, я лично знаю одного индийского туземца — человека с европейским образованием, занимающего ответственный пост в правительственном аппарате, обладающего высоким социальным статусом и замечательным характером и к тому же на редкость уважительно относящегося к своим европейским коллегам по службе, — который ставит тибетских Братьев только на второе место в мире духовно просветлённых. Первое место он безоговорочно отводит другому человеку, ныне уже ушедшему из жизни, — своему собственному оккультному учителю, которого он со всею убеждённостью почитал воплощением Высшего Существа. Этот Учитель настолько пробудил его (моего знакомого) внутренние чувства, что теперь видения, являющиеся ему в состоянии транса, в которое он до сих пор может погружаться по собственной воле, являются единственной духовной сферой, представляющей для него интерес. Будучи убеждённым в том, что Высшее Существо с самого начала пребывало в личности его наставника и теперь продолжает существовать в субъективном состоянии, он (что совершенно естественно) оставался глух ко всем предположениям о том, что его впечатления, возможно, искажены его изначально неверно направленным психологическим развитием. Опять же, встречающиеся время от времени в Индии высокообразованные и одарённые ученики, строящие свои представления о природе, вселенной и Боге исключительно на метафизическом базисе и создающие свои системы, опираясь на одну лишь силу трансцендентного мышления, нередко берут за основу какую-нибудь признанную философскую систему и развивают её до масштабов, которые может вообразить себе только восточной метафизик. Они собирают вокруг себя учеников, кото-

15 *Сансара* (санскр. — «вращение», «круговорот») — человеческие перевоплощения, представляемые в виде непрерывного круга, колеса, всегда находящегося в движении; цепь рождений и смертей, от которой можно освободиться, познав истинную дхарму и достигнув нирваны.

рые всецело преданы им в своей слепой вере, и создают свои собственные маленькие школы, какое-то время процветающие в своём маленьком мирке. Однако спекулятивная философия подобного рода — это скорее зарядка для ума, нежели истинное знание. Подобные «учителя» в сравнении с Адептами, объединёнными в высочайшее Братство, всё равно что гребные шлюпки перед океанским лайнером: в собственном родном озере или реке они могут быть весьма полезным средством передвижения, но едва ли разумно доверять им свою жизнь, отправляясь в кругосветное плавание через моря и океаны.

Спускаясь ступенью ниже, мы видим по всей Индии великое множество йогов и факиров, стоящих на самых разных уровнях саморазвития: от чумазых дикарей, мало чем отличающихся от цыганских гадалок, коими изобилует любой английский ипподром, и до людей, уединение которых крайне трудно нарушить человеку стороннему, хотя достаточно было бы всего один раз увидеть или ощутить феноменальные способности и силы этих людей, чтобы преодолеть недоверие даже самого самодовольного представителя современного западного скептицизма. И потому слишком торопливые исследователи склонны принимать таких людей за великих адептов, о которых они могли где-то что-то слышать.

Что же касается настоящих адептов, то я пока что не могу позволить себе никаких предположений относительно того, что представляет собою Тибетское Братство и как выглядят его высочайшие авторитеты. Сами Махатмы, о которых читатель сможет составить себе более или менее адекватное представление, если терпеливо прочтёт эту книгу до конца, подчинены (опосредованно, через несколько ещё более высоких иерархических ступеней) Господу всего сущего. Но лучше нам начать с более скромных стадий оккультного обучения, так как они более доступны нашему пониманию.

Уровень духовного развития, соответствующий человеку, которого внешний мир называет Махатмой или «Братом», может быть достигнут только после продолжительных и тяжёлых испытаний и проверок на прочность, многие из которых отличаются необычайной суровостью. Можно встретить людей, которые в течение двадцати, тридцати или даже более лет живут безупречной и напряжённой жизнью, полностью посвящённой избранной цели — достижению возвышенного состояния адепта; однако этот высокий идеал по-прежнему остаётся для них недосягаемо далёким, и они всё ещё остаются на ранних ступенях ученичества. И в каком бы возрасте юноша или мужчина ни решал посвятить себя оккультному саморазвитию, он должен помнить, что ему следует делать это безоговорочно и на всю жизнь. Ему предстоит развить в себе огромное множество способностей и качеств, которые у обычных людей настолько глубоко скрыты, что они даже не догадываются об их существовании и отрицают всякую возможность их проявления и развития. Причём развить в себе эти способности и качества должен сам чела[16] — с минимальной внешней помощью и при минимальной поддержке со стороны учителя или даже вовсе без них. Оккультный афоризм гласит «Адепта нельзя сделать — адептом надо стать». Проиллюстрировать эту истину можно на примере самого простого физического процесса. Каждый живой человек, нормально владеющий своими конечностями, способен плавать. Но если человека, относящегося к категории так называемых «не умеющих плавать» людей, бросить в глубокую воду, он начнёт беспорядочно барахтаться и в конце концов утонет. Как нужно работать конечностями для того, чтобы плыть, ни для кого не секрет; но пока пловец, двигая конечностями, сам не поверит в то, что эти движения позволят ему добиться желаемого результата, этот самый результат не будет достигнут. В данном случае мы имеем дело исключительно с физическими силами, но тот же самый принцип действует и применительно к более тонким силам. Простая сила «убеждённости» способна увести оккультного неофита гораздо дальше, нежели полагает большинство людей. Великое множество европейских читателей выразило бы немалое удивление и недоверие, если бы им сообщили хотя бы о некоторых результатах, которых должен добиться оккультный чела на самых ранних этапах своего обучения благодаря одной лишь силе убеждённости. И хотя они регулярно посещают церковь, где то и дело слышат знакомые библейские уверения в огромной силе, которую таит в себе вера, эти слова, как ветер, пролетают мимо их ушей, не влияя на их мировоззрение.

Великий и главной целью ученика, стремящегося достичь состояния адепта, является духовное саморазвитие, природу и характер которого скрывают от нас лишь банальные фразы экзотерического языка. Слова о том, что адепт стремится соединить свою душу с Богом и что при этом он переходит в состояние нирваны, не имеют никакого сколь-нибудь конкретного смысла для рядового читателя; и чем активнее он пытается проникнуть в их суть при помощи экзотерических книг и традиционных методов, тем меньше у него шансов постичь сущность данного процесса или желаемого состояния. Для того, чтобы истолковать цели адептства стало хоть сколь-нибудь понятным, необходимо ознакомиться сперва с эзотерической концепцией природы, а также с эзотерической трактовкой происхождении и предназначения человека, во многом отличающейся от теологической. Однако начать желательно с попытки рассеять заблуждения читателя относительно предназначения адепта, так как существование этих заблуждений более чем вероятно.

Развитие духовных способностей, обладание которыми естественным образом связано с наивысшими целями оккультной жизни, приносит с собою, по мере продвижения вперёд, значительное количество побочных знаний, связанных с малоизвестными физическими законами природы. Эти знания, позволяющие обрести практический навык управления некоторыми таинственными силами природы, наделяют адепта и его учеников, даже находящихся на сравнительно ранних этапах своего оккультного обучения, такими экстраординарными способностями, что их использование в повседневной жизни порою влечёт за собою результаты, которые иначе как чудесными не назовёшь. И поскольку, с точки зрения стороннего человека, обретение кажущихся чудесными способностей уже само по себе выглядит величайшим достижением, многие склонны полагать, что адепт стремится приобщиться к оккультному знанию исключительно для того, чтобы этими способностями овладеть. Однако с тем же успехом можно было бы сказать о каждом

16 *Чела* (санскр. — «дитя») — ученик, воспитанник гуру, или мудреца, последователь определённого адепта какой-либо школы философии.

патриоте, защищавшем своё отечество с оружием в руках, что он стал солдатом только для того, чтобы надеть нарядный мундир и произвести впечатление на горничных.

Восточные методы приобретения знаний всегда диаметрально отличались от тех, что применялись на Западе в периоды развития науки. Если в Европе изучение природы является максимально открытым процессом, где каждый шаг публично обсуждается и каждый новообретённый факт ставится на службу всему человечеству, то азиатская наука изучается тайно, а её достижения ревниво оберегаются. Я не стану ни критиковать, ни отстаивать эти методы. Скажу только, что в моём случае было сделано некоторое послабление, и, как уже говорилось выше, я сообщаю сейчас, следуя своей естественной европейской склонности, обо всём, что узнал, всем тем, кому это может быть интересно, с позволения и согласия своих учителей. Однако ниже будет показано, что данное отступление от общепринятых правил, материально воплощённое в этой книге, самым естественным образом вписывается в общую схему оккультной философии. Собственно говоря, в каком-то смысле доступ к этой философии всегда был и остаётся открытым для всех. Во всём мире всегда неуловимо витала, принимая самые разные формы, идея возможности приобретения неких особенных знаний — гораздо более возвышенных, нежели те, которые человечество может почерпнуть из экзотерических книг и публичных религиозных проповедей; а также слухи о том, что, следуя некоему *определённому* учебному процессу, то тут, то там отдельные люди действительно приобретали эти знания. Как мы уже говорили, на Востоке эти идеи всегда присутствовали в гораздо более определённой и убедительной форме, нежели просто слухи; да и на Западе, в европейском обществе, издревле существовал и существует по сей целый цикл символической литературы, в которой рассматриваются вопросы астрологии, алхимии и мистицизма. Поэтому наиболее восприимчивые и подготовленные европейские умы также могли удостовериться в том, что за собранием маловразумительных вещей, составляющих, как правило, содержание этой символической литературы, спрятаны великие истины. Нетрадиционный подход к символическим книгам раскрывал иногда перед этими немногими скрытый смысл написанного, вознося их к высочайшим сферам просветления, доступным человеческому воображению. Однако до настоящего времени во всех подобных случаях, как только неофит пробивал себе дорогу в мистические сферы, он тут же, в соответствии с законом школ оккультизма, оказывался связанным строжайшим обетом держать в секрете всё, что относится к его вхождению и дальнейшему обучению в одной из этих школ. Аналогичным образом и в Азии, как только претендент приобретает статус «чела» (ученика-оккультиста), он тут же перестаёт быть свидетелем реальности оккультного знания. С тех пор, как я сам стал причастен к этому знанию, я с удивлением отмечаю, насколько многочисленны эти чела. Но при этом невозможно представить себе человеческое деяние более невероятное, нежели несанкционированное свыше открытое признание одного из таких чела постороннему человеку в том, что он действительно ученик оккультной школы. Поэтому великая эзотерическая школа философии продолжает благополучно сохранять своё *incognito*[17].

В предыдущей своей книге «Оккультный мир»[18] я уже публиковал подробный и честный рассказ об обстоятельствах, при которых были установлены контакты между мною и теми талантливыми и высокообразованными людьми, которые постепенно передали мне учения, составившие содержание этого сочинения. Поэтому мне нет необходимости повторять свой рассказ. Я намерен теперь рассмотреть эту же самую тему в ином аспекте. В существовании оккультных адептов и важности их достижений можно убедиться двумя способами: во-первых, при помощи внешних свидетельств — сообщений заслуживающих доверия очевидцев или демонстраций людьми, связанными с адептами, или же через этих людей необычных способностей, позволяющих предположить, что где-то должно существовать такое же необычное знание; и во-вторых — через знакомство с некоторой, достаточно солидной, порцией этого знания, на основе которого можно будет судить о глубине и важности эзотерической науки. В моей первой книге акцент был сделан на первом способе доказательства; теперь же мне предстоит решить более сложную задачу — доказать реальность существования оккультного знания вторым способом.

Примечания

Чем дальше мы продвигаемся в оккультном изучении, тем более возвышенными и многогранными становятся наши представления о Махатмах. При помощи одних только интеллектуальных усилий невозможно в полной мере осознать, чем эти люди отличаются от основной массы человечества. В природе адепта имеются такие аспекты, которые связаны с развитием высших принципов в человеке и потому не могут быть осознаны его низшими принципами. Складывающиеся поначалу приземлённые представления об адептах с течением времени обнаруживают всё большее несоответствие истинному уровню изучаемого явления, и это создаёт одно курьёзное затруднение. Наши первые понятия об адепте как о человеке, развившем в себе талант проникновения в захватывающие тайны духовный природы, складываются по типу представлений об учёном нашего собственного уровня — только очень талантливом учёном. Мы склонны полагать, что адепт всегда должен быть адептом, то есть сверхчеловеком, который во всех жизненных ситуациях пользуется своими способностями Махатмы. Как уже было указано выше, подобная точка зрения, как бы мы не старались воздать должное в своих мыслях этим самым качеством Махатмы, неизбежно заводит нас в тупик, а затем и в противоположную крайность, когда мы, в какой-то мере ознакомившись с реалиями оккультного мира, начинаем упускать из виду земную, человеческую природу адепта, что ещё больше усугубляет наше заблуждение. Так как наиболее возвышенные качества адепта связаны с выходящими за пределы физического существования принципами человеческой природы, то это заставляет нас думать об адепте (или Махатме) исключительно в самом утончённом

17 *Incognito* (итал.) — скрытно, тайно, не открывая своего имени.

18 См.: А.П. Синнетт. Оккультный мир. — М.: Сфера, 2001.

смысле этого понятия, то есть представлять его пребывающим, как это принято говорить, «вне тела» или, во всяком случае, в каком-нибудь необычном состоянии, в которое он может погружаться по собственной воле. Однако когда обстоятельства не требует от него погружения в транс или, тем более, полного выхода за пределы своей плотской темницы, адепт гораздо больше похож на обычного человека, нежели склонны полагать его ученики, коим он чаще всего является именно в трансцендентном аспекте.

Правильное понимание этого положения вещей позволяет устранить кажущееся противоречие в отношениях между оккультным учеником и учителем, возникающее вследствие некоторых высказываний учителя, которые он то и дело повторяет. Например, Махатмы постоянно утверждают, что их нельзя считать непогрешимыми, что они — такие же люди, как и все мы, только, возможно, с несколько более обширными познаниями о природе, чем у основной массы человечества, и что им так же свойственно ошибаться — как в своей практической деятельности, так и в оценке характера других людей или способностей претендентов на оккультное обучение. Но как же нам примирить эти утверждения с фундаментальным принципом, лежащим в основе всякого оккультного исследования, — принципом, согласно которому неофит должен полностью и безоговорочно верить учениям и наставлениям своего учителя?

Разгадку этого противоречия следует искать в том положении вещей, о котором мы только что говорили. В то время как адепт, как это ни удивительно, может иногда заблуждаться в мирских делах (точно так же, как известные нам величайшие земные гении нередко ошибаются в своей повседневной жизни, порою даже там, где самый обычный человек ни за что не допустил бы ошибки), с величайшими тайнами духовной науки он соприкасается непосредственно, благодаря использованию своих качеств Махатмы, и потому в отношении своих тайн он едва ли когда-нибудь допустит ошибку.

Эти соображения убеждают нас в том, что достоверность учений, заимствованных из того же источника, что и содержание данной книги, не зависит от мелких досадных казусов, возникающих порою по мере накопления нами нового опыта (особенно на самых ранних, начальных этапах оккультного обучения) и, как нам кажется, требующих пересмотра прежнего восторженного доверия к высшей мудрости адептов.

Не следует думать в связи с этим, будто восторженное и благоговейное почтение оккультного чела к своему учителю *уменьшается* по мере его знакомства с миром, в который он собирается войти. И то обстоятельство, что человек, который в одном из своих аспектов является Махатмой, в повседневной жизни далеко не так заметно возвышается над обычным уровнем человеческих ощущений, чем мы можем это воображать, будучи знакомыми с некоторым его нирваническим опытом, скорее прибавляет ему прав на нежную человеческую привязанность, нежели подрывает его авторитет.

И если мы постоянно будем помнить о том, что адепт становится адептом в полном смысле этого понятия только тогда, когда использует свои экстраординарные способности — и когда он это делает, то действительно может вознестись на уровень непосредственного духовного взаимодействия с тем, что мы называем всеведением (во всяком случае, в пределах нашей солнечной системы), — это позволит нам уберечься от многих ошибок, неизбежных при приближении к столь возвышенной области человеческого знания.

Некоторые сложности, связанные с природой адепта, невозможно прояснить, не обратившись к содержанию последующих глав этой книги. Однако эти моменты настолько важны для правильного понимания того, что в действительности представляет собою адепт, что целесообразно рассмотреть их прямо сейчас. Двойственная природа Махатмы настолько совершенна по своей структуре, что его влияние или, вернее, его мудрость, принадлежащая к высшим уровням природы, может реально заимствоваться теми, кто поддерживает с ним особую психическую взаимосвязь. При этом земное Махатма может даже не догадываться о том, откуда на него снизошла благодать. Учитывая этот факт, мы можем говорить о возможности установления между духовным Махатмой и земным Махатмой-человеком таких отношений, природа которых характеризуется в эзотерической литературе как ниспосланное свыше вдохновение, а не воплощение в полном смысле этого слова.

Ещё одна сложность рассматриваемой проблемы состоит в том, что каждый Махатма — это не просто человеческое Эго[19] в более возвышенном, нежели у большинства людей, состоянии, так как Махатмы принадлежат, если можно так сказать, к особой сфере огромного царства природы. Каждый адепт должен принадлежать к какому-либо из семи великих сообществ Махатм; однако, хотя мы можем с достаточной степенью уверенности предположить, что между этими сообществами и семью принципами человека явно должны быть какие-то аналогии, я воздержусь пока что от каких-либо попыток детального анализа данной гипотезы. Достаточно будет уловить эту идею и применять её к тому, что мы уже знаем об оккультной организации, существующей в вышестоящих сферах. Некоторое время назад в оккультной литературе упоминались пять великих Коганов[20], или верховных Махатм, которые, как утверждалось, руководят всем братством адептов. Когда я писал предыдущую главу этой книги, я был уверен в том, что этими пятью Коганами руководит ещё один верховный наставник, пребывающий на более высоком уровне. Однако теперь мне представляется, что этого наставника следует считать скорее шестым Коганом, возглавляющим шестое сообщество Махатм; а эта гипотеза, в свою очередь, рождает следующее предположение: помимо этих шестерых, должен существовать ещё и седьмой Коган, замыкающий, в соответствии с известными нам аналогиями, семеричную цепочку. И если седьмой принцип в природе или в человеке есть понятие в высшей степени непостижимое, недоступное никакому интеллектуальному осмыслению и описываемое исключительно туманными фразами метафизической абракадабры, то мы можем

19 *Эго* (лат. — «я») — сознание «я есмь я», ощущение «я есмь». Эзотерическая философия рассматривает в человеке два Эго: смертное, или личное, называемое «личностью», и высшее — божественное и безличное, называемое «индивидуальностью».

20 *Коган* (тибет.) — «Владыка» или «Мастер»; предводитель.

быть совершенно уверены в том, что седьмой Коган так же недоступен рядовому воображению. Но и этот Коган, без сомнения, играет незаменимую роль в том, что мы могли бы назвать высшей сферой в царстве духовной природы, и можно не сомневаться в том, что время от времени он воочию является другим, менее возвышенным Махатмам. Следовательно, всякие рассуждения о нём могут быть полезны исключительно в плане придания логической обоснованности уже высказанной ранее идее, согласно которой Махатмы, в своём истинном аспекте, должны рассматриваться как закономерное природное явление, без которого эволюцию человечества невозможно было бы представить как всеобъемлющий процесс, а не как отдельные случаи достижения неординарными людьми исключительного духовного совершенства.

ГЛАВА II. СТРОЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Прежде чем предпринимать какие-то попытки объяснить, какими способами оккультная наука приобретает свои космогонические познания, необходимо представить читателю краткий очерк этой космогонии. Методы эзотерического исследования проистекают непосредственно из природных процессов, о которых экзотерическая наука не имеет ни малейшего представления. С этими природными процессами так же непосредственно связано ускоренное развитие у адептов тех оккультных способностей, которые ещё не развиты у основной массы человечества. И эти способности помогают, в свою очередь, их обладателям изучать тайны природы и проникать в суть её великого плана, всё более убеждаясь в истинности эзотерических учений. Ученик, изучающий оккультизм на практике, может сперва развить в себе экстраординарные способности, а затем уже использовать их при наблюдении за природными процессами; однако прежде чем рассказывать о необходимых для подлинно оккультного исследования внутренних чувствах западному читателю, требующему исключительно интеллектуальных объяснений, необходимо в общих чертах изложить оккультную теорию строения природы. С другой стороны, изложение оккультной космогонии научным языком неизбежно приведёт к тому, что она будет звучать совершенно невразумительно для западного читателя. Если начинать с самого начала, то нам следует прежде всего постараться представить себе состояние вселенной на заре эволюции. Эту тему эзотерические ученики ни в коем случае не обходят своим вниманием, и чуть далее по ходу этого очерка мы попытаемся сформулировать в самых общих чертах взгляды оккультизма на те процессы, которые вызвали к жизни эволюцию космической материи. Однако последовательное изложение этих первичных природных процессов потребует ссылок на духовное строение человека, а его невозможно понять без некоторых предварительных пояснений.

Согласно эзотерической науке, человек состоит из семи принципов, классификация которых настолько сильно отличается от всего, что до сих пор могло быть известно европейским читателям, что меня непременно спросят, на каком основании оккультизм строит столь странные выводы. Однако, учитывая некоторые специфические особенности, присущие этому вопросу, о которых будет сказано ниже, я вынужден просить читателя отнестись к этому восточному учению не по-западному, а по-восточному, во всяком случае, на первых порах. Восточные и европейские методы передачи знания отличаются друг от друга настолько, насколько это вообще возможно. Запад на каждом шагу подстёгивает скептический инстинкт ученика, поощряя споры и поддерживая сомнения. Ученику запрещается принимать какое-либо научное утверждение на веру, полагаясь на авторитеты. Параллельно с усвоением знания, он должен понять, как это знание было приобретено. Его учат думать, что от простого знания факта мало пользы, если он не в состоянии доказать, что это действительно факт. На Востоке от ученика требуется нечто совершенно иное. Здесь доказательству истинности учения придаётся никоим образом не меньшее значение, чем на Западе, только речь идёт о доказательствах совершенно иного рода. Восточный метод исследования позволяет ученику изучать природу ради себя самого и самому проверять истинность учения — непосредственно в тех сферах, в которые западная философия может проникать только через опосредованные рассуждения и аналогии.

Восточный метод не предполагает, таким образом, никаких споров и дискуссий. Он гласит: «То-то или то-то есть факт; вот ключ к познанию, ступай и убедись в этом сам». И в этом случае оказывается, что учение *как таковое* базируется исключительно на авторитетах. Учения и доказательства их истинности не идут рука об руку, но следует одни за другими в неизбежной очерёдности, из чего можно сделать вывод, что восточная философия пользуется методом, абсолютно неприемлемым для Запада, так как он противоречит западной линии интеллектуального развития, поскольку состоит в рассуждении от общего к частному. Разумеется, подобная методика совершенно не отвечает тем целям, которые в большинстве случаев преследует европейская наука; и я уверен, что каждый, кто отнесётся с достаточным вниманием к этому исследованию, рано или поздно ощутит, что европейская система мышления — от частных знаний к обобщающим выводам — также абсолютно к нему неприемлема. В этой области знания невозможно изучать какие бы то ни было детали, не получив сперва общего представления обо всей исследуемой системе. Даже передача этих общих представлений простым общедоступным языком является трудоёмким и крайне сложным делом. Невозможно останавливаться после каждого заявления, чтобы подыскать соответствующее доказательство, которое подтверждало бы его истинность и обоснованность. Подобный метод вскоре истощил бы терпение читателя, который в результате так и не смог бы приобрести сколь-нибудь конкретное представление о смысле и значении эзотерической доктрины, и моя цель не была бы достигнута. Здесь необходим не анализ деталей, а обобщённое изложение основ.

Эти рассуждения могут напомнить нам об ином подходе, присущем платоновской и аристотелевской системам мышления, так как они теснейшим образом связаны с темой настоящего исследования. Система Платона, упрощённо описываемая как размышления от универсалий к частностям, отринута современной западной цивилизацией в пользу более поздней и диаметрально противоположной её системы.

Платон не имел возможности свободно отстаивать собственную точку зрения. Есть все основания считать, что создать свою собственную систему ему очень помогло близкое знакомство с эзотерической наукой; но если он был по-

священным оккультистом, то на него должны были распространяться обычные ограничения, вынуждавшие его быть осторожным в выборе аргументов в защиту этой системы. Достаточно познакомиться с эзотерической наукой в самых общих чертах (даже в пределах содержания этой книги) и обратиться затем к Платону (или же просто к глубокомысленным обобщениям платоновской системы мышления), чтобы обнаружить многочисленные аналогии и соответствия.

Высшие принципы человеческой структуры ещё не развиты в обычном, хорошо знакомом нам человечестве; но полностью сформировавшийся, или совершенный, человек складывается из нижеследующих элементов. Мы приводим их названия как на языке оригинала (санскрите), так и в переводе, дабы облегчить их выявление и правильное понимание в текстах известных экзотерических буддийских сочинений[21].

1.	Тело	*Рупа*.
2.	Жизненная сила	*Прана*, или *Джива*.
3.	Астральное тело	*Лингашарира*.
4.	Животная душа	*Кама-рупа*.
5.	Человеческая душа	*Манас*.
6.	Духовная душа	*Буддхи*.
7.	Дух	*Атма*.

Как только трансцендентные понятия, подобные некоторым из упомянутых, оказываются изложенными в виде таблицы, они как бы подвергаются некоторому снижению, и мы должны активно противостоять этому, дабы приобрести ясное понимание их значения. В самом деле, даже самый опытный наставник в области оккультных наук не смог бы представить каждый из этих принципов отдельно и обособленно от остальных, как это можно проделать, например, с отдельными частями физического тела. Физические компоненты тела можно отделить друг от друга и демонстрировать по отдельности, потому что все они принадлежат к одному и тому же уровню материальности, но оккультные элементы человека принадлежат к самым различным уровням. Даже тончайшие газы, входящие в химическую структуру человеческого тела, остаются, в масштабах целого, едва ли не на самом низком уровне материальности. Второй принцип, который, благодаря своему тесному контакту с грубой материей, изменяет её, переводя её из состояния, которое мы обычно называем неорганическим (хотя правильнее, пожалуй, было бы назвать его инертным), в живое состояние, уже представляет собою нечто качественно отличное даже от самых тончайших форм материи в её низшем состоянии. Так имеем ли мы право называть этот второй принцип материальным? Заданный в самом начале нашего исследования, этот вопрос сразу же переносит нас в эпицентр тонкой метафизической дискуссии о том, идентичны или же отличны друг от друга силы и материя. В данный момент достаточно будет сказать, что оккультная наука считает их идентичными и что ни один из принципов природы не рассматривается ею как полностью нематериальный. Таким образом, несмотря на то, что ни одна концепция вселенной, человеческого предназначения или природы в целом не превосходит в одухотворённости концепцию оккультной науки, эта наука полностью свободна от распространённой логической ошибки, приписывающей материальным результатам нематериальные причины. А следовательно, эзотерическая доктрина является тем самым недостающим звеном, которое связывает материализм с духовностью.

Ключ к этой тайне кроется, конечно же, в той непосредственно ощущаемой мастерами оккультизма истине, что материя существует в различных состояниях, а не только в том, которое мы можем воспринимать нашими пятью чувствами.

Таким образом, второй принцип человека (жизненная сила) состоит из материи, представленной в виде силы. Его связь с грубой материей настолько велика, что его невозможно отделить ни от одной её частицы или образования иначе как на краткий миг перехода к другой частице или образованию. Когда человеческое тело умирает, вследствие отделения от него высших принципов, превращавших его в живую реальность, второй (или жизненный) принцип, который также теряет свою целостность, всё-таки остаётся в частицах этого тела в период его распада, переходя затем в другие организмы, которым самый процесс распада даёт жизнь. Похороните тело в земле, и его *джива* перейдёт в растительность, которая появится на поверхности, или в низшие животные формы, выстраивающие свои тела из разлагающейся субстанции. Сожгите тело, и неразрушимая *джива* так же мгновенно перейдёт в тело планеты, из которого она изначально вышла, чтобы потом присоединиться к какому-нибудь новому материальному образованию, соответствующему её естественным склонностям и привязанностям.

Третьим принципом является астральное тело, или лингашарира — эфирный двойник физического тела, его первоначальный прообраз. Лингашарира направляет дживу, оживляющую физические частицы и заставляющие их выстраиваться в ту или иную форму. И поскольку сама она оживляется вышестоящими принципами, её целостность сохраняется только благодаря единению с ними. После смерти тела для неё наступает краткий период развоплощённого существования, и в это время, при стечении некоторых аномальных обстоятельств, она может стать доступной фи-

21 Используемая в данный книге терминология несколько отличается от той, которую читатель мог видеть в более раннем, отрывочном изложении этого же самого учения на страницах журнала «Theosophist». Из последующих объяснений станет ясно, что названия, которым мы ныне отдаём предпочтение, дают более полное представление обо всей системе и позволяют избежать некоторых затруднений, создаваемых прежней терминологией. И если прежнее изложение эзотерической науки было несовершенным, то едва ли стоит удивляться тому, что её английским распространителям приходилось сталкиваться с разного рода сложностями. Однако не было допущено никаких существенных ошибок, которые требовали бы непременного исправления и извинений. Выбранные для этой книги и переведённые термины точнее передают смысл и сопутствующие значения оригинальных понятий, нежели те, что использовались ранее; однако все прежние истолкования, в том, что касается их фактического содержания, ничем не противоречат нынешнему, более обстоятельному изложению.

зическому зрению живущих на земле людей. В этом случае она воспринимается, конечно же, как призрак умершего человека. Появление призрачных видений может быть вызвано разными причинами; но всякий раз, когда третий принцип превращается в видимый феномен, он представляет собой всего лишь определённое состояние скопления молекул, у которого нет никакой собственной жизни и никакого собственного сознания. Это уже не живое существо; данное видение скорее можно сравнить с клубами летящих по небу облаков, случайно принявших форму какого-нибудь живого существа. В общем и целом, лингашарира никогда не покидает тело, иначе как после смерти, и даже в этом последнем случае она не отдаляется от тела на сколь-нибудь значительное расстояние. А если она становится видимой, что само по себе бывает крайне редко, то только рядом с тем местом, где находится её физическое тело. В некоторых особых случаях, сопряжённых со спиритуалистической медиумистикой, лингашарира может на некоторое время вытекать из физического тела и становиться видимой неподалёку от него; однако в это время медиум подвергает существенной опасности свою жизнь. Если, случайно или намеренно, условия, при которых астральное тело было высвобождено, будут изменены, его возврат к физическому телу может оказаться затруднённым. И тогда второй принцип вскорости перестанет оживлять физическое тело как целостный организм, что повлечёт за собою физическую смерть.

В последние год или два, когда отрывки и фрагменты оккультной науки начали проникать в непосвящённый мир, термин «астральное тело» стал использоваться для обозначения некоего подобия человеческой формы, в котором присутствует все вышестоящие принципы и которое может удаляться на сколь угодно большое расстояние от физического тела, осознанно и с определённой целью проецируемое живым адептом или же бессознательно направляемое непроизвольным импульсом определённых ментальных сил в момент смерти, когда происходит высвобождение человеческих принципов. Большой ошибки в этом нет, поскольку, при отсутствии необходимости в уточнениях, видения подобного рода допустимо называть, удобства ради, «астральными телами», так как использование точного термина сделало бы изложение слишком громоздким, в чём вскорости сможет убедиться сам читатель. Поэтому далее мы будем использовать термин «астральное тело» в обоих значениях. Это не должно привести к путанице, хотя, строго говоря, лингашарира, или третий принцип, это астральное тело, которое не может быть использовано в качестве проводника для перемещения в пространстве высших принципов.

Три низших принципа, как будет показано ниже, всецело принадлежат земле. Они смертны по своей природе как целостные образования, но неразрушимы на молекулярном уровне. После смерти человек полностью освобождается от них.

Четвёртый принцип является первым из принадлежащих к высшей природе человека. Его санскритское название *кама-рупа* часто переводится как «тело желания», хотя это довольно неуклюжий и не совсем точный перевод. Более точным переводом этого термина, отражающим скорее смысл, нежели буквальное значение слов, было бы «носитель воли»; однако уже принятое ранее название «животная душа» можно признать не менее точным и логически обоснованным.

В журнале «Theosophist» за октябрь 1881 года, где были опубликованы первые указания на существование семеричной структуры человека, «животной душой» был назван пятый принцип, дабы его можно было противопоставить шестому принципу, или «духовной душе». Впрочем, прекрасно справляясь с задачей противопоставления, он в то же время низводил пятый принцип до животного уровня, хотя этот принцип — чисто человеческий по своей сути. Хотя земное человечество по своей природе стоит ближе к животным, нежели к духу, во всех остальных аспектах оно возвышается над чётко очерченными рамками животного творения. Предлагая теперь новое название для пятого принципа, мы можем вернуть определение «животная душа» на его законное место. Это уточнение ни в коей мере не влияет на утверждение о том, что четвёртый принцип является вместилищем воли и желания (на что указывает его санскритское название). Безусловно, кама-рупа — это животная душа, наивысший *развившийся* принцип грубого творения, способный эволюционировать в нечто гораздо более возвышенное путём воссоединения с развивающимся в человеке пятым принципом. Но всё-таки животная душа, безусловно присутствующая в каждом человеке, является вместилищем всех животных желаний, а также могущественной силой, которая может устремляться, если можно так сказать, как вверх, так и вниз: она способна влиять на пятый принцип, определяя характер его деятельности, и в то же время сама может находиться под его контролем и совершенствоваться под его влиянием.

Пятый принцип — человеческая душа, или *манас* (как называется на санскрите один из его аспектов), — является вместилищем рассудка и *памяти*. На самом деле именно часть этого принципа, оживляемая четвёртым принципом, проецируется на большие расстояния адептом, проявляясь в той форме, которую называют обычно астральным телом.

У большинства людей пятый принцип (или человеческая душа) до сих пор ещё развит не полностью. И этот факт неполного развития высших принципов очень важен. Мы не сможем правильно понять нынешнее место человека в природе, если будем ошибочно считать его уже окончательно сформировавшимся, совершенным существом. Эта ошибка может стать фатальной для всякого сколь-нибудь правдоподобного прогноза относительно будущего, ожидающего человечество, и не менее губительной для адекватной оценки обоснованности того прогноза на будущее, который предлагает человечеству эзотерическая доктрина.

Если пятый принцип ещё не полностью развит, то нетрудно догадаться, что шестой принцип должен находиться пока лишь в зачаточном состоянии. На это уже неоднократно и в различной форме указывалось в недавних предвосхищениях великого учения. Временами говорилось, что в действительности у нас ещё нет никакого шестого принципа, а есть только его потенциальный зародыш. Говорилось также, что шестой принцип находится не *в* нас, а как бы парит

над нами и что он является тем, к чему должны быть направлены самые возвышенные устремления человека. Однако было сказано также и следующее. Каждая вещь — не только человек, но и каждое животное, растение и минерал, — имеют семь принципов, и высочайший из них, седьмой, оживляет непресекающуюся нить жизни, которая тянется через всю эволюцию, последовательно соединяя друг с другом почти неисчислимые воплощения этой самой единой жизни, образующие непрерывную цепь. Таким образом, нам остаётся только принять к сведению все эти концепции, собрать их воедино и извлечь из них суть, чтобы сформулировать более или менее конкретное представление о шестом принципе. Развивая далее ту же последовательность идей, которая побудила нас назвать четвёртый принцип животной душой, а пятый — человеческой душой, мы можем применить наименование «духовная душа» к шестому принципу человека, а седьмым принципом, соответственно, будет сам дух.

Другой аспект этой же самой идеи представляет шестой принцип проводником седьмого, а четвёртый — проводником пятого; и если рассматривать в этом аспекте все высшие принципы человека, начиная с четвёртого и далее, то мы можем заметить, что каждый из них является проводником того, что буддийская философия называет «единой жизнью» или Духом. Следуя этому взгляду на материю, единая жизнь есть то, что совершенствуется с переходом от проводника к проводнику. У животного единая жизнь сосредоточена в *кама-рупе*. У человека она начинает проникать также и в пятый принцип. У совершенного человека она проникает в шестой; а когда достигает седьмого, человек перестаёт быть человеком и достигает качественно нового состояния существования.

Последний взгляд на вещи особенно ценен потому, что он оберегает нас от соблазна увидеть в этих четырёх высших принципах нечто вроде связки прутьев, каждый из которых сохраняет даже в таком связанном состоянии свою собственную индивидуальность. Ни животная душа, ни духовная душа сами по себе не обладают какой бы то ни было индивидуальностью. Но с другой стороны, пятый принцип нельзя отделить таким образом, чтобы он сохранял свою индивидуальность, в то время как оба покинутых им принципа оставались бы в неведении относительно этого. Мы уже говорили, что даже самые возвышенные принципы материальны и имеют молекулярную структуру, хотя и состоят из материи гораздо более высокого порядка, нежели та, которую могут ощутить физические чувства. Следовательно, они тоже отделимы, и можно представить себе даже, как шестой принцип отделяется от своего нижестоящего соседа. В этом состоянии отделённости и на этой стадии развития человечества он легко может, в случае необходимости, перевоплотиться и вырастить новый пятый принцип через взаимодействие с человеческим организмом. Только в этом случае пятый принцип по необходимости будет опираться на четвёртый: он соединится с ним и в некоторой степени утратит свою изначальную утончённость. Однако, хотя этот пятый принцип и не может существовать обособленно, именно он образует человеческую личность, а наиболее возвышенная его часть в сочетании с шестым принципом составляет бессмертную индивидуальность человека, переходящую из одной жизни в другую.

Обстоятельства, при которых принципы разделяются, силы, влияющие на этот процесс, и происходящие при этом изменения в человеческом сознании будут рассмотрены позже. Пока же, для того, чтобы лучше понять существо изучаемого вопроса, обратимся сначала к рассмотрению эволюции, в результате которой сформированы все вышеперечисленные человеческие принципы.

Примечания

Метод изложения тайной доктрины в этой книге уже подвергся нареканиям как чересчур материалистический. Однако я сомневаюсь, что те идеи, которым она посвящена, можно было бы довести до сведения моего читателя каким-либо более доступным и понятным способом. А поняв существо этих идей, несложно будет потом перевести их на язык идеализма. Излагать учение о высших принципах гораздо проще, если представить эти принципы как различные состояния Эго, имеющие специфические качества и способные совершенствоваться. Было бы небесполезным также рассматривать ту точку зрения на строение человека, согласно которой сознание последовательно проходит через определённые стадии развития, представляемые как различные принципы.

По поводу интересующего нас высшего этапа эволюции, то есть ступени совершенного Махатмы, в оккультных учениях иногда говорится, что сознание Эго приобретает при этом способность полностью пребывать в шестом принципе. Однако было бы слишком упрощенно и ошибочно полагать, будто Махатма в этом случае просто сбрасывает с себя, как ненужную и отжившую свой век оболочку (или оболочки), четвёртый и пятый принципы, в которых его сознание пребывало на более раннем этапе эволюции. На самом деле сущность, которая *была* ранее четвёртым или пятым принципом, просто изменяет свои свойства, полностью освобождается от некоторых своих тенденций и предрасположенностей и таким образом *становится* шестым принципом. Более простыми словами это изменение можно описать как освобождение природы адепта от привязанности к своей низшей сущности, от желаний обычной земной жизни и даже от ограничений, создаваемых привязанностями обычного человека; поскольку Эго, ставшее полностью сознательным на уровне шестого принципа, осознаёт единство истинных Эго всего человечества на высшем уровне и потому не может испытывать к одному человеку большую привязанность, чем к другому. Такой человек любит всё человечество в целом, и эта любовь превосходит любовь уровня *майи*, или иллюзии[22], создающей обособленные человеческие личности для обособленного существования на низших уровнях эволюции. Он не потерял свои четвёртый и пятый принципы — просто они тоже достигли уровня Махатмы. Точно так же животная душа, принадлежащая к нижестоящему царству, достигнув человеческого уровня, переходит в пятое состояние. Это умозаключение помогает нам

22 *Майя* (санскр.) — иллюзия; космическая сила, делающая возможным феноменальное существование и, следовательно, восприятие. В адвайта-веданте — понятие, обозначающее всё, что подвержено изменению, что имеет начало и конец.

лучше понять механизм прохождения обычного человека через долгую цепь воплощений на земном уровне. Как только примитивный человек в достаточной степени утвердится на этой ступени существования, его сознание начинает постепенно приобретать качества пятого принципа. Однако поначалу Эго остаётся средоточием мыслительной деятельности, направляемой преимущественно импульсами и желаниями четвёртого этапа эволюции. Вспышки более возвышенной человеческой мысли озаряют его разум лишь периодически, но постепенно этим разумом овладевает более интеллектуальный человек. Импульсы подлинно человеческого мышления проявляются в нём со всё более возрастающей силой. И укреплённый ими разум становится доминирующим фактором и его жизни. Сознание перемещается в пятый принцип, но перед этим ещё долгое время колеблется между тенденциями высшей и низшей природы; и это «долгое время» охватывает весьма продолжительный период развития протяжённостью во много сотен жизней. В продолжение этого времени Эго постепенно очищается и совершенствуется, являясь в определённом смысле целостной сущностью, в то время как его шестой принцип остаётся для него потенциальной возможностью, конечной целью его развития. Что же касается седьмого принципа, то это поистине непостижимая, наивысшая причина всех вещей, единая и для отдельного человека, и для всего человечества, и для астрального, и для дэвакханического, и для нирванического плана существования. Ни об одном человеке нельзя сказать, что он имеет *собственный* седьмой принцип, если трактовать этот термин в его подлинном, возвышенном значении: мы все, одним и тем же непостижимым образом, находимся под влиянием *единого* седьмого космического принципа.

Но как совместить подобный взгляд на проблему со сделанным выше заявления о том, что определённом смысле принципы отделимы друг от друга и что можно представить себе даже, как шестой принцип отделяется от своего нижестоящего соседа и посредством перевоплощения выращивает новый пятый принцип через взаимодействие с человеческим организмом? По своему духу эти две точки зрения никоим образом не противоречат друг другу. Седьмой принцип — единый и неделимый для всей природы, но из него постоянно исходят особые таинственные жизненные импульсы, создающие те самые нити, на которые могут быть нанизаны последовательные существования. Такой жизненный импульс не исчезает даже при самых чрезвычайных обстоятельствах, когда созданное им Эго, уже продвинувшееся вместе с ним по пути эволюции до некоей определённой точки, вдруг покидает его, полностью и навсегда. Я не настолько большой знаток, чтобы со всею уверенностью, категорически утверждать, что именно происходит в подобной случае; но последовательные воплощения духа по линии того же самого жизненного импульса при этом не прекращается, а продолжается на основании того, что осталось. Таким образом, анализируя эту идею с материалистической точки зрения, мы можем сказать (настолько точно, насколько это допускают возможности английского языка), что шестой принцип падшего существа в вышеописанном случае отделяется от первоначального пятого и перевоплощается сам по себе.

Впрочем, нам нет пока необходимости подробно останавливаться на этих необычных процессах. Следует для начала разобраться с нормальным ходом эволюции. И поскольку учение о семи принципах является, на мой взгляд, наиболее удобным для рассмотрения данного вопроса, необходимо уяснить себе, что Эго — это сущность, проходящая в процессы эволюции через различные сферы, или состояния бытия и претерпевающая на этом пути изменения, суть которых заключается в духовном росте и очищении, а также что Эго есть прежде всего сознание, пребывающее в одном из потенциальных качеств человеческой сущности.

ГЛАВА III. ПЛАНЕТНАЯ ЦЕПЬ

Хотя эзотерическая наука является наиболее возвышенной и одухотворённой из всех научных систем, она предлагает самое глубокомысленное учение об эволюции, которое в состоянии воспринять человеческий разум, охватывая при этом все стороны природы. Дарвиновская теория эволюции является просто отдельным открытием некоторой, к сожалению, очень небольшой, части великой истины природы. Только оккультисты знают, как можно изложить учение об эволюции, не принижая одухотворённости высших человеческих принципов. Эзотерическая доктрина вовсе не обязана хранить свою науку и религию в отдельных водонепроницаемых сосудах. Её физическая и духовная теории не только не противоречат друг другу, но и очень тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. И самый первый фундаментальный факт, который оккультная наука предлагает нам в связи с появлением человека на этой планете, способен помочь нашему воображению справиться с некоторыми серьёзными затруднениями, которые не в силах преодолеть знакомая нам научная концепция эволюции. Об этом будет подробнее сказано ниже. Человеческая эволюция — это процесс, который происходит не только на нашей планете. Это результат, в достижение которого внесли свой вклад многие миры, пребывающие в разных состояниях материального и духовного развития. Даже если бы это заявление было высказано как обычная гипотеза, оно всё равно должно было бы привлечь к себе самое серьёзное внимание со стороны рационально мыслящих умов. Ибо невозможно не заметить явной иррациональности в избитом утверждении, согласно которому человеческое существование делится на материальное, продолжающееся шестьдесят или семьдесят лет, и духовное, которое длится вечно. Иррациональность доходит до абсурда, когда нам говорят, что совершенная справедливость мудрого Провидения позволяет деяниям первых шестидесяти или семидесяти лет, наполненных ошибками и беспомощными метаниями невежественной человеческой жизни, определять условия всего последующего, бесконечного существования. И даже если не принимать во внимание справедливость, нельзя не удивляться тому, что загробная жизнь не подчинена закону изменения, развития и совершенствования, несмотря на то, что каждая аналогия природы даёт все основания полагать, что этот закон проходит через все состояния существования вселенной. Но стоит только отказаться от идеи единообразной, неизменной и лишённой развития загробной жизни и применить к ней концепцию изменения и прогресса, и мы вынуждены будем признать, что ни одна гипотеза не вписывается так органично в эту эволюционную концепцию, как гипотеза о прохождении через последовательную цепь миров. Впрочем, мы уже говорили, что для оккультной науки это даже не гипотеза, но проверенный и доказанный факт, не вызывающий (у оккультистов) никаких сомнений и возражений.

Жизнь и эволюционные процессы на этой планете (то есть всё, что делает её чем-то большим, нежели просто безжизненным сгустком хаотической материи) неразрывно связаны с жизнью и эволюционными процессами на некоторых других планетах. Не следует, однако, думать, будто у этой планетной цепи, к которой мы принадлежим, нет ни начала, ни конца. Выпущенное на свободу человеческое воображение склонно временами заходить слишком далеко. Стоит только принять гипотезу, согласно которой наша Земля является всего лишь звеном в великой цепи миров — предполагаемой или истинной, — и наше воображение может превратить весь звёздный небосвод в законную собственность человеческого рода. Подобная идея может привести к серьёзному заблуждению. Разумеется, одна планета не даёт природе достаточных возможностей для того, чтобы из хаоса мог эволюционировать человек; однако для этого процесса требуется ограниченное и вполне определённое число планет. Если судить по их грубой, механической материи, то эти планеты обособлены одна от другой, но на само деле они тесно и неразрывно связаны друг с другом тонкими силовыми потоками, признание существования которых не потребует от рационального разума большого труда, так как наличие *некоторой* связи — силовой или эфирной среды, — соединяющей все видимые небесные тела, подтверждается уже тем фактом, что все они *видимы*. Именно по этим тонким потокам элементы жизни переходят из одного мира в другой.

Впрочем, и этот факт человеческий разум склонен истолковывать превратно, следуя своим излюбленным предрассудкам. Так, некоторые наши читатели могут вообразить, будто после смерти тела бессмертная человеческая душа притягивается этими потоками в направлении того мира, к которому она испытывает естественную предрасположенность. Но в действительности этот процесс протекает более методично. Система миров являет собою цикл, который должны преодолеть *все* индивидуальные духовные сущности; и это продвижение как раз и составляет эволюцию человека. Необходимо понять, что человеческая эволюция — процесс незавершенный, он всё ещё продолжается. Сочинения Дарвина приучили современный мир считать своим предком обезьяну, но банальное тщеславие западной мысли нечасто позволяет европейским эволюционистам смотреть в противоположном направлении и задумываться над возможностью того, что нашим отдалённым потомкам мы тоже будем казаться точно такими же, какими представляются нам сейчас наши малосимпатичные предки. Оба сформулированных выше факта взаимосвязаны. Наше высшее развитие будет проходить через другие миры, входящие в систему; и мы будем снова и снова возвращаться на эту Землю во всё более возвышенных формах. Однако пути мысли, уводящие нас в это отдалённое будущее, скрываются за горизонтом нашего ограниченного воображения.

Несложно понять и признать то, что далеко не все миры из той цепи, к которой относится наша Земля, предназначены для материального существования, в точности или хотя бы приблизительно напоминающих наше собственное. В существовании упорядоченной цепи миров не было бы никакого смысла, если бы все они были одинаковыми и взаимозаменяемыми. В самом деле, те миры, с которыми мы связаны, очень непохожи друг на друга, и не только по своему

внешнему виду, но и по самому главному параметру — по соотношению духа и материи в их структуре. В нашем нынешнем мире дух и материя представлены примерно в одинаковой пропорции и находятся в равновесии. Однако из этого вовсе не следует, что наш мир занимает достаточно высокое место в шкале совершенства. Напротив, согласно этой шкале, его положение крайне низкое. Возвышенными можно считать миры, в которых дух доминирует над материей. К нашей цепи присоединён ещё один мир (именно скорее присоединён, нежели составляет её часть), в котором материя проявляет себя ещё более властно, чем на нашей Земле; однако о нём мы сможем поговорить позже.

Сама по себе приходит в голову мысль о том, что вышестоящие миры, в которые человеку предстоит проникнуть по ходу своей восходящей эволюции, должны постепенно становится всё более и более духовными, и жизнь в них будет постепенно избавлена от грубых материальных нужд. Но при этом, по аналогии, можно вообразить себе, что миры, которые, напротив, допустимо назвать нижестоящими (хотя правильнее было бы назвать их предшествующими), должны быть менее духовными и более материальными, чем наша Земля. Однако это не так, в этом несложно убедиться, вдумчиво поразмыслив над тем, что цепь миров бесконечна, поскольку эволюционный процесс непрестанно движется по кругу. Если этот процесс представить себе в виде прямого пути, который никогда не возвращался на круги своя, то можно подумать, что мировой прогресс постепенно ведёт нас от абсолютной материальности к чистому, абсолютному духу. Но природа избегает прямолинейного движения и всегда избирает тот путь, который возвращает путника к истокам. Самыми нематериальными и самыми эфирными из всей цепи являются самый первый и самый последний из развивающихся миров, то есть самые отдалённые от нас как впереди, так и позади. И это абсолютно логично, в чём можно убедиться, если принять во внимание тот факт, что самый последний из миров нашей цепи вовсе не является конечным; напротив, этот мир ведёт нас назад, к началу, так же как последний месяц года, декабрь, ведёт нас к новому январю. Не следует думать также, будто это некая высшая точка, откуда индивидуальная монада[23] падает, словно в пропасть, в то примитивное состояние, с которого она некогда начала своё восхождение миллионы лет назад. Путь, соединяющий мир, являющийся для нас конечным на восходящей дуге цикла, с самым первым миром на нисходящей дуге, которой является в определённом смысле самым низким в нашей цепи развития, вовсе не похож на падение. Напротив, этот путь продолжает прежнее прогрессирующее восхождение. И несложно понять, почему это происходит. Духовная монада (или сущность), преодолевающая весь цикл эволюции, всякий раз начинает новый виток, или новую стадию развития, на которые делится проходимый нами эволюционный путь, с более возвышенной ступени. Поэтому завершение цикла и переход от буквы «Я» снова к букве «А» не влечёт за собою регресса. Монада проходит по цепи миров не один, а много кругов; однако не следует воспринимать её развитие как простое круговое движение по орбите. На шкале духовного совершенства её траектория образует непрестанно восходящую спираль. Если мы сравним эту цепь миров с системой расставленных по кругу многоэтажных башен, каждый этаж которых символизирует определённый уровень совершенства, то можно сказать, что духовная монада, круг за кругом, движется по их галереям, проходя поочерёдно каждую башню, но с каждым новым кругом она взбирается на более высокий этаж.

Именно из-за недопонимания этой идеи все рассуждения о физической эволюции неизменно натыкаются на глухую стену. Проблема в том, что все исследователи ищут недостающие звенья в том мире, где их более невозможно найти, поскольку они были нужны лишь временно, а потом исчезли. Человек, говорят дарвинисты, был некогда обезьяной. Это так; однако известные дарвинистам обезьяны никогда не станут людьми — их *форма* не станет меняться от поколения к поколению до тех пор, пока не отвалится хвост, задние лапы не превратятся в ноги и так далее. Обычная наука признаёт, что, хотя внутривидовые изменения возможны, об эволюционном преобразовании одного вида в другой можно говорить лишь предположительно. Все аргументы, которые она может привести в защиту своей позиции, сводятся к тому, что преобразование видов является крайне длительным процессом и что промежуточные формы уже вымерли. Не приходится сомневаться в том, что промежуточные или ранние формы всех видов (в самом широком смысле этого слова, то есть промежуточные виды, принадлежащие ко всем царствам: минеральному, растительному, животному, человеческому и так далее) действительно вымерли; но обычная наука может просто утверждать, что это факт, будучи не в состоянии понять, какие условия сделали их вымирание неотвратимым и что воспрепятствовало продолжению физического размножения этих промежуточных форм.

Именно спиральный характер продвижения жизненных импульсов, создающих различные царства природы, повинен в возникновении пробелов, ныне наблюдаемых между животными формами, заполнившими Землю. Бороздка винтовой резьбы представляет собой ровную наклонную плоскость, но если смотреть на неё вдоль линии, параллельной её оси, то она выглядит как прерывистая череда равномерных ступенек. Духовные монады, совершающие своё циклическое движение на животном уровне, переходят в другие миры после того, как пройдут через этап животного воплощения. Ко времени своего возвращения они уже готовы воплотиться в человеческой форме; и нет никакой необходимости осуществлять этот эволюционный переход — от животных форм к человеческим — прямо сейчас, так как последние уже ожидают своих будущих духовных обладателей в положенном месте. Но если мы углубимся в достаточно далёкое прошлое, мы попадём в эпоху, когда на Земле ещё не было развившихся человеческих форм. Когда духовные монады начинают свой путь на самых ранних, или низших, этапах человеческого уровня, прогрессивное давление, оказываемое ими на мир, в котором присутствуют пока что только животные формы, становится всё более сильным, пока, наконец, не заставляет самую развитую из них видоизменяться, превращаясь в то самое пресловутое промежуточное звено.

23 *Монада* (греч.) — буквально, «единица», «единое», «целое»; в оккультизме это бессмертная триада атма-буддхи-манас, либо дуада атма-буддхи, которая, перевоплощаясь в низших царствах, постепенно продвигается через них к человеку, а затем к конечной цели — нирване.

Поначалу может показаться, что это истолкование причин развития и исчезновения потерянных звеньев идентично выводам эволюционистов-дарвинистов. Во всяком случае, материалист вполне может сказать: «Мы вовсе не собирались высказывать какие-либо догадки на тот счёт, почему различные виды проявляют тенденцию к развитию более высоких форм. Мы утверждаем только, что они действительно создают более высокие формы через посредство промежуточных звеньев и что эти промежуточные звенья затем исчезают. А вы говорите то же самое». Однако каждый, кто сможет хоть немного глубже проникнуть в суть проблемы, заметит разницу между этими двумя идеями. Естественный процесс эволюции, движимой исключительно изменением условий жизни и половым отбором, едва ли способен создавать промежуточные формы; вот почему эти формы по необходимости должны носить преходящий характер и сравнительно быстро исчезать. В противном случае наш мир оказался бы переполненным промежуточными звеньями всех сортов, животная жизнь вплотную подходила бы к человеческой, и нельзя было бы провести чёткую грань между близкорродственными человеческими и животными формами. Как мы уже говорили, импульс к новой эволюции более высоких форм придают духовные монады, вступающие в новый цикл и постепенно достигающие состояния, в котором они смогут войти в эти новые формы. Импульсы высшей жизни заполняют и прорывают коконы прежних форм планеты и стимулируют появление на ней более возвышенных форм. Формы, которые на протяжении тысячелетий всего лишь повторяли друг друга, снова начинают видоизменяться и совершенствоваться. Сравнительно быстро они достигают более высокой стадии, пройдя через промежуточную; и поскольку теперь, с присущими всякому новому росту силой и быстротой, начинают размножаться уже высшие формы, призванные предоставить плотские вместилища для вступающих на соответствующую эволюционную ступень (или план существования) духовных существ, одушевлять промежуточные формы становится некоему, и они неизбежно вымирают.

Таким образом, оживляемая внутренним импульсом эволюция *продвигается вперёд по спирали*, охватывая различные миры. Взявшись за истолкование этой идеи, мы с самого начала предчувствовали, что нам придётся обратить внимание читателя ещё на один факт первостепенной важности, без знания которого невозможно ясно представить себе устройство той системы миров, к которой мы принадлежим. Данный факт состоит в том, что жизненная волна — волна существования, или духовный импульс (назовите это как хотите) — переходит от одной планеты к другой рывками, скачкообразно, а не равномерно движущимся потоком. В качестве самой простой иллюстрации к этой идее мы могли бы сравнить данный процесс с заполнением водою серии углублений или вкопанных в землю по верхнюю кромку сосудов, соединённых между собою неглубокими поверхностными желобками. Такие сооружения устраиваются иногда возле бьющих из-под земли слабых и неглубоких родничков для удобства забора воды. Вода из родника поступает сначала в сосуд «А» и льётся исключительно в него до тех пор, пока он не окажется наполненным доверху. Только после этого неиссякающий родниковый поток заставляет воду переливаться из сосуда «А» в сосуд «Б» по желобку. Таким образом сосуд «Б» тоже наполняется, после чего вода устремляется в сосуд «В», и так далее. Хотя неуклюжие аналогии вроде этой едва ли помогут нам далеко продвинуться в нашем исследовании, они всё-таки достаточно точно иллюстрируют процесс эволюции жизни в мировых цепях, подобных нашей, равно как и эволюцию самих миров. Ведь процесс, который мы до сих пор рассматривали, не принимал во внимание существование планетной цепи, которую природа ещё только начинает наполнять жизнью. Однако это существование предполагает развитие каждой планеты как следствие предыдущих эволюций и как результат действия определённых эволюционных импульсов, в избытке излучаемых её предшественницей. И теперь нам необходимо обратиться к описанию именно этой стороны процесса. Впрочем, если мы перейдём к рассмотрению непосредственно этой эволюционной фазы, нам придётся перенестись в воображении в период развития нашей системы гораздо более древний, чем тот, который составляет основную тему данной книги, — период эволюции человека. И опять же, когда мы переведём тему нашего разговора к началу миров, нам придётся столкнуться с феноменами, которые имеют мало общего с *жизнью* в нашем понимании этого слова и, как может показаться, не имеющими ничего общего с жизненными импульсами. Поэтому начнём продвигаться в прошлое постепенно. Думаю, каждый согласится с тем, что жизненному импульсу, создавшему человечество, предшествовал импульс, создавший чисто животные формы. А этому импульсу должен был, в свою очередь, предшествовать импульс, создавший растительные формы, так как некоторые из них, безусловно, существовали до того, как на нашей планете появились древнейшие животные. Далее, прежде растительных организмов возникли различные минеральные структуры. Но ведь минерал — это тоже продукт природы, результат некоей предшествовавшей ему эволюции, каковым результатом должно быть вообще любое вообразимое природное проявление. А этот вывод приводит наш разум — через серию проявлений, подобных вышеупомянутым, — к непроявленному началу всех вещей. Однако рассуждать о метафизике этого непроявленного начала мы пока не станем. Достаточно будет показать, что мы можем (и должны, если хотим ответить на поставленные вопросы) представить себе не только жизненный импульс, побуждающий расу обезьян создать расу примитивных людей, но и аналогичный жизненный импульс, рождающий минеральные формы. Впрочем, оккультная наука продвинулась в своём исчерпывающем анализе эволюции гораздо далее того периода, когда минералы начали обретать материальное существование. Процесс формирования миров из огненных туманностей природа начинает не с минералов, а с ещё более ранней стадии — со стихийных сил, стоящих за всеми феноменами природы, которые видимы и доступны человеческим ощущениям. Однако об этой эволюционной стадии нам лучше поговорить позже. Пока же остановимся на том этапе, когда самый первый из миров в цепи (назовём его планетой «А») представлял собой всего лишь скопление минеральных форм. Следует напомнить читателю, что планета «А» гораздо более эфирна, нежели та, которую мы можем изучать в настоящее время на собственном опыте, и что на ней доминирует дух, а не материя, и потому наши первоначальные слова о том, что эта планета представляет собою скопление минеральных форм, следует воспринимать с известной долей условности. Минеральные формы могут быть мине-

ральными в том смысле, что они не принадлежат к вышестоящему царству растительных организмов, однако при этом они могут оставаться весьма нематериальными (в том смысле, в каком мы воспринимаем материю), абсолютно эфирными и состоять из очень тонкой и разреженной материи, в которой преобладает противоположный ей полюс природы — дух. Минералы, о которых мы говорим сейчас, это скорее призраки минералов; их ни в коем случае не следует представлять себе как совершенные и прекрасные кристаллы, которые мы можем видеть в музеях минералогии нашего мира. На нижних спиральных витках эволюции, о которых мы сейчас ведём речь, равно как и на вышестоящих в сравнении с нашим этапах, происходит переход от одного мира к другому; и это очень важный факт, на который мы постоянно указываем. Сперва наблюдается, так сказать, нисходящее развитие — развитие форм, их материальности и плотности, а затем начинается восходящее движение — обратно к духу, — возможное именно благодаря совершенству материи, достигнутому на первом этапе. Можно предположить, что и на более высоких ступенях эволюции, включая человеческую, происходит в точности то же самое. На всём протяжении этой книги мы не раз будем сталкиваться с тем, что в природе один процесс служит прообразом другого, а большое является повторением малого, только на более высоком уровне.

Из того, что мы уже говорили (в том числе и об эволюции организмов на планете «А»), можно заключить, что минеральное царство на планете «А» не сможет создать царство растительности до тех пор, пока не получит внешний импульс, так же, как и Земля не сможет создать человека из обезьяны, пока аналогичный внешний импульс не коснётся её. Однако в данный момент не имеет смысла углубляться в сущность тех импульсов, которые воздействуют на планету «А» в самом начале создания системы миров.

Мы уже упоминали об эволюционных периодах настолько древних, что даже становление минерального царства на планете «А» выглядит на их фоне сравнительно поздним этапом, и дальнейшее отступление в прошлое радикально изменило бы весь характер нашего повествования. Поэтому нам лучше остановиться здесь и временно принять жизненные импульсы, рождающие планету «А», как некую гипотетическую данность. Данное решение позволит нам очень кратко и схематично описать весь огромный временной период, отделяющий минеральную эпоху на планете «А» от эпохи человеческой эволюции, и вернуться таким образом к основной теме данной книги. И то, что уже было сказано ранее, значительно облегчит нашу задачу. Расцвет минерального царства на планете «А» подготавливает почву для эволюции растительности, и как только эта эволюция начинается, импульс минеральной жизни перетекает на планету «Б». Далее, по достижении расцвета растительной эволюции на планете «А» и с началом эволюции животных, на планету «Б» перетекает импульс растительной жизни, а минеральный импульс переходит на планету «В». И наконец на планете «А» наступает очередь для проявления импульса человеческой жизни.

Здесь необходимо ненадолго остановиться, что-бы предостеречь читателя от возможной ошибки, так как весьма обобщённо и приблизительно описанный выше процесс может создать впечатление, будто ко времени проявления на планете «А» человеческого импульса минеральный импульс достигает только планеты «Г», за пределами которой продолжает господствовать хаос. Однако это мнение довольно далеко от истины, и тому есть две причины. Во-первых, как мы уже говорили, существуют эволюционные процессы, предшествующие минеральной эволюции, а следовательно, волна эволюции (а точнее, несколько волн эволюции) начинает своё продвижение через мировые сферы задолго до минеральной волны. Но гораздо важнее другой факт, знание которого жизненно необходимо для правильного понимания всей рассматриваемой нами темы. Данный факт состоит в том, что ещё до начала проявления человеческого импульса на планете «А» жизненный импульс успевает несколько раз пройти через всю цепь миров. И причина тому состоит в следующем: каждое эволюционное царство — растительное, животное и так далее — делится на несколько спиральных слоёв. Духовные монады — индивидуальные атомы могущественных жизненных импульсов, о которых уже так много сказано, — не завершают полностью своё минеральное существование на планете «А», равно как и на планете «Б» и так далее. Они несколько раз проходят по всему кругу как минералы, затем — опять же несколько раз — как растения и несколько раз — как животные. Мы намеренно воздерживаемся от приведения от приведения каких-либо конкретных цифр, поскольку в настоящее время самое главное — это представить себе саму схему, хотя бы в самых общих чертах. Однако цифры, касающиеся этих природных процессов, уже переданы миру оккультными адептами (полагаю, впервые), и очень скоро мы обратимся к ним по ходу нашего повествования. Но для первого раза, как мы уже говорили, достаточно воспринять саму идею как пищу для размышлений.

Итак, первые примитивные люди начинают своё существование на планете «А» — в мире, где все вещи подобны призракам соответствующих вещей, которые мы видим вокруг себя. Человек начинает своё долгое нисхождение в материю. Жизненный импульс каждого «круга» устремляется вперёд, и человеческие расы перемещаются на различные ступени совершенства на всех планетах поочерёдно. Однако устройство этих кругов намного сложнее всего того, что мы успели рассказать о них до сих пор. И процесс, переживаемый каждый монадой, не ограничивается простым переходом с одной планеты на другую. На каждой планете, с каждым своим появлением на ней, монада претерпевает довольно сложный процесс эволюции. Она много раз воплощается в следующих друг за другом человеческих расах, прежде чем перемещается далее, и даже в каждой великой расе переживает множество воплощений. В процессе дальнейших пояснений станет ясно, что данный факт проливает море света на истинное состояние нашего нынешнего человечества, указывая нам причины повсеместно наблюдаемых нами очевидных и зачастую весьма досадных различий в уровне интеллекта и морали, а также благосостояния (в самом возвышенном смысле этого слова).

То, что имеет конкретное и определённое начало, как правило, имеет и конец. И поскольку мы уже показали, что рассматриваемый эволюционный процесс начинается с приведения в действие определённых импульсов, то теперь со всею уверенностью можем заключить, что эти импульсы стремятся к некоей конечной цели, к своему естественному

завершению. И хотя эта цель ещё очень далека, в её существовании можно не сомневаться. Человек, известный нам по нашей планете, стоит всего лишь на полпути в эволюционном процессе, которому он обязан своим нынешним развитием. Но ещё до того, как завершит свой путь наша система, человеку предстоит настолько возвыситься над своим сегодняшним уровнем, насколько он теперь отличается от исчезнувшего промежуточного звена. Таким образом, этот прогресс будет достигнут им ещё на этой Земле, тогда как в иных мирах восходящего цикла ему предстоит покорить ещё более величественные вершины совершенства. Воображению человека, не приобщённого к оккультным тайнам, невозможно представить себе ту жизнь, которую он будет вести непосредственно перед тем, как великий цикл достигнет зенита. Однако мы уже достаточно рассказали читателю о прошлом — достаточно много для того, чтобы перейти теперь к прогнозам относительно существования, которое может предложить нам будущая эволюция по прошествии необозримой бездны времени.

Примечания

В предшествующей главе имеется фрагмент, который как будто совершенно не способствует лучшему пониманию рассматриваемой темы, — лучшему, нежели то, которое я смог приобрести, когда ещё только работал над этой книгой. В нём сказано «Духовные монады — индивидуальные атомы этих могущественных жизненных принципов, о которых уже так много сказано — не завершают полностью своё минеральное существование на планете “А”, равно как и на планете “Б” и так далее. *Они* несколько раз проходят по всему кругу как минералы, затем — опять же несколько раз — как растения»... и так далее. Но теперь я понимаю, что мне было с самого начала позволено сохранить вышеприведённую формулировку, поскольку главной целью данной книги является описание механизма постепенной эволюции человеческого существа, следующего природным процессам, начиная с самых низших царств. Впрочем, чуть далее по ходу книги будет подробно рассказано о том, что грандиозный процесс человеческой эволюции и всё, что ведёт человека к кульминационной точке его развития — нисхождения духа в материю, — порождает дифференциацию индивидуальностей на гораздо более позднем этапе, нежели это может предположить читатель, ознакомившись с процитированным выше фрагментом. В минеральных мирах, где ещё не развились более высокие — растительные и животные — формы, такая сущность, как индивидуальная духовная монада, пока ещё не существует, если только её не создаст какое-нибудь поистине непостижимое соединение (непостижимое, но тем не менее доступное для нашего теоретизирования) жизненных импульсов, призванных создавать последующие цепи высокоорганизованного существования. Если раньше мы говорили о том, что даже в случае с извращённым человеческим Эго, окончательно сбившимся с пути эволюции, на который оно некогда вступило, его жизненный импульс сохраняет свою целостность и единство со вселенским духом, то теперь мы можем сказать то же самое и о жизненном импульсе, начинающем действовать в самом начале планетной цепи (хотя для нас это пока что всего лишь рабочая гипотеза, призванная помочь нам в будущем в разрешении некоторых загадок, к которым нет необходимости возвращаться прямо сейчас). Для лучшего понимания рассматриваемой проблемы необходимо представить себе самое первое вливание (именно вливание!) духа в материю как некое первичное, гомогенное[24] проявление. Все конкретные формы минерального царства — кристаллы и самые разнообразные камни — это всего лишь пузыри, всплывающие на поверхности кипящей массы и приобретающие на некоторое время индивидуализированные очертания, прежде чем снова раствориться в общей массе растущего космоса. Их нельзя назвать подлинными индивидуальностями. Даже в растительном царстве индивидуальность ещё не утвердилась. В царстве растений органическая материя достигает физического уровня проявления, подготавливая тем самым почву для более высокой эволюционной ступени — царства животных. Только на этом этапе, да и то лишь в самых высших его сферах, впервые пробуждается подлинная индивидуальность. Следовательно, только тогда, когда мы мысленно представим себе переход великого жизненного импульса, движущегося вдоль планетной цепи, на уровень животного воплощения, нам будет в полной мере позволено говорить о духовных монадах как о совершающем своё эволюционное движение множестве, в отношении которого применимо местоимение «они».

Адепты, коим принадлежит сформулированное в этой книге учение, включили в него тему планетной цепи, конечно же, не ради того, чтобы пробудить у всех без исключения читателей интерес к детальному изучению эволюции в необозримом масштабе вселенной (что мы и пытаемся делать сейчас). Даже тот период, который наша раса, в процессе своей человеческой эволюции, проводит на этой Земле, является достаточно продолжительным для того, чтобы нам пришлось напрячь все свои мыслительные способности для его изучения. И величия эволюционных приобретений, коими человечеству предстоит овладеть за это время, более чем достаточно для максимального напряжения нашего воображения. Но каждому, кто изучает оккультную доктрину, в высшей степени полезно с самого начала, раз и навсегда уяснить себе, что наша система состоит из множества миров, тесно связанных и взаимно влияющих друг на друга, а уже потом сосредоточивать внимание на изучение эволюции нашей, отдельно взятой, планеты. Ибо эволюция отдельной планеты, как это будет показано в самом скором времени, следует определённому порядку, аналогичному эволюционным процессам, происходящим на всех остальных планетах цепи, к которой она принадлежит. В древних сочинениях по оккультной науке, написанных иносказательным языком, последовательные стадии развития одного мира порою описывается так, как будто речь идёт о разных мирах и *vice versa*[25]. Из-за этого у читателей может возникнуть путаница, ибо каждый интерпретирует мистический язык в соответствии с собственными представлениями и склонностями. Но все неясности рассеиваются, как только мы начинаем осознавать как действительный факт природы наличие

24 *Гомогенный* (греч.) — однородный по составу.

25 *Vice versa* (лат.) — «обратной чередой», то есть наоборот.

эволюции как между мирами, так и внутри каждого мира. Каждая планета в период обитания на ней человеческой расы претерпевает настолько радикальные и грандиозные метаморфозы, что их масштабы вполне можно сравнить с переустройством всего мира. Однако если мы рассмотрим в совокупности всю группу изменяющихся миров, то заметим, что имеем дело с процессом ещё более грандиозных эволюционных изменений. Все миры в цепи являют собой объективные реальности, а не просто символизируют перемены, происходящие внутри одного изменчивого мира. В конце одной из последующих глав мы приведём ещё несколько замечаний на эту тему, дабы читатель смог убедиться в полном логическом соответствии наших пояснений оккультному учению.

ГЛАВА IV. МИРОВЫЕ ПЕРИОДЫ

Наличие повторений в природных процессах можно обнаружить сразу же, стоит лишь только обратить внимание на оккультную доктрину в той её части, которая посвящена становлению человека на Земле. В своём развитии он сохраняет ту же направленность, что и в процессе более масштабного продвижения по планетной цепи. И детали внутренней конструкции нашего мира также аналогичны деталям более грандиозного организма, в который наш мир входит на правах составной части. Иначе говоря, развитие человечества на нашей Земле происходит благодаря последовательным эволюционным волнам, соответствующим последовательно расположенным мирам великой планетной цепи. Мы уже говорили, и не следует об этом забывать, что великая волна человеческой жизни успевает обежать всю цепь миров несколько раз. И этот первичный рост человечества мы, ради удобства изложения, с полным правом можем назвать кругами. Мы также не должны забывать о том, что индивидуальные сущности, описывающие эти последовательные круги, сохраняют свою индивидуальность в том, что касается их высших принципов. То есть те же самые сущности, которые проходят через наш мир в процессе продвижения по первому кругу, снова возвращаются сюда, побывав во всех мирах планетной цепи, когда для них начинается второй круг человеческой эволюции, и так далее. Впрочем, особое внимание в данном случае следует обратить на то, что индивидуальная сущность, достигая какой-либо из планет в процессе прохождения того или иного круга, не ограничивается тем, что просто фиксирует на ней своё присутствие, а затем направляется к следующей планете. Перед тем, как отправится далее, человек должен воплотиться в нескольких расах на этой планете. Данный факт призван приготовить в воображении читателя почву, на которой впоследствии должно взрасти понимание аналогичности процессов, происходящих в каждом отдельном мире, с процессами, направляющими развитие всей планетной цепи, то есть с теми, о которых мы только что говорили. Иными словами, если вся структура породившей нас природы создаётся серией кругов, каждый из которых охватывает все миры нашей цепи, то и в каждом из миров человечество проходит в своём развитии через серию рас, развивающихся в пределах своего собственного, отдельно взятого мира.

Шаг за шагом всё более углубляясь в содержание рассматриваемого учения, мы подошли, наконец, к тому этапу его изложения, на котором дальнейшее совершенствование наших познаний требует приведения конкретных цифр. Если бы мы сделали это раньше, то явно поторопились бы, поскольку прежде всего необходимо было довести до читателя саму идею существования цепи миров, образующих систему, и эволюции жизни в каждом из них, осуществляемой через серию перерождений. Но теперь, когда эта идея уже должным образом освещена, наши дальнейшие изыскания будут в значительной мере облегчены изыскания будут в значительной мере облегчены обращением к конкретным цифрам, к точному числу миров, кругов и рас, необходимых для завершения цикла эволюции всей системы. Ибо следует помнить, что существование системы миров так же ограничено во времени, как и жизнь отдельного человека. Хотя её существование вряд ли можно ограничить каким-то предопределённым с самого начала конкретным числом лет, всё то, что когда-либо начинает эволюционное движение, неизбежно развивается в направлении своего логического завершения. Человеческая жизнь (если не принимать во внимание несчастные случаи) охватывает вполне конкретный, ограниченный период времени; и жизнь целой системы миров равным образом должна когда-нибудь завершиться. И хотя продолжительность жизни мировой системы, как правило, поражает человеческое воображение своей огромной протяжённостью, это ни в коей мере не означает, что она неизмерима. Жизнь этой системы подразделяется, в свою очередь, на особые периоды, число которых также строго ограничено.

Какой пророческий инстинкт надоумил Шекспира остановиться на числе семь, когда он создавал свою фантастическую классификацию возрастов человека? На этот вопрос мы вряд ли сможем ответить. Но зато мы со всею уверенностью можем заявить, что он сделал, безусловно, наиболее удачный выбор. Эволюцию человеческих рас можно разделить на семь периодов, и число объективных миров, составляющих нашу систему (то есть ту, в которую входит наша Земля), также равно семи. Напомню, что для оккультистов это такой же несомненный факт, как и для физической науки — знание того, что спектр состоит из семи цветов, а музыкальная гамма — из семи нот. В природе также насчитывается семь царств, а не три, как то утверждает несовершенная классификация современной науки. Человек принадлежит к царству, определённо отличному от царства животных и включающему в себя такие возвышенные состояния, о которых наш нынешний уровень развития не имеет пока ни малейшего представления. Ниже минерального существуют ещё три царства природы, совершенно неизвестные западной науке. Однако о них мы сможем поговорить чуть позже. Мы упомянули их сейчас только для того, чтобы продемонстрировать повсеместность действия семеричного закона в природе.

Возвращаясь к наиболее интересующему нас царству, мы можем сказать, что человек развивается в процессе прохождения через серию кругов (каждый из которых охватывает всю мировую цепь) и что только после преодоления семи таких кругов предназначение нашей системы будет полностью выполнено. Круг, который мы проходим сейчас, является четвёртым по счёту. По вполне понятным причинам приобретение достоверных знаний на данный счёт вызывает максимальный интерес. Ведь каждый круг специально предназначен для преимущественного развития одного из семи человеческих принципов, в строгом порядке их последовательного проявления.

Индивидуальная сущность, только что прибывшая на планету в ходе прохождения круга, должна пройти на этой планете через семь рас, прежде чем переместиться на следующую. И каждая из этих рас живёт на протяжении достаточно долгого времени. Наши старомодные суждения о времени и вечности, навеянные туманными религиозными си-

стемами Запада, породили и распространили довольно странные представления, касающиеся конкретной протяжённости этих долговременных периодов. Мы можем бойко рассуждать о вечности, и потому пара-другая тысячелетий едва ли способна поразить наше воображение; но когда речь заходит о точном исчислении лет; разделяющих в вечности качественно отличные друг от друга сферы мышления, нелогично мыслящие западные теологи, как правило, считают подобное исчисление абсурдом. Мы сами — живущие ныне на Земле человечество (вернее, основная его масса, так как есть ещё исключительные случаи, о которых будет рассказано ниже) — проходим сейчас через пятую расу четвёртого круга, хотя эволюция этой пятой расы начались уже около миллиона лет назад. Но даже если читатель будет знать, что предлагаемая ему в данном случае космогония не претендует на манипулирование вечностью, это вряд ли вызовет его интерес к точным подсчётам огромных временных величин, исчисляемых миллионами лет, даже если эти величины будут округлены для удобства.

Каждая раса из семи, образующих круг (то есть последовательно развивающихся на Земле, по мере прохождения через неё великой волны человечества, совершающей круговое движение вдоль планетной цепи), делится на подрасы. Ведь если бы не это обстоятельство, то активные существования каждого индивидуального человека были бы чрезвычайно редкими и немногочисленными. В каждой расе насчитывается семь таких подрас, каждая из которых делится, в свою очередь, на семь малых рас. Обобщённо говоря, каждая человеческая сущность должна пройти за время своего пребывания на Земле через все эти расы, вновь и вновь возвращаясь на эту планету в своём круговом перемещении по системе планет. По зрелому размышлению, это учение звучит не так пугающе для человеческого ума, как любая другая гипотеза, предлагающая меньшее число воплощений. Ибо какое бы количество жизней ни прожил на Земле человек в течение одного круга — большое или малое, — он всё равно не сможет продвинуться дальше до тех пор, пока эволюционная волна не переместиться в положенное для этого время на другую планету, увлекая его за собою. Даже того, что мы уже успели сказать о продолжительности существования человека на каждой планете, вполне достаточно, чтобы заметить, что протяжённость одной его физической жизни составляет всего лишь малую часть того времени, которое он проводит между своим появлением на Земле и перемещением на следующую планету. И большую часть этого времени (с точки зрения нашего измерения временной протяжённости) мы проводим, со всею очевидностью, в тех субъективных состояниях существования, которые принадлежат «миру следствий», или духовной Земле, сопутствующей нашей физической планете, на которой протекает наше объективное существование.

Характер существования на этой духовной Земле во многом определяется существованием на Земле физической, и рассматривать его, опять-таки, надлежит в свете вышеперечисленных расовых воплощений. Следует помнить, что между физическими жизнями человеческая сущность переживает период существования в соответствующем духовном мире. И поскольку условия пребывания в этом мире определяется тем, как человек использовал предоставленные ему возможности в предшествующем физическом рождении, в оккультных сочинениях духовную Землю нередко называют миром следствий, а физическую Землю — соответствующим ей миром причин.

То, что естественным образом перемещается в мир следствий после воплощённого существования в мире причин, это и есть индивидуальная сущность, или духовная монада. Но вместе с нею туда переходит и только что начавшая распадаться личность — хотя и не вся, а лишь её часть, размеры которой зависят от качеств этой личности или, иными словами, от того, насколько эффективно человек использовал предоставленные ему при жизни возможности. Период, который человек должен провести в мире следствий (коему соответствуют в традиционной теологии «потусторонний мир», или небеса), в каждом случае намного превосходит по своей продолжительности предшествующую жизнь, предопределяющую его свойства. Однако узкий кругозор распространённых религиозных представлений охватывает только одну физическую жизнь и её последствия в жизни будущей. Теология утверждает, что человеческое существование начинается в физическом мире и что следующая за этим духовная жизнь длится вечно. И эту пару существований, которая, как показывает изучаемая нами оккультная наука, составляет всего лишь малую часть жизни индивидуальной сущности в пределах малой расы — одной из семи, составляющих подрасу, а семь подрас, в свою очередь, составляет основную расу, отмечающую, вкупе с шестью другими такими же расами, прохождение по нашей Земле одной из семи волн человеческой эволюции, каждая из которых должна пройти полный круг, прежде чем её природная функция будет исполнена до конца, — эту микроскопическую молекулу, составляющую мизерную часть неизмеримо более масштабного целого, теология ставит даже *выше* этого целого, поскольку наделяет её вечностью

Здесь необходимо предостеречь читателя от неверного умозаключения, которое он может сделать по той простой причине, что сказанное мною, хотя и не содержит никаких неточностей, не охватывает, что вполне естественно, всего спектра проблемы. Он не должен думать, что получит точное число жизней, проживаемых индивидуальной сущностью на Земле за время прохождения через неё одной круговой волны, если возведёт число семь в третью степень. Если бы в каждой малой расе человеческой сущности было отмерено только одно воплощённое существование, то общее число воплощений должно было бы равняться 343. Но каждая жизнь нисходит в объективное состояние по крайней мере дважды за время прохождения каждой малой расы; или, иными словами, в каждой малой расе человеческая монада воплощается минимум два раза. Опять же, существует особый циклический закон, стремящийся к тому, чтобы число воплощений было более 686. В кульминационной точке каждой подрасы скапливается некоторый излишек жизненной энергии, который стремится создать в этой точке эволюционного развития дополнительную, побочную расу. И ещё одна побочная раса создаётся в конце жизни каждой подрасы — так сказать, остаточным инерционным движением последней. Волна человеческой жизни в полном объёме проходит через все эти расы, и в результате реаль-

ное число воплощений каждой монады приближается к 800. Правда, это число может варьироваться, хотя и в незначительных пределах, и причины тому будет рассмотрена ниже.

Методично действующий закон, побуждающий каждую индивидуальную человеческую сущность преодолевать огромную протяжённость описанного нами в самых общих чертах эволюционного процесса, нисколько не препятствует ей отклоняться от своего нормального предназначения или даже деградировать до окончательного самоуничтожения; так что эта перспектива грозит всем человеческим *личностям*, культивирующим в себе низменные пристрастия. На это ясно указывает распределение семи принципов после смерти, а последующие наши рассуждения на тему эволюции внесут в этот вопрос ещё большую ясность. Бессмертная сущность проживает продолжительную серию жизней — и не только в тех расах, которые создаёт на Земле нынешняя жизненная волна, но и в других мирах и в других волнах. И, образно говоря, в одни прекрасный день она может вспомнить все свои предыдущие жизни, которые покажутся ей прожитыми ранее днями. Правда, для большинства из нас это событие произойдёт лишь в невообразимо отдалённом будущем, если измерять время в привычном нам годовом исчислении. Астральные останки, от которых мы освобождаемся во время каждого своего перехода в мир следствий, продолжают затем более или менее самостоятельное существование — совершенно независимое от духовной сущности, от которой они только что отделились.

Естественная история этих астральных останков представляет собой весьма интересную и очень важную проблему; однако последовательное рассмотрение этой темы требует, чтобы мы предварительно постарались понять, что происходит с более возвышенным и жизнеспособным духовным Эго. Более того, прежде чем углубляться в изучение этого предмета, мы должны сказать ещё несколько слов об эволюции объективных рас.

Эзотерическая наука — хотя она и интересуется преимущественно теми проблемами, которые принято связывать с религией — не могла бы претендовать на звание всеобъемлющей и достоверной системы (каковой она является на самом деле), если бы не была способна примирить со своими учениями все известные человечеству феномены земной жизни. Опять же, ей вряд ли удалось бы исследовать и описать механизм развития человеческой расы на протяжении эонов времени и целых серий планет, если бы она не могла объяснить, как человеческая волна, к которой мы принадлежим и о которой ведём речь, эволюционировала на нашей Земле; ведь общее складывается из частного и связано с ним законами аналогии. Но тех способностей, которые позволяют адептам постигать тайны иных миров и других состояний существования, вполне достаточно для того, чтобы они могли (мысленно) вернуться вспять, следуя вдоль жизненных потоков нашей планеты. И если наша так называемая всемирная история охватывает лишь краткий период, протяжённостью всего в несколько тысячелетий, то история Земли, входящая в состав эзотерической науки, относит нас ко времени жизни четвёртой расы, предшествовавшей нашей, и даже третьей расы, ещё более ранней. В действительности она углубляется в ещё более отдалённое прошлое, но вторая и первая расы не создали ничего, что можно было бы назвать цивилизацией, и потому о них можно сообщить гораздо меньше, чем об их преемниках. Третья и четвёртая расы уже были цивилизованными, как ни странно может звучать для читателя упоминание о какой бы то ни было цивилизации, существовавшей несколько миллионов лет тому назад.

Где же следы этой цивилизации? — могут спросить нас. И может ли цивилизация, которую подарила миру в настоящее время Европа, исчезнуть так же бесследно, чтобы будущие обитатели нашей планеты даже не подозревали о её существовании? И наконец, чем вообще можно объяснить тот факт, что цивилизация, аналогичная нашей, способна испариться, не оставив по себе никаких воспоминаний?

Ответы на все эти вопросы следует искать в закономерностях жизни планеты, протекающей параллельно с жизнью её обитателей. Периоды великих коренных рас отделены друг от друга великими природными катаклизмами и большими геологическими изменениями. В те времена, когда на Земле процветала четвёртая раса, Европа ещё не существовала как континент, А тот континент, на котором жила четвёртая раса, не существовал в период расцвета третьей. И ни один из этих двух континентов, на которых развивались цивилизации прежних рас, не сохранился до сего дня. За время прохождения по Земле человеческой жизненной волны одного круга лицо нашей планеты успевают изменить семь великих континентальных катаклизмов. И каждая раса прекращает своё существование в строго предопределённое время, хотя её немногочисленные осколки остаются разбросанными по разным уголкам мира, продолжая существовать вне своего родного дома. В таких случаях раса неизбежно переживает упадок и, рано или поздно, снова возвращается в варварское состояние.

Родным домом для четвёртой расы, непосредственно предшествовавшей нашей, был континент, некоторые воспоминания о котором сохранились даже в экзотической литературе. Это погибшая Атлантида. Однако на самом деле огромный остров, разрушение которого описал Платон, был всего лишь последним осколком древнего континента. Вот что мне сообщили об этом: «В эпоху эоцена[26], уже в самом её начале, великий цикл четвёртой человеческой расы (расы атлантов) уже достиг своей наивысшей точки, и великий континент — отец едва ли не всех современных континентов — уже начал проявлять первые признаки грядущего затопления. Этот процесс завершился только 11 446 лет назад, когда последний остров, который мы, переводя его название с туземного языка, с полным правом можем называть Посейдонисом, с шумом ушёл под воду.

Лемурия (древний континент, располагавшийся к югу от Индии, на месте нынешнего Индийского океана, но соединявшийся с Атлантидой, поскольку Африки ещё не было) отличается от Атлантиды так же, как Европа отличается от Америки, и потому смешивать их не следует. Оба континента утонули и исчезли с лица Земли, вместе со своими высокоразвитыми цивилизациями и “богами”; однако эти две катастрофы разделяет эпоха протяжённостью в 700 000 лет:

26 *Эоцен* — в геологической истории Земли соответствуют средней эпохе палеогенового периода, имевшего место приблизительно 66 млн. лет назад.

примерно такой срок отделяет расцвет и гибель Лемурии от начала эоцена, поскольку лемурийская раса была только третьей. Реликтами[27] этого некогда великого народа являются некоторые плоскоголовые аборигены вашей Австралии».

Автор современного сочинения об Атлантиде ошибается, наводняя Индию и Египет колонистами с этого континента. Однако об этом после.

«Почему вашим геологам, — спрашивает мой достопочтенный учитель-Махатма, — никак не приходит в голову, что под толщей активно исследуемых ими континентов, в недрах которых они уже обнаружили следу эпохи эоцена, и даже заставили эту эпоху открыть им свои секреты, могут находиться скрытые в неизмеримой (или вернее, до сих пор не измеренной) глубине океанского ложа иные, более древние континенты, геологические слои которых ещё никогда не исследовали учёные, и что их изучение заставит когда-нибудь пересмотреть все существующие в настоящее время теории? И почему они никак не могут предположить, что наши нынешние континенты тоже могли несколько раз уходить под воду, как Лемурия и Атлантида, а потом снова подниматься, чтобы взрастить на своей поверхности новые человеческие общности и новые цивилизации, и что при первом же смещении геологических пластов, знаменующем новый катаклизм — один из тех, что периодически происходит с самого начала и до конца каждого цикла, — наши уже стареющие континенты снова утонут, а Лемурия и Атлантида снова всплывут?

Разумеется, у четвёртой расы тоже были свои периоды наивысшего расцвета цивилизации». (Письмо, которое я цитирую, было отправлено в ответ на мои многочисленные вопросы.) «Греческая, римская и даже египетская цивилизации не идут ни в какое сравнение с цивилизациями, начало которым было положено появлением третьей расы. Люди второй расы не были дикарями, но и цивилизованными их тоже нельзя назвать.

Греки и римляне были малыми подрасами, а египтяне — неотъемлемой частью нашего нынешнего, кавказского ствола. Взгляните на Египет и на Индию. Достигнув вершины своей цивилизации и, что ещё более важно, *знания*, и тот, и другая скатились вниз. Египет, как отдельная подраса, полностью исчез (нынешние копты — всего лишь смешанные его остатки); но Индия, как одно из первых и наиболее мощных ответвлений материнской расы, породившее, в свою очередь, несколько подрас, дожила до наших дней и теперь борется за то, чтобы снова занять достойное место в истории. И вот теперь история выхватывает из египетского прошлого лишь несколько случайных и туманных фрагментов, давность которых не превышает 12 000 лет, хотя цикл египетской цивилизации достиг своего апогея за тысячи лет до этого времени и уже начал двигаться по нисходящей линии.

Халдеи достигли вершины своей оккультной славы до начала эпохи, называемой вами бронзовым веком[28]. Мы считаем, что на Земле существовали, но со временем исчезли, цивилизации гораздо более значительные, нежели нынешняя; но чем вы сможете подтвердить миру нашу правоту? Недостаточно просто сказать, как это делают некоторые ваши современные авторы, что та или иная исчезнувшая цивилизация существовала до того, как были основаны Рим и Афины. Мы утверждаем, что целая серия цивилизаций существовала как до, так и после ледникового периода, что они возникали в разных точках земного шара, достигали зенита славы, а затем умирали. Всякий след и самые воспоминания об ассирийской и финикийской цивилизациях[29] исчезли с лица Земли, и только открытия последних лет снова вырвали эти цивилизации из небытия. И теперь они открывают новую, хотя и далеко не самую древнюю, страницу в истории человечества. И всё же, невзирая на то, что эти цивилизации никак нельзя отнести к древнейшим, историческая наука явно не спешила признать их реальность. Археология ясно указывает на то, что память человеческая способна увести нас гораздо дальше в прошлое, чем история, и священные тексты некогда могущественных народов, сохранённые их потомками, зачастую более достоверны, нежели научные данные. Мы говорим о допотопных цивилизациях, однако все наши утверждения кажутся абсурдными не только невеждам и профанам, но и высокообразованным геологам. Что бы вы сказали, если бы услышали от нас, что китайские аборигены (я говорю сейчас об истинных китайцах из внутренних районов, а не о тех, что представляют собою смесь четвёртой и пятой рас и занимают сейчас китайский трон), принадлежащие, во всей целостности своей расовой чистоты, к наивысшей и последней ветви четвёртой расы, достигли пика своей цивилизации, когда пятая раса едва только появилась в Азии? Когда это было? Подсчитайте сами. Открытая «Вегой» Норденшельда группа островов[30] буквально усеяна окаменелыми останками лошадей, овец, быков и так далее, вперемешку с гигантскими костями слонов, мамонтов, носорогов и других монстров, принадлежащих к тем временам, когда человек, по утверждению вашей науки, ещё не появился на Земле. Как же лошади и овцы могли оказаться соседями огромных допотопных животных?

Очень скоро будет доказано не только то, что климат области, скованной ныне холодом вечной зимы и не обитаемой человеком (самым нежным из всех животных), был раньше исключительно тропическим (что, впрочем, уже известно вашей науке, которая даже не оспаривает данный факт), но и то, что она была очагом одной из древнейших цивилизаций четвёртой расы, самым возвышенным потомком которой является вырождающийся китаец, а самые примитивные наследники безнадёжно (для непосвящённого учёного) перемешаны с остатками третьей расы. Я уже говорил вам раньше, что наиболее возвышенный (в духовном плане) из ныне живущих на Земле народов принадлежит к первой подрасе пятой коренной расы; это — азиатские арии. А раса, наиболее совершенная в плане физического интел-

27 *Реликт* (лат. — «остаток») — организм, предмет или явление, сохранившиеся как пережиток от древних эпох.

28 *Бронзовый век* — исторический период, сменивший энеолит, относящийся к концу четвёртого — началу первого тысячелетия до нашей эры.

29 *Ассирия и Финикия* — древние государства в Двуречье и в Средиземноморье; Ассирия в 605 г. до н. э. была уничтожена Мидией и Вавилонией, а Финикия в 332 г. до н. э. была завоёвана Александром Македонским.

30 *Норденшельд Нильс Адольф Эрик* (1832-1901) — шведский исследователь Арктики. В 1878-1879 годах на «Веге» первым прошёл Северо-восточным проходом из Атлантического океана в Тихий; открыл в юго-восточной части Карского моря архипелаг из 90 равнинных островов, который назван его именем.

лекта, самая молодая подраса пятой расы — это вы, белые завоеватели. Большинство человечества, принадлежащее к седьмой подрасе четвёртой коренной расы — уже упомянутые китайцы и их отпрыски и побочные ветви (малайцы, монголы, тибетцы, яванцы), а также остатки других подрас — являются прямыми потомками высокоразвитых, цивилизованных народов, не оставивших после себя ни памяти, ни названия, разве что только в некоторых книгах, таких, как “Пополь-Вух” (священная книга гватемательцев) и ещё нескольких, неизвестных науке».

Я спрашивал в своё время, можно ли чем-нибудь объяснить то явление, которое представляется нам странным и удивительным всплеском человеческого развития в последние два тысячелетия, по сравнению с относительно застойным состоянием человечества четвёртого круга, вплоть до начала эпохи современного прогресса. Именно этот вопрос дал повод для процитированных выше пояснений, а также для нижеследующих замечаний, касающихся причин недавнего «всплеска человеческого развития».

«Это — окончание очень важного цикла. У каждого круга, каждой расы, равно как и у каждой подрасы, есть свой великий и свои малые циклы на каждой планете, через которые должно пройти человечество. У нынешнего человечества — человечества четвёртого круга — тоже есть великий цикл и свои расы и подрасы. “Удивительный всплеск” объясняется двойным воздействием: с одной стороны — нисходящее движение великого цикла, а с другой — развитие малого цикла вашей подрасы, восходящей к своей вершине. Помните, что вы принадлежите к пятой расе, но лишь к одной из её подрас — западной. Несмотря на все ваши усилия, то, что вы называете цивилизацией, ограничено только вашей собственной подрасой, да её боковыми ответвлениями в Америке. Её обманчивые лучи, распространяясь вокруг, создают впечатление, будто её свет охватывает значительное большее пространство, нежели на самом деле. Но в Китае нет никакого всплеска, а Японию вы просто превратили в карикатуру.

Тот, кто изучает оккультизм, не должен говорить о застойном состоянии народов четвёртого круга, так как история не знала ничего, или почти ничего об этих народах вплоть до начала современного прогресса у других народов, помимо западных. Что вам известно, например, об Америке до вторжения на этот континент испанцев? Менее чем за два столетия до появления Кортеса[31] подрасы Перу и Мексики переживали такой же великий всплеск развития, как и нынешняя Европа и Соединённые Штаты. Только развитие этих подрас закончилось почти полным их уничтожением, в силу причин, созданных ими самим. Мы можем говорить только о том “застое”, в который периодически впадает в переходные периоды каждая раса, следуя закону становления, роста, зрелости и упадка. Ваша всемирная история знакома только с этим, последним, состоянием, демонстрируя блестящее невежество относительно того, что, например, представляла собою Индия каких-нибудь десять столетий назад. Ваши подрасы стремятся сейчас к кульминационным точкам своих циклов, но их историческая наука всё ещё не может продвинуться в прошлое дальше периодов упадка некоторых других подрас, большинство которых принадлежит к предшествующей, четвёртой расе».

Я спрашивал также, к какой эпохе следует отнести существование Атлантиды и можно ли считать уничтоживший её катаклизм закономерным для эволюционного развития рас явлением, соответствующим затемнению планет. И получил ответ:

«К эпохе миоцена[32]. В эволюции кругов всё происходит в положенное время и в положенном месте. В противном случае ни один даже самый гениальный прорицатель не мог бы рассчитать точный день и час того или иного великого или малого катаклизма. Всё, что мог бы сделать адепт, это предсказать приблизительное время, тогда как на самом деле события, влекущие за собою великие геологические изменения, можно предвещать с математической точностью — так же, как, например, затмения и прочие космические пертурбации. Погружение Атлантиды (группы континентов и островов) началось в период миоцена (точно так же постепенно погружаются некоторые ваши континенты, что уже ни для кого не секрет) и достигло кульминационной точки сначала тогда, когда окончательно исчез крупнейший континент (событие, совпавшее по времени с подъёмом Альпийских гор), а затем — когда перестал существовать последний остров, описанный в своё время Платоном. Египетские жрецы из Саиса говорили его предшественнику Солону[33], что Атлантида (то есть единственный оставшийся от неё крупный остров) исчез за 9 000 лет до его времени. И это не придуманная дата, так как они бережно хранили свои хроники на протяжении тысячелетий. Но тогда, повторяю я, они говорили только о Посейдонисе, не желая делиться своею тайной хронологией даже с великим греческим законодателем. И поскольку со стороны геологии не выдвигалось никаких возражений, но, напротив, находились всё новые и новые свидетельства, подтверждавшие данные предания, наука в конце концов признала факт существования великого континента и архипелага, подтвердив таким образом истинность ещё одного “мифа”.

Приближение каждого нового затмения всегда предваряется катаклизмами, связанными с огнём или водой. Но помимо этого, история каждой коренной расы как бы делится надвое ещё одной из таких катастроф. Так, достигнув вершины своей славы и величия, четвёртая раса — атлантическая — была уничтожена водою. И теперь вы видите только её одичавшие и деградировавшие остатки, подрасы которых тем не менее временами переживали периоды поздней славы и относительного величия. Однако со временем и вы сами станете такими же, как они, потому что закон циклов един для всех времён и народов. Когда ваша, пятая раса достигнет зенита своей физической интеллектуальности и наивысшего уровня своей цивилизации (вспомните о различиях, которые мы проводим между материальной и духовной цивилизациями), дальнейшее её развитие в рамках этого цикла станет уже невозможно; её продвижение в сторону абсолютного зла будет остановлено (точно так же, как было остановлено продвижение к этой же самой цели её пред-

31 *Эрнан Кортес* (1485-1547) — испанский конкистадор, возглавлявший завоевательный поход в Мексику в 1519-1525 гг.

32 *Миоцен* — подразделение неогенового периода, имевшего место приблизительно 23,5-25 млн. лет назад.

33 *Солон* (между 640 и 635-ок. 559 гг. до н. э.) — афинский архонт-реформатор и поэт; античные предания причисляли его к семи греческим мудрецам.

шественников — лемурийцев и атлантов, представителей третьей и четвёртой рас) очередным великим катаклизмом; её великая цивилизация будет разрушена, а все подрасы этой расы начнут двигаться по нисходящей линии своих циклов, пережив лишь кратковременный период славы и учёности. Вспомните об остатках атлантов — древних греках и римлянах (нынешние принадлежат уже к пятой расе). Вспомните, какими блистательными, но недолгими и непрочными были их слава и могущество. Ибо они были только подрасами семи ветвей коренной расы[34]. Единый и всевластный закон не позволяет ни одной материнской расе, равно как и ни одной малой или побочной расе, присваивать себе прерогативы расы или подрасы, которая должна прийти им на смену. И точно так же расы-предшественники не могут посягать на знания и силы своих последователей».

«Продвижение в сторону абсолютного зла», прерываемое для каждой расы очередным катаклизмом, сопровождается приобретением и накоплением (посредством обычного интеллектуального исследования и развития науки) сил, позволяющих господствовать над природой, — тех сил, над которыми властвуют только адепты, благодаря преждевременному развитию в себе высших способностей, качественно превосходящих наши повседневные. Я уже сказал несколько слов об этих способностях в предыдущей главе, когда пытался описать наших эзотерических учителей, но детальный их анализ потребовал бы пространственного отступления, посвящённого оккультным феноменам. Поэтому достаточно будет сказать, что эти способности могут быть очень опасными для всего общества в целом, если попадут в руки людей, которые видят в них не священный и почётный дар, а нечто совершенно иное, так как они позволяют совершать разнообразные преступления, абсолютно недоступные обнаружению и разоблачению. Некоторые из этих способностей представляют собой просто практическое использование скрытых сил природы — сил, которые можно обнаружить, в частности, в ходе обычного научного прогресса. Этот прогресс был в своё время достигнут атлантами. Мирские учёные этой расы познали тайны дезинтеграции и реинтеграции материи, лишь немногие из которых могут быть известны спиритуалистам-практикам, и научились подчинять своей власти элементалов[35], с помощью которых осуществляли эти и многие другие, ещё более поразительные, феномены. Эти силы, попадая в руки людей, склонных использовать их в эгоистических и безнравственных целях, сулят неисчислимые бедствия не только всем окружающим, но и их недостойным обладателям; и в целом продвижение по пути этой эгоистичной духовности чревато результатами ещё более ужасными, нежели все страдания и неудобства нашего мира. И потому, когда физический интеллект, не защищённый высокой моралью, выходит за рамки положенного ему уровня духовного развития, естественный закон принимает активные меры к его беспощадному подавлению. Однако мы сможем яснее представить себе случайность подобных аномалий, если подробнее ознакомится с общими целями, к которым человечество стремится в своей естественной эволюции.

Мы можем со всею уверенностью утверждать, что существует некий принцип, контролирующий все человеческие расы во времени их эволюционного продвижения, продиктованного циклическим законом, хотя это, конечно, ни в коей мере не опровергает того факта, что люди обладают индивидуальной свободой воли. Однако люди, привыкшие думать, что человеческие корни уходят в прошлое совсем не глубоко — не дальше, чем им позволяет историческая наука, — едва ли согласятся с тем, что развитие человечества демонстрирует циклические черты; для них это скорее переменчивое продвижение вперёд — иногда ускоряемое великими людьми и благоприятными обстоятельствами, иногда замедляемое войнами, фанатизмом или периодами интеллектуального застоя, но всё-таки продолжающееся то быстрее, то медленнее. И поскольку эзотерический взгляд на материю, подкреплённый бесчисленными наблюдениями, уже произведёнными и продолжаемыми оккультной наукой, представляет нам тенденцию, диаметрально противоположную вышеописанной, то мне кажется уместным завершить эти рассуждения цитатой, заимствованной у известного автора, совершенно чуждого оккультному миру, но тем не менее ставшего, благодаря вдумчивому анализу одних исторических сведений, решительным сторонником теории циклов. В своей «Истории интеллектуального развития Европы» доктор Дж. У. Дрейпер[36] пишет:

«Мы часто называем себя порождениями обстоятельств. И в этом утверждении кроется гораздо более глубокий философский смысл, чем может показаться на первый взгляд... С этой, более правильной, точки зрения нам следует рассматривать ход всех этих событий, исходя из принципа, согласно которому жизнь людей развивается, усложняется и движется вперёд заранее предопределёнными путями. А из этого можно заключить, что дела и события, которые мы всегда считали игрою обстоятельств, в действительности были навязаны их видимым авторам и исполнителям потребностями времени. На самом же деле их следует считать закономерными признаками определённой жизненной фазы, через которую, рано или поздно, проходят в своём движении вперед все народы. У человека, хорошо известного нам трезвой рассудительностью своих действий и надлежащей степенностью поведения, свойственными зрелому возрасту, отказ от своенравного упрямства юности мог произойти или начать проявляться вследствие разных случайных причин: например, семейных потерь, или утраты состояния, или ухудшения здоровья. И мы будем абсолютно правы, если припишем изменения в его характере всем этим тяжким испытаниям. Но мы ни за что не станем обманывать себя, полагая, что он никогда не стал бы таким, каким стал, если бы не эти пережитые невзгоды. За всеми этими превратностями судьбы стоит неотвратимый рок... Между жизнью отдельного человека и целого народа имеются очевидные аналогии, так как человека, — хотя его и можно назвать, в определённом смысле, творцом своей собственной жизни (счаст-

34 Подрасы и малые расы, классификацию которых я приводил выше.

35 *Элементалы* — духи стихий; существа, являющиеся силами природы и развивающиеся в четырёх царствах, или стихиях — в земле, воздухе, огне и воде.

36 *Дрейпер Джон Уильям* (1811-1882) — известный американский учёный в области медицины и химии. Е. П. Блаватская высоко оценила его последнюю книгу «История конфликта между религией и наукой» (1874).

ливой или несчастной, наполненной добром или злом), стремящимся вдаль или же остающимся на месте, в зависимости от своих наклонностей; делающим что-то или от чего-то воздерживающимся, следуя собственному выбору, — всё равно цепко держит в своих руках неумолимая судьба. Судьба привела его в мир против его воли (или вернее, без его ведома) и заставляет пройти определённый жизненный путь через закономерные и неизбежные стадии — младенчество, детство, юность, зрелость и старость, со всеми характерными для них действиями и страстями; и она же убирает его со сцены в положенное время, в большинстве случаев — также против его воли. То же самое происходит и с народами. Произвольность является только внешней маской, прикрывающей, но едва ли скрывающей предопределённость. Мы можем контролировать события нашей жизни, но только не закон её развития. Существует особая геометрия, которая вычерчивает для каждого народа кривую его развития, следуя вполне определённому математическому уравнению. И этого не может изменить ни один смертный человек».

ГЛАВА V. ДЭВАКХАН

Мы не могли перейти к обсуждению состояний, в которые высшие человеческие принципы переходят после смерти, не описав предварительно в общих чертах всю систему и весь путь, который должен пройти человек в процессе своей эволюции. Но поскольку эта часть моей задачи уже решена, мы можем перейти к рассмотрению естественных судеб человеческих Эго в период между окончанием одной объективной жизни и началом другой. В начале следующей объективной жизни карма предыдущей определяет те условия, в которых индивидууму предстоит родиться. И это учение о карме — одно из наиболее интересных в буддийской философии. Оно никогда не было тайным, хотя из-за недостаточного понимания некоторых элементов философии, которые всегда были строго эзотерическими, нередко получало превратное истолкование.

Карма — это собирательное понятие, применяемое ко всей совокупности привязанностей к хорошему или дурному, накопленных человеком в течение жизни и сохраняемых в его пятом принципе на всём протяжении между его смертью в одной объективной жизни и рождением в другой. Говорят также, что учение о карме заставляет признать существование некоей верховной духовной власти, которая суммирует все деяния человеческой жизни после её завершения, учитывая как добрые, так и дурные поступки человека, и выносит своё суждение о том, каков он в общем и целом. Но если мы узнаем, каким образом человеческие принципы распределяются после смерти, то это даст нам ключ к пониманию того, как действует карма, а также ещё одного важнейшего вопроса, с которого нам как раз и следует начать: что происходит сразу же после смерти в духовном состоянии человека?

После смерти три низших принципа — тело, его чисто физическая жизненная энергия и астральный двойник — полностью отделяются от того, что составляет истинного человека, а четыре высших принципа переходят в мир, расположенный непосредственно над нашим. Впрочем, когда мы говорим «непосредственно над нашим», мы имеем в виду только уровень духовности: не пространственное расположение непосредственно над нашим миром, но скорее пребывание внутри него — на астральном плане, или в *кама-локе*, если следовать хорошо знакомому санскритскому выражению. Здесь происходили разделение четырёх высших принципов на две дуады. Мы уже говорили о том, что высшие человеческие принципы развиты пока ещё не полностью; и этот факт подсказывает нам, что взгляд на рассматриваемую проблему как на чисто механическое разделение принципов был бы слишком примитивным. Читателю следует представлять себе этот процесс в свете всего того, что уже было сказано выше. Другими словами, его можно описать как испытание степени развития пятого принципа. Впрочем, в свете изложенного выше, можно сказать, что, с одной стороны, шестой и седьмой принципы увлекают пятый — человеческую душу — в одном направлении, а с одной стороны, четвёртый принцип притягивает пятый принцип в противоположном направлении, то есть к Земле. Пятый принцип — довольно сложная сущность, способная разделяться на высший и низший элементы. И в ходе борьбы между соседними с ним принципами, связь между которыми начинает распадаться, лучшая, чистая, наиболее возвышенная и одухотворённая часть пятого принципа присоединяется к шестому, а его низшие инстинкты, импульсы и воспоминания, притягиваются к четвёртому. Таким образом, пятый принцип оказывается как бы разорванным на части. Низшая часть, отождествляющая себе с четвёртым принципом, спускается в земную атмосферу, в то время как лучшие элементы, которые (это важно понять) составляют истинное Эго умершей земной личности, её индивидуальность и сознание, следуют за шестым и седьмым принципами в духовное состояние, о природе которого мы ещё поговорим.

Распространённое английское название этого духовного состояния вызывает слишком много неверных представлений, чтобы мы могли признать его подходящим; поэтому мы предпочитаем отказаться от него в пользу восточного определения этой сферы, или состояния, в которое высшие принципы человеческого существа переходят после смерти. Хотя дэвакхан буддийский философов соответствует в некоторых своих аспектах нынешнему европейскому представлению о небесах, в иных, гораздо более важных, аспектах он отличается от европейских небес, что делает наш выбор в пользу восточного термина ещё более обоснованным.

Во-первых, то, что продолжает жить в дэвакхане, это не просто индивидуальная монада, которая проходит через все изменения, происходящие с человеком во время его эволюционного продвижения, перемещаясь из тела в тело, от планеты к планете и так далее; в дэвакхан попадает собственно человеческая личность, обладающая самосознанием, — конечно, в определённой мере урезанная (о чём мы поговорим в самом скором времени), но всё-таки та же самая личность, которой свойственны те же самые возвышенные чувства, устремления, привязанности и даже вкусы, что и на Земле. Поэтому, возможно, самым правильным будет сказать, что здесь мы имеем дело с квинтэссенцией умершей сознательной личности.

Пожалуй, для читателя будет нелишним ознакомиться с тем, что говорит полковник Г. С. Олькотт[37] в своём «Буддийском катехизисе» по поводу существенной разницы между «индивидуальностью» и «личность». Его слова наверняка будут иметь вес для ученика-оккультиста, так как полковник писал свой «Катехизис» не только с одобрения Сумангалы — верховного жреца Шрипады и Галле, но и под непосредственным руководством своего Гуру-Адепта. Вот что он говорит в своём приложении:

37 *Олькотт Генри Стил* (1832-1907) — американский журналист, издатель, адвокат, один из основателей и первый президент Теософского Общества.

«По зрелому размышлению, я заменил “личность” на “индивидуальность”, как было написано в первом издании. Череда личностей — это последовательные появления (или “нисхождения в рождение”) на одной или многих землях связанных *танха-калли*[38] частиц (скандх[39]) индивидуального существа. В каждом из своих рождений *личность* отличается от той, какою она была в предыдущем или будет в последующем рождении. Карма — *deus ex machina*[40] – прячется (или, возможно, отражается?) за личностью то мудреца, то ремесленника и так далее, следуя непрерывной цепи рождений. И хотя личности постоянно меняются, нить жизни, на которую, как бусинки, нанизываются воплощения, остаётся непрерывной.

На всем протяжении это *одна и та же нить*, и никакая другая. А следовательно, она индивидуальна. Это индивидуальная жизненная волна, которая начинается в нирване (или в субъективном состоянии природы)[41] как световое или тепловое волнообразное движение, исходящее из своего динамического источника, продвигается через эфир[42], пересекает объективную сторону природы под воздействием импульса кармы и творческим руководством танхи и, после множества циклических изменений, стремится вернуться обратно в нирвану. Мистер Рис Дэвидс называет то, что переходит от личности к личности в течение индивидуальной цепи, “характером” или “линией поведения”. Но поскольку “характер” — это не чисто метафизическая абстракция, а сумма ментальных качеств и нравственных установок человека, то не лучше ли нам рассеять то, что мистер Ри Дэвидс называет “непроницаемой завесой тайны”, раз уж мы считаем жизненную волну индивидуальностью, а каждое из серии воплощённых проявлений — отдельной личностью?

Отрицание Буддой “души” (см. “Самьютта-никая”, “Сутта-питака”[43]) указывает на распространённую, но ложную веру в обособленную, переходящую из одного существования в другое, личность, а также в сущность, способную продвигаться от рождения к рождению, не претерпевая никаких изменений, или достигать такого места (или состояния), где это совершенное существо будет вечно наслаждаться либо вечно страдать. Всё, что он хотел сказать, это то, что осознание “я есть я” не может длиться вечно. Это логически невозможно, так как его элементарные составляющие постоянно меняются, и “я” одного рождения всегда отличается от “я” любого другого. Однако всё, что мне удалось обнаружить в буддизме, согласуется с теорией постепенной эволюции к состоянию совершенного человека, а именно — к состоянию будды[44], через накопление опыта бесчисленных рождений. Сознание того, кто достиг окончания цепи существований и стал буддой или смог достичь четвёртой ступени дхьяны (мистического самосовершенствования)[45] в одном из его рождений, предшествующих последнему, обретает способность вызывать в памяти сцены из всех пережитых им ранее рождений. В “Джатакаттахаваннане”, столь талантливо переведённой мистером Рисом Дэвидсом, постоянно повторяется фраза, которая, как мне кажется, подтверждает это мнение. “И тогда Благословенный *вызвал в памяти событие, скрытое сменой рождения*”, или “то, что было скрыто”, и так далее. Следовательно, ранний буддизм явно признавал нетленность хроник Акаши[46] и потенциальную способность человека читать эти хроники по достижении ступени подлинного индивидуального просветления».

Чисто физические ощущения и вкусы умершей личности останавливаются на пороге дэвакхана и не идут дальше. Однако из этого вовсе не следует, что в состоянии дэвакхана личность не сохраняет ничего, кроме мыслей и чувств, имеющих непосредственное отношение к религии или духовной философии. Напротив, все возвышенные аспекты даже самых приземлённых эмоций находят в дэвакхане соответствующую сферу очищения. Если постараться проиллюстрировать весь комплекс идей, связанных с пребыванием в дэвакхане, на одном примере, мы можем сказать, что душа человека, самозабвенно любившего музыку при жизни, достигнув дэвакхана, непрестанно испытывает восторженные ощущения, вызываемые музыкой. А человек, находивший своё высшее счастье на Земле в чувстве любви, встречает в дэвакхане всех тех, кого он (она) когда-то любил. Тут может возникнуть вопрос: как же быть, если кто-то из этих любимых людей ещё не готов войти в дэвакхан? Мы отвечаем: это абсолютно не важно. Для того, кто их любит, *все они будут там, рядом с ним*. Не требуется многословных объяснений, чтобы дать читателю ключ к разрешению этой загадки. Дэвакхан является субъективным состоянием. И он представляется таким же реальным, как столы и стулья вокруг нас. Но самое главное, следует помнить, что для углублённой оккультной философии именно столы и

38 *Танха* (пали) — жажда жизни, желание жить и привязанность к жизни на этой Земле, которая является причиной перевоплощений.

39 *Скандхи, или сканды* (санскр.) — буквально, «свёртки». Составные образующие элементы и одновременно факторы существования; всё, что обладает существованием, состоит из скандх.

40 *Deus ex machina* (лат.) — «Бог из машины». Драматургический приём античной трагедии: запутанная интрига получала неожиданное разрешение благодаря вмешательству бога, который при помощи механического приспособления, «машины», внезапно появлялся на сцене.

41 *Нирвана* (санкср., букв. «угасание») — состояние абсолютного существования и абсолютного сознания, высшее состояние духа, в котором преодолены все земные привязанности, нет ни желаний, ни страстей; ненарушимый покой, освобождение от уз сансары — прекращение перевоплощений.

42 *Эфир* — в эзотерической философии третий принцип космической семеричности.

43 *«Сутта-питака»* («Собрание текстов») — основная часть буддийского канона, представляющая в наиболее полном виде «Учение» — Дхамму (пали), или Дхарму (санскр.), и состоящая из пяти собраний сутр (никая). «Самьютта-никая» («Собрание связанных поучений») — третья часть «Сутта-питаки».

44 *Состояние будды* — состояние просветления, абсолютная освобождённость от оков проявленного состояния, как объективного, так и субъективного.

45 *Дхьяна* (санскр.) — буквально, «созерцание»; йогический транс, медитация, при которой ум полностью растворяется в объекте.

46 *Акаша* — изначальная субстанция, сверхчувственная духовная сущность, тонкий первоэлемент, при последовательном сгущении которого возникают все четыре элемента материальной вселенной. Поскольку Акаша потенциально содержит в себе всё материальное, она считается вместилищем информации обо всём, что было, есть и будет. Умение получать и истолковывать эту информацию составляет основу ясновидения и предсказания будущего.

стулья, равно как и всё объективное окружение нашего мира, представляются нереальными и изменчивыми иллюзиями восприятия. Так что для попавшего в дэвакхан это состояние будет таким же, и даже ещё более реальным, чем все реалии нашего мира.

А отсюда следует, что субъективное *уединение* в дэвакхане (а именно такое мнение об этом состоянии может поначалу сложиться у читателя) вовсе не является уединением в том понимании этого слова, которое вкладывается в него на нашем уровне существования. Напротив, это есть состояние воссоединения со всем, к чему стремится истинная душа — будь то люди, вещи или знания. А вдумчивые рассуждения о том месте, которое дэвакхан занимает к природе, неизбежно приводят выводу, что это субъективное уединение каждого человеческого существа является единственным состоянием, которое делает возможным для всего человечества достижение действительно блаженного духовного состояния после смерти. И действительно, дэвакхан является настолько же чистым и абсолютным блаженством для каждого, кто достигает его, насколько авичи[47] — его противоположностью. В этой системе нет никакого неравенства или несправедливости. Дэвакхан вовсе не одинаков для доброго человека и для равнодушного; однако там не существует ответственности, и потому в нём логически нет места для страдания, так же как в авичи нет места для удовольствия или *раскаяния*. Это — жизнь *следствий*, а не *причин*; жизнь, где не приходится зарабатывать, но где выплачивается всё заработанное. И потому на всём протяжении этой жизни человек ничего не может знать о происходящем на Земле. Если бы ему было оставлено это знание, истинное счастье в посмертном состоянии оказалось бы невозможным. Небеса, воздвигнутые вроде сторожевой башни, с вершины которой её обитатели по-прежнему могут взирать на земные страдания, стали бы местом настоящей душевной пытки для самых отзывчивых, бескорыстных и добродетельных из них. Даже если мы наделим их в своём воображении настолько ограниченным чувством сострадания, что сможем представить себе их равнодушно взирающими на страдания людей, до которых им нет никакого дела, им всё равно предстоит пережить в самом начале весьма несчастливый период, ожидая, пока те, к кому они были по-настоящему привязаны, умрут и присоединятся к ним, и вынужденно глядя на их, возможно, долгое, но далеко не всегда счастливое существование. Но даже эта гипотеза опровергается тем обстоятельством, что небо всё равно не приносит счастья и заставляет страдать самых человеколюбивых и милосердных своих обитателей, которые не могут не печалиться, глядя на несчастья всей человеческой расы даже после того, как их родные и близкие, с течением времени, освободятся от земных страданий. Единственный выход из этой дилеммы можно найти в предположении, что небеса, так сказать, ещё не созрели для активной работы и что все когда-либо жившие на Земле люди, начиная от Адама, до сих пор пребывают в состоянии похожего на смерть транса, ожидая всеобщего воскресения в конце существования мира. У этой гипотезы тоже есть свои слабые места; однако нас в данный момент интересует научная состоятельность эзотерического буддизма, а не учений других религиозных систем.

Но даже если читатель признаёт, что взгляд с небес на земную жизнь способен свести на нет всё небесное счастье, у него всё равно могут остаться сомнения по поводу того, возможно ли истинное счастье в только что описанном состоянии, которое может показаться ему состоянием монотонного уединения. Однако это сомнение может быть продиктовано только тем, что человеку никак не удаётся абстрагироваться от своего нынешнего окружения. Начнём с монотонности. Едва ли кто-нибудь станет жаловаться на скуку и монотонность в тот миг, или минуту, или полчаса, когда его охватывает ощущение величайшего счастья, которое он когда-либо испытывал в жизни. Большинство людей, конечно же, испытывало такие счастливые моменты, к которым они могут обратиться теперь для сравнения. Вспомните хотя бы один такой миг или минуту — слишком краткую для того, чтобы её можно было заподозрить в однообразии и монотонности, — и представьте это ощущение неизмеримо более продолжительным и к тому же абсолютно не связанным с каким-либо внешними событиями, которые позволяли бы отмечать течение времени. При таком положении вещей невозможно говорить о какой бы то ни было монотонности или скуке. Всеобъемлющее и ничем не нарушаемое ощущение абсолютного счастья длится непрерывно, но не бесконечно, так как породившие его причины тоже имеют ограниченную протяжённость. Однако они создают, как правило, очень мощный импульс, способный сделать пребывание в дэвакхане достаточно долгим.

Не следует также думать, будто душа в дэвакхане никогда не меняет, так сказать, свой род занятий или что каждый миг земной жизни безусловно предназначен для будущего увековечения. Вот что говорит по этому поводу учитель, пользующийся непререкаемым авторитетом в данном вопросе:

«Существует две сферы причинного проявления — объективная и субъективная. Энергии более грубого свойства — действующие в более плотных состояниях материи — объективно проявляется в следующей физической жизни; следствием их действия становится рождение каждой новой личности, совокупность которых составляет великий цикл эволюционирующей индивидуальности. Дэвакхан же служит сферой проявления следствий, созданных исключительно нравственной и духовной деятельностью. И если учесть, что мышление и воображение не имеют границ, то как вообще можно говорить о каком-либо намёке на монотонность в состоянии дэвакхана? Немного найдётся людей, чьи жизни настолько лишены всякого чувства, любви либо более или менее чётко выраженной предрасположенности к определённой линии мышления, чтобы им было отказано в праве на пропорциональной продолжительности период дэвакханических переживаний в их посмертном существовании. Так, например, пороки, физические и чувственные привязанности человека, который был, скажем, великим философом, но плохим другом и своекорыстным человеком, могут повлечь за собою рождение ещё более выдающегося интеллекта, но в то же время сделают его носителя человеком глубоко несчастным, пожинающим кармические плоды всех тех причин, которые создала “прежняя” личность; та-

47 *Авичи* (санскр.) — буквально, «непрерывный ад»; состояние посмертное или между двумя рождениями, хотя оно может иметь место также и на земле.

ким образом, новый склад его характера будет являться закономерным и неотвратимым следствием доминирующих склонностей того существа, которым он был в прошлом рождении, а промежуточный между двумя физическими рождениями период, в соответствии с совершенными и безошибочно действующими законами природы, *не сможет быть* ничем иным, кроме как полным *пробелом* в сознании. Однако в действительности этот досадный пробел, столь человеколюбиво обещанный (или вернее — негласно предсказанный) христианской протестантской теологией всем "усопшим душам", коим предстоит оставаться подвешенными в пространстве в состоянии ментальной каталепсии на всем протяжении времени между собственной физической смертью и всеобщим "воскресением" накануне "Судного Дня", может существовать лишь теоретически. Причины, создаваемые ментальной и духовной энергией, гораздо более важны и значительны, нежели те, что создаются физическими импульсами, и потому их следствия, сулящие блаженство или страдания, тоже должны быть пропорционально более значимыми. Но жизни на нашей Земле, равно как и на других планетах, не могут создать подходящих условий для их реализации, и поскольку каждый сеятель имеет безусловное право на взращённый им урожай, ему приходится пожинать его либо в дэвакхане, либо в авичи[48]. Так, например, Бэкон, которого поэт назвал "ярчайшим, мудрейшим и *подлейшим* из людей", может вернуться в следующем воплощении скупым стяжателем, наделённым выдающимися интеллектуальными способностями. Однако, как бы ни было велики эти способности, они так и не найдут достойного применения в той сфере мышления, которую великий основатель современной философии развивал в предшествующей жизни. Возможно, он станет каким-нибудь хитрым юристом, продажным генеральным прокурором, неблагодарным другом или бесчестным лордом-канцлером, обретшим, по велению собственной кармы, новую, близкую по духу почву в *теле* алчного заимодавца, своего рода нового Шейлока. Но куда же попадёт Бэкон — этот непревзойдённый мыслитель, для которого философское изучение самых сокровенных тайн природы было "первой, последней и единственной любовью", этот "интеллектуальный гигант своей расы" — куда он попадет после того, как сбросит с себя одеяние своей низшей природы? Неужели все плоды трудов его могучего интеллекта просто исчезнут, растворятся без следа? Разумеется, нет. Его нравственные и духовные качества также найдут для себя сферу, в которой их энергия сможет проявиться в полной мере. И этой сферой является дэвакхан. Там, в дэвакхане, все его великие планы нравственного совершенствования, все интеллектуальные исследования абстрактных принципов природы, все самые возвышенные и одухотворённые стремления, составлявшие наиболее светлую часть его жизни, принесут свои плоды. Абстрактная сущность, которая была известна в предшествующем рождении под именем Фрэнсиса Бэкона, а в будущем воплощении, *возможно*, прославится как презренный ростовщик — личность, рождённая самим Бэконом, его Франкенштейн, сын его кармы, — переходит на время в свой собственный внутренний мир, который она, опять-таки, создала сама, чтобы наслаждаться плодами великих и благотворных духовных причин, посеянных ею при жизни. Она входит в состояние чисто духовного, осознанного существования — в состояние сна, не менее живого и реалистичного, чем сама реальность, — и остаётся там до тех пор, пока карма не удовлетворится полностью и волнение силы не начнёт перехлёстывать через край её циклической чаши; после чего сущность переходит в следующую сферу причинности — либо в этом же самом мире, либо в следующем, в зависимости от уровня её развития... Таким образом, в дэвакхане *имеет место* "смена рода занятий", причём постоянная смена. Ибо этот сон жизни является временем созревания плодов, сбора урожая, выросшего из всех тех психических зёрен, что упали на землю с ветвей дерева физического существования в светлые моменты наших мечтаний и надежд, из призрачных вспышек блаженства и надежды, которые немедленно гаснут, упав на неблагоприятную почву повседневной жизни, но вновь разгораются и разливаются розовым рассветным сиянием под вечно безоблачным небом дэвакхана. Вопреки устоявшемуся мнению, если человек пережил в своём земном существовании хотя бы один-единственный миг подлинно духовного вдохновения, это вовсе не означает, что всё его пребывание в духовном мире должно напоминать этот самый "единственный миг", только продлённый до бесконечности. Этот миг будет всего лишь ключевой нотой субъективного состояния данного индивида — звуком, рождённым лирой его жизни; но от этой ноты образуется бесчисленные гармонические тоны и полутоны, создающие настоящую психическую фантасмагорию. Там все неосуществлённые надежды, стремления и мечты становятся явью, а сны объективного мира превращаются в реальность психического существования. Там, по ту сторону завесы майи, посвящённый ясно видит все её иллюзорные, изменчивые миражи, потому что ему открыта великая тайна проникновения в глубины самых сокровенных основ бытия...»

Физическое существование характеризуется накоплением сил и энергии в период от младенчества до зрелости, после чего силы начинают покидать человека, постепенно подводя его к старческому слабоумию и к смерти, и сон жизни в состоянии дэвакхана протекает точно так же. Там тоже есть первая вибрация психической жизни, достижение психической зрелости, постепенное истощение сил с переходом уставшего сознания в состояние апатии, затем — полубессознательное состояние, полное забытьё и наконец — нет, не смерть, а рождение! — рождение в новой личности и возобновление деятельности, ежедневно порождающей всё новые причины, плоды которых человеку предстоит пожинать в период последующего пребывания в дэвакхане.

«Но тогда это не реальность, а просто сон, — возразят скептики, — и душа, которая купается в обманчивых эмоциях блаженства, не имеющих под собою никакого реального основания, на самом деле просто обманута природой, и её ждёт ужасное разочарование, когда она очнётся ото сна и осознаёт своё заблуждение». Однако в действительности ничего подобного не происходит, и пробуждение ото сна так и не наступает, так как пробуждение от дэвакхана становится следующим рождением в объективной жизни, а оно требует от человека испить воды из реки забвения. И если скептик всё ещё помышляет об уединении души в состоянии дэвакхана, то мы можем сказать, что никакого осознания изоляции там не существует и в помине, как нет и расставания с избранным кругом близких людей. Причём эти близ-

48 Нижние уровни дэвакхана примыкают к состоянию авичи.

кие будут вести себя уже не так, как на Земле, где друзья и приятели могут устать от вас и пожелать уйти, даже если вы очень хотите их видеть и они вам ещё не надоели. Любовь — это творческая сила, которая создаёт перед человеком живые образы тех, кого он хотел бы видеть в данный момент, и эти образы никуда не исчезнут, если он сам того не пожелает.

Рассуждая на эту тему, я снова могу подкрепить свою мысль словами учителя:

«Все возражения на данный счёт сводятся к постулированию несоответствия, которое являет собою, по мнению скептиков, факт общения существ в дэвакхане, так как они считают, что общение может быть только следствием взаимодействия индивидуальных физических существ! Но даже если две симпатизирующие друг другу души обе оказываются в развоплощённом состоянии, каждая из них строит собственный мир дэвакханических ощущений, делая другую своей спутницей в собственном субъективном блаженстве. И обеим этим душам их переживания будут представляться таким же реальными, как будто они вовсе не покидали Землю. И всё-таки они будут отделены друг от друга во всём, что касается личных или материальных контактов. Хотя последние представляют собой единственный вид *реального* взаимодействия между людьми, доступный нашему земному восприятию, для *дэвакхани*[49] они не только не выглядят реальными, но и вообще не существуют, даже как иллюзия: ибо как духовная природа невидима и недоступна для физических чувств человека, сосредоточенного в своей земной жизни исключительно на материальном существовании, так и духовное восприятие дэвакхани совершенно не ощущает и даже не подозревает о том, что у него может быть физическое тело или хотя бы майяви-рупа[50]. И потому, даже если кто-то из “спутников” дэвакхани всё ещё жив и, находясь в состоянии бодрствования, совершенно не подозревает о своём общении с умершим, для дэвакхани это общение абсолютно *реально*. Да и какое ещё *реальное* общение, кроме вышеописанного, чисто идеалистического, может быть между двумя *субъективными* сущностями, которые ещё менее материальны, нежели даже наша эфирная тень — майяви-рупа? Возражать против этого, исходя исключительно из того, что одна из этих сущностей якобы “обманута природой”, и называть её переживания “обманчивыми эмоциями блаженства, не имеющими под собою никакого реального основания”, значит демонстрировать полную неспособность вообразить себе условия жизни и бытия за пределами нашего материального существования. Ведь если здесь, в нашем мире, нам что-то представляется реальным, а что-то — поддельным или искусственным воспроизведением этой реальности, то можем ли мы утверждать, что в точности такое же разделение существует и в дэвакхане, то есть в совершенно иных условиях, нежели наша земная жизнь? Очевидно, что к двум разным условиям существования не может быть применён один и тот же принцип. Можно ли представить себе, что реальность нашего воплощённого, физического состояния останется такою же реальностью и сможет сохранить те же самые качества и характеристики для бесплотного существа? На земле человек имеет двойственную природу — в том смысле, что он является материальным и в то же время духовным существом; отсюда и естественное различие, проводимое его разумом, — анализирующим как физические ощущения, так и духовные восприятия, — между фантазией и реальностью. И хотя даже в этой жизни обе группы аналитических способностей постоянно стремятся уравновесить друг друга, та из них, которая преобладает в настоящий момент, рассматривает как иллюзию и игру воображения всё, что другой группе представляется неоспоримой реальностью. Но в дэвакхане наше Эго перестаёт быть двойственным в вышеописанном смысле и становится духовной, ментальной сущностью. И то, что казалось фикцией, бесплотными мечтаниями и относилось исключительно к сфере “фантазии”, становится в новых условиях существования единственной возможностью *реальностью*. Поэтому, если мы признаем возможным существование для дэвакхани какой-либо иной реальности, кроме той, о которой мы говорили, это будет самым настоящим абсурдом, чудовищным заблуждением и поддержкой в высшей степени нефилософичной идеи. Реальность — это то, что создаётся или осуществляется *de facto*[51]: “реальность вещи доказывается её существованием”. И поскольку в состоянии дэвакхана не может быть ничего поддельного или искусственного, то отсюда логически следует, что все в нём должно быть реальным и настоящим. Осеняет ли шестой принцип — наша “духовная душа” — пять нижестоящих принципов в период жизни личности, или же он полностью отделён от грубых принципов вследствие распада тела, он всегда лишён субстанции и всегда остаётся *арупа*[52]; он не ограничен каким-либо конкретным объёмом или каким бы то ни было предельным горизонтом восприятия. И потому, пребывает ли он *в* смертном теле или же *вне* его, он всегда остаётся самостоятельным и свободным ото всех ограничений; и если мы называем дэвакханический опыт духовной души “обманом природы”, то тем самым лишаем себя права называть “реальностью” какое бы то ни было чисто абстрактное ощущение, целиком и полностью относящееся к этой сфере *высшей* души, отражаемое и воспринимаемое ею. Мы имеем в виду такие ощущения, как идеальное восприятие красоты, подлинная филантропия, любовь и так далее, равно как и любое другое чисто духовное ощущение, наполняющее наше внутреннее существо во время земной жизни либо всепоглощающей радостью, либо страданием».

Необходимо иметь в виду, что сама природа описанной выше системы предполагает бесконечное разнообразие вариантов счастливого существования в дэвакхане, соответствующее бесконечному разнообразию степени заслуг и достоинств разных людей. Если бы «иной мир» действительно представлял собою объективные небеса, как это утверждает общераспространённая теология, то он был бы полон бесконечной несправедливости и ошибок. Начать хотя бы с того, что допущены туда будут лишь некоторые, а прочие будут изгнаны; обращение же с теми, кто всё-таки будет допущен в этот благодатный край, едва ли будет в точности соответствовать степени накопленных ими в жизни заслуг,

49 *Девакхани* — тот, кто находится в дэвакхане.

50 *Майяви-рупа* (санскр.) — «иллюзорная форма», «двойник» в эзотерической философии.

51 *De facto* (лат.) — фактически, на деле.

52 *Арупа* (санскр.) — «бестелесное»; состояние без формы.

вследствие отсутствия строго индивидуального подхода к каждому. Однако истинное небе реагирует на нужды и заслуги каждого новоприбывшего с безошибочной соразмерностью, которая выражается не только в продолжительности состояния блаженства, определяемой причинами, созданными в объективной жизни, но и в силе и насыщенности эмоций, поставляющих это блаженное состояние. Таким образом, реально существующее небо, достигаемое каждым достойным его человеком, в точности рассчитано на способность этого человека насладиться его благими дарами, ибо оно само — порождение его собственных стремлений и душевных качеств. Пожалуй, это всё, что в состоянии понять о дэвакхане непосвящённый разум. Но и того, что уже было сказано, вполне достаточно, чтобы показать, насколько органично он вписывается в общую схему эволюции, занимая в ней абсолютно логичное и закономерное место.

Возвращаясь к непосредственным наставлениям моего учителя, мы можем добавит, что «девакхан — это, конечно же, *состояние*, а не местоположение, так же как и авичи, его противоположность (которую мы просим вас не путать с *адом*). Философия эзотерического буддизма различает три так называемых основных *локи*[53], а именно: 1 — *кама-локу*, 2 — *рупа-локу* и 3 — *арупа-локу*. Их названия можно перевести так: 1 — мир желаний и страстей, неудовлетворённых земных стремлений, обиталище “оболочек” и жертв, элементариев[54] и самоубийц; 2 — мир форм, то есть теней более духовных, имеющих форму и объективность, но не имеющих субстанции; 3 — *бесформенный* мир, или скорее, мир, лишённый формы, бестелесный, так как его обитатели не могут иметь ни тел, ни формы, ни цвета (в том смысле, который вкладываем в эти понятия мы, смертные). Существуют три сферы духовного восхождения, к которым притягиваются различные группы субъективных и полусубъективных существ. Все, кроме самоубийц и жертв преждевременной насильственной смерти, попадают, в соответствии со своими наклонностями и способностями, либо в двэакхан, либо в авичи, то есть в одно их двух состояний, образующих бесчисленное множество вариаций в мирах рупа и арупа. Иными словами, эти состояния не только подразделяются на качественно отличные друг от друга ступени (различающиеся по форме, цвету и другим характеристиками, в которых они предстают перед субъективной сущностью), но создают бесчисленное множество такого рода состояний, которые отличаются друг от друга по степени духовного развития и интенсивности ощущений.

Эти состояния охватывают весь диапазон от самых низших сфер рупа до наиболее возвышенных и утончённых сфер арупа-локи. Ученик должен иметь в виду, что *личность* есть синоним ограниченности; и чем более эгоистичным и ограниченными будут воззрения и мысли человека, тем ближе он окажется к низшим сферам бытия и тем дольше ему придётся оставаться на плане эгоистических социальных отношений».

Коль скоро дэвакхан представляет собой состояние чисто субъективного наслаждения, продолжительность и интенсивность которого определяются добродетельностью и одухотворённостью прошедшего земного существования, то за время пребывания в нём души ни о каком заслуженном воздаянии за совершённые человеком злые дела не может быть и речи. Однако природа не позволяет себе ни прощать грехи, списывая их со счёта с легкомысленной беспечностью, ни предавать грешников по любому поводу вечному проклятию, подобно нерадивому домохозяину — слишком ленивому и недостаточно человеколюбивому для того, чтобы надлежащим образом анализировать поступки и мотивы своих домочадцев и судить их справедливым судом. Дурная карма, так же, как и добрая, непременно вступит в действие в положенное время, независимо от того, велика они или мала. Однако местом её действия является не дэвакхан, а новое рождение либо авичи — состояние, в которое попадают лишь очень своеобразные личности и лишь в исключительных случаях. Иначе говоря, если рядовой грешник будет пожинать плоды своих дурных дел в следующем перевоплощении, то закоренелого злодея — настоящего аристократа греха — ожидает впереди терзания, изнанка дэвакхана.

«Авичи — это состояние самой *идеальной духовной* развращённости, отчасти напоминающее состояние Люцифера, столь блестяще описанное Мильтоном. Но, как может догадаться вдумчивый читатель, ожидает оно не многих. Однако если мы утверждаем, что дэвакхан предназначен практически для всех — как для добрых, так и для злых, и для равнодушных, — то гармония и равновесие оказываются в этом случае грубо нарушенными. Закон неотвратимого воздаяния и беспристрастной справедливости едва ли примирится и удовольствуется тем, что противоположность дэвакхана вступает в действие так редко или же вовсе отсутствует; а потому мы должны признать, *что это не так*. “*Зло* — это тёмный сын Земли (материи), а *Добро* — светлая дочь Неба” (или Духа), — говорит китайский философ; поэтому местом наказания для большинства наших грешников остаётся Земля — колыбель зла и место его преобладающего проявления. Впрочем, здесь, на Земле мы гораздо чаще наблюдаем внешнее, относительное, нежели действительное зло, так как широким массам простонародья не дано каждодневно достигать губительного величия и непревзойдённой развращённости “Сатаны”».

Как правило, плохая карма терпеливо ожидает нового возвращения человека в объективное существование, его перевоплощения на Земле, чтобы проявиться во всей своей неотвратимости. Но не следует думать, что вся добрая кар-

53 *Лока* (санскр.) — область, мир, сфера, план.

54 *Элементарии* — развоплощённые души, которые при жизни на земле отделили от себя свой божественный дух и тем самым утеряли свой шанс на бессмертие. Отделившись от своих высших триад и тел, эти души остаются в своих камарупических оболочках и неодолимо притягиваются к земле, к элементам, родственным их грубым натурам.

ма полностью истощает себя в дэвакхане, после чего несчастной монаде приходится развивать своё новое сознание на фундаменте одной лишь дурной кармы, оставленной ей в наследство предыдущей личностью. Перевоплощение определяется как достоинствами, так и недостатками предшествующей жизни, а существование в дэвакхане есть всего лишь розовый сон — спокойная ночь, наполненная сновидениями, более живыми и яркими, нежели реальность дня; и впечатлениям от этих сновидений не суждено изгладиться на протяжении многих столетий.

Как будет показано ниже, дэвакхан является только одним из состояний, образующих совокупное духовное (или относительно духовное) приложение к нашей земной жизни. Любители спиритуалистических феноменов не сталкивались бы со всеми теми затруднениями, которые им приходится испытывать, если бы имели дело исключительно с состоянием дэвакхана. Но у духа, пребывающего в этом состоянии, полностью погружённого в свои собственные ощущения и практически не помнящего о покинутой им Земле, остаётся крайне мало возможностей для общения со своими бывшими друзьями, продолжающими жить земною жизнью. Впрочем, как мы уже говорили, если узы взаимной привязанности между друзьями достаточно сильны, то не имеет значения, покинули ли они Землю раньше или попрежнему остаются на ней: они всё равно присоединятся к счастливому дэвкханическому духу (во всяком случае, в его собственных видениях) и чувствуют себя в его компании такими же довольными, блаженными и беспечными, как и он сам. Здесь надо сказать, что живого (физически) человека также *может* посетить видение дэвакхана, но такие видения случаются нечасто и носят, так сказать, односторонний характер, поскольку пребывающие в дэвакхане сущности, являющиеся таким образом земному ясновидящему, даже не подозревают о том, что становятся объектами наблюдения. В такие редкие мгновения дух ясновидящего восходит в состояние дэвакхана, и бесплотные образы этого состояния существования входят в его сознание. При этом ясновидящему кажется, что духи, с которыми он связан джвакханическими узами симпатии, спускаются вниз, чтобы навестить Землю и его самого, хотя на самом деле имеет место совершенно противоположное: это его собственный дух поднимается вверх, в дэвакхан. Таким образом, многие субъективные духовные контакты (устанавливаемые большей частью тогда, когда сенситиву[55] удаётся очистить свой разум) следует признать реальными, хотя непосвящённому медиуму до крайности сложно удержать в своей памяти истинные и неискажённые представления о том, что он при этом видел и слышал. Такими же реальными могут быть (хотя и гораздо реже) некоторые феномены из числа тех, которые именуют психографией[56]. Их суть состоит в том, что дух сенситива, так сказать, *одилизируется*[57] аурой духа дэвакхани, вследствие чего сам *становится* на несколько минут этой развоплощённой личностью и, находясь в таком состоянии, может записать некоторые мысли, которые были свойственны этой личности при жизни (причём её собственным почерком и на её же языке). Оба духа на время сливаются воедино, и преобладание одного из них над другим в процессе осуществления данного феномена определяет преобладание в этом соединённом духе тех или иных индивидуальных качеств. Таким образом происходит то, что обычно называют французским словом *rapport*[58]. Суть же этого процесса сводится к идентификации молекулярных вибраций астральной природы воплощённого медиума с астральной составляющей развоплощённой личности.

Как уже говорилось и как нам подсказывает наш собственный здравый смысл, состояние дэвакхана может иметь бесконечное множество вариантов, так что каждая личность попадает в нём в идеально подходящие для неё условия. Оттуда она впоследствии возвращается в мир причин, где, опять же, занимает идеально подходящее для неё место — на этой же самой Земле или на другой, в зависимости от обстоятельств. Этим возвращением становится следующее перевоплощение. И если учесть, что этот процесс сопровождается переходом из одного воплощения в другое привязанностей и тенденций, совокупно называемых кармой, — тенденций, созданных в предыдущей жизни и склоняющих человека как к добрым, так и к дурным поступкам, — то можно заметить, что данное обстоятельство предоставляет нам не более и не менее, чем ключ к постижению загадки, которая до сих пор считалась неразрешимой, — загадки неравенства, изначально существующего между людьми. Те условия, в которых мы начинаем свою жизнь, являются прямым следствием того, как мы использовали возможности, предоставленные нам в прошлом земном существовании. При этом ничто не может оградить нас от создания новой кармы любого качества, так как условия нашего существования, в свою очередь, предоставляют нам *новые возможности*, которые мы вольны использовать как на благо, так и во зло. Не следует полагать, что каждое событие нашей текущей жизни, приносящее нам либо радость, либо страдания, непременно является результатом действия нашей прежней кармы, приносящей свои плоды. Очень многие происшествия представляют собой «сиюминутные» результаты действий, производимых в этой же самой жизни, — так сказать, наличные расчёты с природой. Но на них едва ли следует останавливаться в этой книге. Однако вопиющее неравенство, проявляющееся между людьми уже при рождении в этом мире, безусловно, надлежит относить на счёт прошлой кармы, бесконечное разнообразие которой неустанно поставляет всё новых и новых рекрутов для никогда не повторяющейся феерии человеческой жизни.

Не следует думать, будто истинное Эго, оставляя земную жизнь со всеми её привязанностями, мгновенно перемещается в состояние дэвакхана. Когда противоборствующие влияния четвёртого и шестого принципов завершают в кама-локе разделение (или очищение) пятого принципа, истинное Эго впадает в состояние бессознательного «предродового» созревания. Я уже говорил о том, что жизнь в дэвакхане напоминает земной процесс роста, взросления и старения, однако на этом аналогии с Землей не исчерпываются. Переходу в духовную жизнь предшествует бессознательное

55 *Сенситив* — сверхчувственный человек, обладающей тонкими восприятиями.

56 *Психография* — писание под диктовку, или под воздействием чьей-то «душевной силы».

57 *...дух сенситива, так сказать, одилизируется...* — Речь идёт об «одилической силе» — особом излучении, которое эманируется людьми, особенно сенситивами, открытой Бароном Карлом фон Рейхенбахом (1788-1869), которую он назвал словом «од» (от греч. odyle).

58 *Rapport* (франц.) — связь, взаимодействие.

состояние, очень похожее на аналогичное бессознательное состояние, предшествующее вхождению в объективную физическую жизнь. В различных случаях этот период может иметь разную протяжённость: от нескольких мгновений до весьма продолжительного времени, измеряемого годами. Когда человек умирает, его душа (или пятый принцип) погружается в бессознательное состояние и лишается всех воспоминаний как о внешних вещах, так и о внутренних. И неважно, сколько продлится его пребывание в кама-локе — несколько мгновений, часов, дней, недель, месяцев или нет; неважно, умирает ли он естественной или насильственной смертью, происходит ли это в юном или преклонном возрасте, а также каким было при жизни его Эго — добрым, злым или нейтральным; всё равно его сознание покидает тело очень быстро, подобно фитильку погашенной свечи, который перестаёт тлеть уже через пару секунд. Когда жизнь покидает последнюю частицу материи мозга, последний утрачивает способность к восприятию навсегда, а духовные способности человека — такие, как познание и воля, — тоже пропадает, наряду со всеми остальными, на некоторое время. Его майяви-рупа может оказаться отброшенной в объективный мир, как это бывает в случаях с видениями умирающих; но если это видение не было вызвано охватившим в самый последний момент мозг умирающего осознанным или просто очень сильным желанием увидеть кого-либо или появиться перед тем или иным человеком, то оно возникает чисто автоматически. Как можно заключить из уже сказанного, последующее пробуждение сознания в кама-локе зависит прежде всего от свойств и качеств тех принципов, которые оставляют умирающее тело, находящееся в бессознательном состоянии. Это пробуждение может быть относительно полным, но только при условиях, которые никак нельзя назвать желательными; или же оно может вообще не наступить, по причине быстрого перехода в ведущее к дэвакхану состояние созревания к новому рождению. Это созревание может длиться очень долго, соразмерно накопленному Эго запасу духовных сил; всё остальное время пребывания человека между физической смертью и следующим рождением приходится, таким образом, на дэвакхан. Разумеется, общая продолжительность периода между смертью и новым рождением в значительной степени варьируется для каждого отдельного человека, но говорят, что перевоплощение ранее, чем по истечении пятнадцати столетий, практически невозможно, в то время как пребывание в дэвакхане, являющееся наградой за весьма богатую карму, может достигать невероятной продолжительности.

Примечания

Комментариев к учению, изложенному в предшествующей главе, я счёл целесообразным перенести в конец следующей, совместив их с комментариями к приводимому в этой главе описанию кама-локи.

ГЛАВА VI. КАМА-ЛОКА

Всё то, что мы уже сказали об участи высших человеческих принципов после смерти, поможет нам проложить путь к пониманию тех обстоятельств, в которых оказываются остальные, низшие принципы человека после того, как истинное Эго переходит либо в состояние дэвакхана, либо в промежуточное бессознательное состояние, предшествующее оному и соответствующее периоду физическому внутриутробного созревания. Та сфера, в которую попадают на время эти оставшиеся принципы, известна оккультной науке под названием *кама-лока*, или сфера желания. Однако это вовсе не означает, что желания в ней достигают какой-то аномальной интенсивности в сравнении с желаниями, испытываемыми человеком в земной жизни; просто в этой сфере ощущение желания, присущее нашей земной жизни, может сохраняться.

Из того, что было сказано о дэвакхане, можно заключить, что значительная часть воспоминаний, накопленных в течение жизни человеческим Эго, по самой природе своей несовместима с чистым субъективным существованием, к которому стремится истинное, неподвластное смерти духовное Эго; однако это не означает, что все воспоминания подобного рода должны непременно исчезнуть в перестать существовать. Они сохраняются в некоторых молекулах более тонких (но не самых тонких) человеческих принципов, покидающих тело в момент смерти. И если в процессе распада принципов то, что обобщённо называют душою, покидает тело, то этот же процесс продолжается и далее, заставляя составные элементы души, в свою очередь, отделяться друг от друга. Та часть пятого принципа (или человеческой души), которая, вследствие своей природы, ассимилируется, или притягивается вышестоящим шестым принципом, духовной душою, переходит, вместе с зачатком этой божественной души, в высшую сферу (или состояние дэвакхана), где почти полностью освобождается ото всех земных привязанностей, — освобождается практически полностью в том, что касается её собственного духовного продвижения, но всё-таки сохраняет некоторую способность реагировать на определённые духовные импульсы, исходящие от Земли, которые она может иногда притягивать к себе. Но животная душа, или четвёртый принцип (вместилище воли и желаний, связанных с объективным существованием), не реагирует на притяжение высшей человеческой природы и потому отдаляется от Земли не более чем частицы тела, коему предназначено истлеть в могиле. Однако местом пребывания этого четвёртого принципа становится вовсе не могила. По своей природе (или привязанностям) он не является духовным принципом, но называть его природу физической тоже нельзя. Он является физическим только по свои наклонностям и привязанностям; отсюда и результат. Он остаётся в сфере физического притяжения Земли, в земной атмосфере, в той или иной конкретной местности; но коль скоро оно не принадлежит к разряду атмосферных газов (о чём нам придётся подробнее рассказать по ходу обсуждения проблемы), то мы говорим, что четвёртый принцип остаётся в кама-локе.

Вместе с четвёртым принципом остаётся значительная часть человеческого существа; и, как это ни печально, данное утверждение справедливо в отношении большой части человечества, хотя вопрос о том, какая именно часть человека остаётся с четвёртым принципом, требует в каждом конкретном случае отдельного ответа, рождая бесконечное множество индивидуальных вариантов. Каждый человек имеет сложную структуру, состоящую из множества качеств, таких, как чувства (зачастую весьма страстные), стремления, поступки и океаны воспоминаний; и хотя эти качества могут быть связаны с благородными целями и возвышенными устремлениями, по сути своей они всё равно принадлежат к физической жизни. Однако они не могут исчезнуть в одночасье. Они соединяются с четвёртым принципом, имеющим исключительно земную, смертную природу, и остаются вместе с ним, чтобы с течением времени рассеяться, или раствориться, или быть поглощёнными соответствующими вселенскими принципами, имеющими однородную с ними субстанцию. Точно так же и тело поглощается, с течением времени, землёй; и быстрота течения этого процесса зависит от прочности субстанции, из которой это тело состоит. Но где же оказывается сознание индивида, умершего, или разложившегося? Безусловно, в дэвакхане. Однако читателя, мало сведущего в оккультной науке, может поставить в тупик тот факт, что в астральной составляющей человека, оставляющей в кама-локе, — в его четвёртом принципе, вобравшем в себя часть пятого, — также присутствует некое подобие сознания. Говорят, что индивидуальное сознание не может пребывать в двух местах одновременно. Но на это мы можем сказать, что до некоторой степени подобное всё-таки возможно. Впрочем, как вскорости будет показано, было бы неправильно говорить о сознании в привычном нам смысле этого понятия, применительно к астральной оболочке, или астральным останкам. Речь может идти только о некоторых проявлениях псевдосознания, которое пробуждается иногда в оболочке, не будучи никоим образом связанным с подлинным сознанием, продолжающим накапливать силу и жизненную энергию в духовной сфере, куда оно перемещается. Оболочка неспособна усваивать и воспринимать новые идеи и тем более разрабатывать на основании этих идей какую бы то ни было программу конкретных действий. Но в астральной оболочке временами сохраняются волевые импульсы, воспринятые ею при жизни. Четвёртый принцип служит инструментом воли, хотя и не вместилищем её; поэтому импульсы, полученные им в объективном существовании от высших принципов, могут продолжать действовать и производить результаты, практически неотличимые для неподготовленного наблюдателя от тех, которые достигаются человеком при жизни благодаря влиянию совокупно действующих четырёх высших принципов.

На протяжении физической жизни четвёртый принцип служит проводником смертного, по своей сути, сознания, не отвечающего условиям перманентного существования; но даже сознание низших принципов, проявляющееся *в течение жизни*, заметно отличается от смутного, нестабильного и неконкретного сознания, сохраняющегося в этих принципах после физической смерти, когда то, что в действительности является жизнью, — направляющее и активи-

зирующее их влияние духа, — перестаёт на них воздействовать. Человеческий язык не в силах раскрыть сразу все аспекты этой многогранной идеи, чтобы единовременно сделать их понятными и доступными человеческому разуму. Точно так же невозможно отразить в плоском рисунке сразу все грани сложного объёмного объекта. А если сделать несколько зарисовок, изображающих этот объект с разных сторон, то они могут показаться, на первый взгляд, такими разными, что едва ли кто-то согласится с тем, что на них изображено одно и то же. И всё-таки, если совместить в своём воображении все ракурсы, то кажущиеся различия сольются со временем в единую гармоничную картину. Поэтому ни один трактат не сможет рассмотреть тонкие качества невидимых человеческих принципов иначе как по частям, в их различных аспектах. И всё же желательно, чтобы эти аспекты соединились в воображении читателя, создав завершённую концепцию, соответствующую подлинным реалиям природы.

При жизни четвёртый принцип является вместилищем воли и желания, но не самой волей. Он должен оживляться осеняющим его духом, или «единой жизнью», находиться в единстве с ним, дабы служить проводником этой возвышенной жизненной функции — воли в одном из самых высоких её проявлений. Как мы уже говорили, санскритские названия высших принципов подспудно внушают мысль о том, что эти принципы являются проводниками единой жизни. Причём эта единая жизнь отражена в них не в виде некоего отделимого молекулярного принципа, но как единение всего сущего под влиянием духа. Впрочем, эта идея слишком сложна для нашего языка, а возможно, и для интеллектуального понимания. Но в данном случае её присутствие вполне очевидно. Какие бы желания ни проявлял четвёртый принцип при жизни, после физической смерти он уже не способен к активной волевой деятельности. И всё же при некоторых необычных обстоятельствах он может, частично и на время, возвращаться к жизни. Данный факт способен объяснить многие, но ни в коем случае не все, феномены спиритуалистического медиумизма. Следует помнить, что «элементарий» (как обычно называли в прежних оккультных сочинениях астральную оболочку), подвергнутый временной гальванизации[59] медиумического потока, входит в состояние сознания и жизни, напоминающее первое пробуждение человека, которого внесли в незнакомую комнату, больного и бесчувственного. Он ещё очень слаб, его мысли путаются, он обводит всё вокруг непонимающим взглядом, силясь осознать, что с ним происходит, вслушивается в слова, которые ему говорят, и даже пытается что-то отвечать. Такое состояние сознания не принимает в расчёт ни настоящее, ни будущее. Это автоматическое сознание, заимствованное у медиума. Необходимо также помнить, что медиум является человеком, чьи принципы недостаточно крепко связаны между собою и потому могут быть на время заимствованы другими сущностями или блуждающими в пространстве принципами, притягивающими некоторые из них, полностью или частично. Что же происходит с астральной оболочкой, когда она оказывается в соседстве с человеком, природа которого устроена подобным образом? Представьте себе человека, который только что освободился от своей земной оболочки, не успев осуществить перед смертью какое-либо желание, очень важное для него. Это желание связано с земною жизнью, что вовсе не означает, что оно обязательно должны быть нечестивым или греховным; допустим, это желание сообщить что-либо кому-то из оставшихся на Земле людей. Разумеется, не следует считать, что оболочка способна перемещаться в кама-локе, движимая разумным, осознанным и устойчивым стремлением осуществить задуманное; просто это последнее желание передаётся, наряду с другими волевыми импульсами, четвёртому принципу, и пока молекулы, составляющие этот принцип, остаются связанными в единый организм (что может продолжаться многие годы после физической смерти), достаточно даже небольшого энергетического заряда, частично возвращающего их к жизни, чтобы приданный им ранее импульс снова начал действовать. И если такая оболочка вступает в контакт с медиумом (не настолько отличным по своей природе от покойного обладателя этой оболочки, чтобы *rapport* между ними оказался невозможен), то некоторая часть пятого принципа медиума может присоединиться к этому блуждающему четвёртому принципу и тем самым пробудить оставшиеся в нём воспоминания о некогда полученных волевых импульсах. Тот минимум сознания и разума, без которого четвёртый принцип не смог бы воспользоваться такими средствами сообщения, как грифельная доска и карандаш или крышка стола, по которой можно стучать, заимствуется у самого медиума; и тогда передаваемое подобным образом послание может в действительности оказаться тем посланием, которое усопший препоручил перед смертью своему четвёртому принципу, но последний до сих пор был лишён возможности кому бы то ни было его передать. Кто-то, возможно, скажет, что феноменальное появление надписей на занавешенной грифельной доске, равно как и постукивание по столу, к которому явно никто не прикасается ни пальцами, ни какими бы то ни было предметами, уже сами по себе могут быть отнесены к явлениям самого чудесного свойства и потому служат очевидным доказательством того, что производящий их разум обладает знанием природных законом, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Но дело в том, что астральная оболочка сама пребывает в астральном мире, то есть в царстве этих самых сил. И феноменальные проявления для неё — просто естественный образ действий. А о тех силах, которые действуют в более возвышенной в сравнении с нашей сфере существования, позволяя достигать чудесных, с нашей точки зрения, результатов, она знает ничуть не более, чем мы сами знаем о силах, посредством которых наши волевые импульсы передаются при жизни физическим нервам и мускулам.

На это нам, опять-таки, могут возразить, что во время спиритических сеансов «сообщающийся разум» нередко производит свои феномены исключительно ради самих феноменов, то есть с целью продемонстрировать свою власть над неведомыми нам силами природы. И тут мы должны напомнить читателю, что оккультная наука весьма далека от того, чтобы утверждать, будто все без исключения феномены спиритуализма связаны с источниками одной и той же категории. В этой книге мы до сих пор ещё почти ничего не сказали об «элементалах» — этих полуразумных порождениях астрального света[60], принадлежащих к совершенно иному царству природы, нежели мы. Добавим также, что в настоящее время мы не имеем возможности подробно останавливаться на освещении этой темы, по той простой и оче-

59 *Гальванизация* — воздействие постоянным электрическим током.

видной причине, что адепты оккультизма настроены решительно против распространения углублённых и систематизированных данных об элементалах и о том, как они действуют. Владеть такого рода знаниями — значит обладать сверхфизической силой, из чего и проистекает та атмосфера величайшей секретности, которую оккультная наука окружает эту область знаний. Обретение сверхфизических сил людьми, которые не прошли всех испытаний посвящения и не подтвердили свою нравственную надёжность, может быть крайне опасным. Именно благодаря управлению элементалами адепты совершают некоторые свои наиболее впечатляющие физические чудеса. И наиболее выдающиеся физические феномены, наблюдаемые в ходе спиритических сеансов, также представляют собой результаты спонтанной игры элементалов. То же самое можно сказать практически обо всех индийских факирах и йогах низшего разряда, способных совершать феноменальные явления. Тем или иным образом, вероятнее всего, благодаря переданным им по наследству разрозненным обрывкам оккультных учений, они овладевают некоторой, как правило, небольшой, толикой оккультной науки. При этом им даже не обязательно понимать природу тех сил, которые они используют, так же как индийскому слуге, которого взяли работать на телеграф и научили, в каких пропорциях ему следует смешивать жидкости для гальванической батареи, совсем не обязательно приобретать научные знания и о природе электричества. Вполне может статься, что это вообще единственный трюк, которому он обучен; и то же самое можно сказать о малообразованном йоге. Он может подчинять своему влиянию определённых элементалов и с их помощью производить чудеса какого-либо определённого типа.

Возвращаясь к рассмотрению оставляемых людьми в кама-локе оболочек, можно заметить, что их поведение во время спиритических сеансов не может быть в полной мере объяснено теорией, согласно которой они стремятся передать на Землю то или иное послание, оставленное их прежними хозяевами, и пользуются для этого услугами первого попавшегося медиума, подходящего для данной цели. Даже если оставить в стороне все феномены, которые можно отнести на счёт проделок элементалов, ты мы будем вынуждены признать, что сталкиваемся иногда с проявлениями со стороны элементариев, или оболочек, настолько целостного и последовательного интеллекта, что объяснить их одним лишь сохранением импульсов, оставшихся от прошлой жизни, никак не представляется возможным. Так оно и есть. Но, в сочетании с заимствованной у медиума частью пятого принципа, четвёртый принцип снова становится послушным орудием в руках хозяина. Когда медиум погружен в транс, довольно значительная часть энергии его пятого принципа способна присоединиться к блуждающей оболочке, и в результате достигается эффект весьма интенсивного проявления сознания через эту оболочку. Однако это временное явление, длящееся до тех пор, пока не прервётся контакт между принципами. Какова же природа возникающего таким образом сознания? Её можно сравнить с отражённым светом, и не более того. Память — это одно, а способность к восприятию — совсем другое. Умалишённый тоже может отчётливо помнить многие эпизоды своей текущей жизни; но он не способен воспринимать что-либо в истинном свете, потому что возвышенная часть его Манаса (пятого принципа) и его Буддхи (шестой принцип) парализованы, то есть не действуют в нём. Если бы животное (например, собака) могло описать свои переживания, мы убедились бы в том, что его память (применительно к его животной, например, собачьей личности) действует так же цепко, как и память его хозяина; тем не менее собачью память и инстинкты никак нельзя назвать восприятием.

Как только оболочка попадает в ауру медиума, она тут же перенимает, причём довольно точно, всё, что только может почерпнуть из заимствованных у медиума принципов, и воспринять через его органы, пребывающие в магнетической связи с нею. Но она не имеет возможности выйти за пределы восприятий того же медиума или какой-то иной персоны, входящей в спиритический круг. Отсюда те рациональные и порою весьма глубокомысленные ответы, которые можно от неё услышать, а также неизменная неосведомлённость относительно всего того, чего не знают медиум или участники спиритического круга и чего не содержит в себе низшая, земная память отринувшей эту оболочку человеческой личности, частично реанимированной теми влияниями, в сфере деятельности которых она оказалась. Астральная оболочка высокоинтеллектуального, но полностью бездуховного человека, умершего естественной смертью, может просуществовать дольше, нежели элементарии людей с более слабым темпераментом, и даже произносить устами погруженных в транс ораторов (но не без помощи остатков своей собственной памяти) совсем недурные, по форме и содержанию, речи. Но в этих своих речах оболочка никогда не выйдет за рамки вопросов, над которыми ей приходилось напряжённо и углублённо размышлять в течение жизни. От ней также не удастся услышать ни единого слова, которое указывало бы на несомненное продвижение в её познаниях по сравнению со знаниями умершей личности.

Несложно заметить, что астральная оболочка, попавшая в медиумический поток и вступившая в контакт (*rapport*) с пятым принципом медиума, едва ли может рассчитывать на то, что её будет оживлять сознание (если это можно назвать сознанием), идентичное сознанию умершей личности, с высшими принципами которой она некогда была связана. Зато более чем вероятно, что ей придётся отражать какую-то совершенно иную личность, характеристики которой, по крайней мере, некоторые из них, внушаются ей разумом медиума. Вероятнее всего, что именно эта личность и будет преимущественно проявляться в ответах на вопросы, задаваемые оболочке в самом начале *контакта*. Но затем в нестабильном и автоматическом восприятии элементария эхом отражается поток мыслей, рождённый разумом ещё кого-то из присутствующих, и его ощущение идентичности начинает колебаться. Некоторое время оно растерянно мечется между двумя или тремя предложенными вариантами, а затем и вовсе пропадает на некоторое время. Оболочка снова засыпает в волнах астрального света, но уже через несколько мгновений может быть опять неосознанно привлечена к решению каких-то иных земных проблем.

60 *Астральный свет* — в оккультизме невидимая сфера, окружающая планету, второй космический принцип, соответствующий линга шарире (астральному двойнику) в человеке.

Помимо уже описанных обычных элементариев, или оболочек, в кама-локе обитают ещё и астральные существа иного рода, о которых должно быть сказано несколько слов, если мы хотим представить себе всё многообразие состояний, через которые человек может пройти в промежутке между двумя физическими жизнями. До сих пор мы рассматривали нормальный ход событий, когда человек умирает своей естественной смертью. Однако аномальная смерть влечёт за собою и аномальные последствия. Так, в случае с самоубийцами и с людьми, преждевременно умершими в результате несчастных случаев, развитие событий заметно несчастных случаев, развитие событий заметно отличается от последствий естественной кончины. Поразмыслив надлежащим образом над этими случаями, можно прийти к выводу, что в мире, управляемом строгими и неукоснительными законами и природными процессами, поддерживающими непрерывность цепи родственных друг другу по духу причин и следствий, судьба личности, умирающей скоропостижной смертью в то время, когда все её принципы прочно соединены друг с другом и могут продолжать эффективно взаимодействовать ещё двадцать, сорок или даже шестьдесят лет, в зависимости от оставшегося срока её естественной жизни, необходимо должна отличаться от обычного эволюционного продвижения человека, дожившего до естественной стадии разрушения, когда сцепление между принципами начинает ослабевать, и ко времени остановки жизненного механизма каждый из них уже готов направиться далее своим собственным путем. Природа, всегда щедрая на аналогии, красноречиво иллюстрирует эту идею на примере зрелого и незрелого плода. Если из первого косточка извлекается так же легко, как рука вынимается из перчатки, то из второго, незрелого, косточку можно выцарапать лишь с трудом, и так же непросто очистить её затем от налипшей мякоти плода. Точно так же и в случае преждевременной смерти или самоубийства: косточку приходится извлекать из недозревшего плода. Мы не будем пока рассуждать о моральной ответственности, которую человек несёт за акт самоубийства. Вполне возможно, что в большинстве случаев эта моральная ответственность действительно имеет место, однако это уже сфера деятельности кармы, сопровождающей свой объект (человека), как и положено всякой карме, в его следующее воплощение, но никак не связанной с теми сиюминутными трудностями, через которые приходится пройти преждевременно умершему, чтобы стать полностью и по-настоящему мёртвым. Эти трудности, по сути своей, одинаковы как для самоубийцы, так и для человека, погибшего во время героического исполнения своего долга, и для жертвы несчастного случая, совершенно не причастной к столь трагической для себя участи и даже не помышлявшей о ней.

Когда человек умирает, карма, в подавляющем большинстве случаев, естественным образом прекращает составление своих счетов, или, иными словами, сложный набор наклонностей и привязанностей, накопленный в течение жизни в самом первом из непреходящих человеческих принципов (то есть в пятом), не может более пополняться. А подведение баланса откладывается, так сказать, до будущих времён, когда наступает следующее воплощение в объективном мире. Мы можем сказать также, что человеческие наклонности, долгое время дремавшие в дэвакхане по причине отсутствия в этом состоянии подходящей для них сферы деятельности, вновь начинают проявляться, как только приходят в контакт с физическим существованием. Но в случае преждевременной смерти пятый принцип, играющий роль вместилища этих наклонностей, не может отделиться от земного принципа — четвёртого. И потому элементарий, насильственно выброшенный из тела и оказавшийся в кама-локе, является уже не обыкновенной оболочкой, но самою личностью, которая недавно была живой и если и лишилась чего-то, то только физического тела. Её даже нельзя назвать мёртвой в полном смысле этого слова.

Разумеется, элементарии подобного рода могут вполне осмысленно общаться с участниками спиритических сеансов, хотя и не без ущерба для себя самих, поскольку они, к сожалению, сохраняют способность создавать новую карму благодаря целостности своей астральной структуры и утоляют свою жажду жизни из нездорового медиумического источника. И если при жизни эти элементарии были личностями откровенно чувственными и приземлёнными, то они и после физической смерти будут стремиться к удовольствиям подобного сорта, потворство которым может иметь в их нынешнем развоплощённом состоянии даже более прискорбные последствия для их персональной кармы, нежели в то время, когда они искали тех же самых удовольствий, будучи живыми, земными людьми. В таких случаях *facilis est descensus*[61]. Будучи вырванными из жизни на самом пике развития своих земных страстей, они стремятся вернуться в привычную обстановку и прельщаются возможностью удовлетворить свои желания с чужой помощью, предоставляемой им медиумами. Они становятся инкубами и суккубами[62] средневековых сочинений — жаждущими и ненасытными демонами подталкивающими свои жертвы к преступлениям. Написанный мною в прошлом году краткий очерк на данную тему, несколько фраз из которого я только что воспроизвёл, был опубликован в журнале «Theosophist», с примечанием, справедливость и правильность которого не вызывает у меня никаких сомнений. Смысл примечания сводится к следующему:

«Разнообразие посмертных состояний человека превосходит (если это вообще возможно) даже разнообразие человеческих жизней на нашей Земле. Жертвам несчастных случаев далеко не всегда приходится потом носиться над Землею. Земная атмосфера притягивает только тех, кто умер, отягощённый земными страстями, — *эгоистичных* людей, даже не помышлявших на протяжении своей жизни о благе других. Застигнутые смертью в самом расцвете (реальном или кажущемся) той или иной доминирующей страсти своей жизни, но так и не успевшие удовлетворить свои желания, такие личности не в силах преодолеть земное притяжение и никак не могут дождаться часа своего освобождения, которое подарило бы им счастливые неведение и полное забвение, потому что, даже достигнув исполнения желаний,

61 *Facilis est descensus* (лат.). — «Лёгкий путь ведёт под гору»; смысл этого изречения полностью аналогичен евангельскому «широки врата и пространен путь, ведущие в погибель» (Евангелие от Матфея: 7, 13) .

62 *Инкубы и суккубы* — элементалы мужского и женского рода; привидения средневековой демонологии, вызванные из невидимых сфер человеческой страстью и вожделением. Фактически являются бесформенными центрами жизни, лишёнными чувств. В Индии их называют «пишачи».

они начинают хотеть большего. Те из самоубийц, о которых мы говорили выше как об элементариях, подталкивающих свои жертвы к преступлениям, составляют особую категорию покончивших с собою из страха перед человеческим судом за совершённые ими злодеяния или из-за угрызений собственной совести. Нельзя безнаказанно нарушать закон природы. И неумолимая причинная связь между действием и результатом в полной мере проявляется именно в мире следствий, в кама-локе, где за совершенное преступление человек несёт адекватное наказание; и оно может проявляться в тысяче различных форм, для самого поверхностного описания которых потребовалось бы много томов».

Те, кто ожидает «часа своего освобождения, которое подарит им счастливое неведение и полное забвение», это жертвы несчастных случаев, создавшие для себя на Земле преимущественно чистые и возвышенные привязанности. После смерти они так же не подвержены искушениям в форме медиумических потоков, как они были не подтвержены преступным соблазнам во время земной жизни.

Необходимо также сказать несколько слов о встречающихся в кама-локе существах иного типа. Мы уже проследили судьбу высших принципов человека после физической смерти, упомянув об отделении астральной оболочки от непреходящей духовной составляющей и уточнив, что эта непреходящая духовная составляющая может быть по своей природе либо святою, либо сатанинской, чем и определяется её дальнейший переход соответственно либо в дэвакхан, либо в авичи. Мы описали природу отделяющейся элементарной оболочки, способной сохранять некоторое время обманчивое сходство с подлинной личностью. Мы также обратили внимание читателя на исключительные случаи существования в кама-локе настоящих человеческих сущностей, включающих в себя все четыре принципа, и пояснили, что это, как правило, жертвы трагических случайностей и самоубийцы. Но что происходит с личностью, не обладающей ни единым атомом духовности и ни одной духовной наклонностью в своём пятом принципе — ни благою, ни дурною? Очевидно, что в этом случае шестой принцип ничего не сможет притянуть к себе из пятого. Или, иными словами, такая личность теряет свой шестой принцип ещё до наступления физической смерти. Для подобного рода личности кама-лока оказывается сферой не менее закрытой, чем субъективный мир. Кама-лока может быть местом постоянного обитания астральных существ, элементалов; но для человека она может являться только преддверием к переходу в какое-то иное состояние. В воображаемом нами случае человеческая личность подхватывается сразу же после смерти потоком своей будущей судьбы, не имеющим ничего общего ни с атмосферой Земли, ни с дэвакханом, но связанного только с «восьмой сферой», упоминаемой иногда в древних оккультных сочинениях. Вероятно, большинству читателей до сих пор не было понятно, почему мы называем эту сферу «восьмой»; однако теперь, после того как впервые были публично даны объяснения семеричного устройства нашей планетной системы, значения термина становится вполне очевидными. Циклический процесс эволюции проходит через семь сфер, но с нашей Землёю связана ещё одна, восьмая сфера, так как не следует забывать, что наше Земля является поворотной точкой в этой циклической цепи. Таким образом, восьмая сфера — это выпадающий из общего круга тупик, о котором можно с уверенностью сказать, что оттуда не вернулся ещё ни один путник.

Вполне естественно предположить, что единственная связанная с нашей планетной цепью сфера, расположенная ниже нашей на шкале, имеющей дух в вершине, а материю в основании, должна быть не менее доступной нашему физическому зрению и оптическим инструментам, нежели сама Земля; и поскольку предназначение, которое данная сфера выполняет в нашей планетной системе, самым непосредственным образом связано с Землёю, загадка восьмой сферы уже практически не таит в себе ничего загадочного, и даже известно место, где её можно найти на небе. Что же касается условий существования в этой восьмой сфере, то адепты крайне осторожны в своих высказываниях на данную тему, беседуя со своими непосвящёнными учениками. И потому я едва ли смогу в настоящий момент составить обстоятельный рассказ о том, что происходит в этой сфере.

Впрочем, одно заявление на сей счёт уже прозвучало со всею определённостью, а именно, что окончательная и бесповоротная деградация личности, такая, как та, которая приводит её после смерти в восьмую сферу, — явление до крайности редкое. В подавляющем большинстве жизней всегда находится что-нибудь, что может притянуться к высшим принципам, — нечто такое, что способно оправдать очередную перевёрнутую страницу существования и спасти её от полного уничтожения. Здесь необходимо вспомнить, что дэвакханические воспоминания о жизни, какими бы достоверными и яркими они ни были сами по себе, касаются только тех жизненных эпизодов, которые вызывали в человеке ощущение возвышенного, одухотворённого счастья, ибо это единственное, что может осознавать дэвакхан, в время как вся остальная жизнь, с которой человек, находясь в состоянии блаженства, снимает, таким образом, только сливки, тоже может быть восстановлена в памяти, причём во всех подробностях. Такое полное воспоминание достигается только тогда, когда человек оказывается на пороге качественно более возвышенного состояния существования, нежели то, которое известно нам сейчас, — состояния, которое ожидает нас далеко впереди в процессе продвижения по пути эволюционного цикла. Каждая из продолжительной череды жизней, которые предстоит прожить человеку, покажется ему тогда отдельной страницей довольно объёмистой книги, к которой он, её владелец, может обратиться в любое время по своему усмотрению. Правда, многие её страницы он наверняка сочтёт чересчур скучным чтивом и не пожелает слишком часто к ним обращаться. Именно это оживление в памяти биографии своих собственных, давно забытых личностей составляет подлинную суть учения о Воскресении. Однако в данный момент у нас нет времени на то, чтобы, прервав начатое изложение, переключаться на изучение символики, сопряжённой с теми учениями, которые мы пытаемся довести до сведения читателя. Возможно, будет целесообразным посвятить этой теме впоследствии отдельное исследование. А пока, возвращаясь к перечислению известных нам фактов, мы можем пояснить, что во всей многостраничной книге воспоминаний её достигший «воскресения» владелец не найдёт ни одной целиком и полностью бесславной и постыдной страницы. Ибо если даже его духовная индивидуальность оживляла время от времени, в

процессе прохождения через наш мир, какую-нибудь настолько гнусную и безнадёжно деградировавшую личность, что её целиком пришлось оставить в водовороте низших принципов, сама духовная индивидуальность не переняла от этой личности ни единой привычки и ни единого признака. Такие страницы окажутся аккуратно вырванными из книги, не оставив в ней никакого следа. Когда по окончании борьбы духовная индивидуальность выходит, наконец, за пределы кама-локи, она попадает в бессознательное состояние созревания зародыша, из которого, минуя дэвакхан, перемещается непосредственно (но по прошествии некоторого времени) в очередное состояние объективной активности. При этом всё самосознание деградировавшей личности остаётся в низшем мире, где оно, в конечном счёте, обречено на «вечную погибель» — одно из многих определений, безнадёжно испорченных унаследовавшей их, но не сумевшей сохранить теологией, которая нередко извращает психо-научные факты до полного абсурда.

Примечания

Ни один раздел данной книги не требует, по моему мнению, такого подробного рассмотрения и обстоятельных комментариев, как две предыдущие главы. Наши учителя на первых порах не очень много рассказывали о существовании в кама-локе и в высшей сфере, или состоянии дэвакхана, для которого кама-лока является лишь преддверием; и я полагаю, что они делали это намеренно, чтобы передать для начала общие представления обо всём процессе эволюции. Духовное состояние, следующее непосредственно за нашей нынешней, физической жизнью, связано с царством природы, изучение которого вызывает прямо-таки нездоровый интерес у каждого, кто однажды осознает, что между этим царством и нашим миром возможны контакты и даже некоторые эксперименты с участием его обитателей. Нам уже известно кое-что о феноменах того состояния существования, в которое человеческое существо переходит после смерти тела. Опыты спиритуалистов предоставляют нам настоящее изобилие фактов, на основании которых можно строить некоторые выводы. Однако большинство выводов и теоретических умозаключений, извлекаемых из накопленной информации о кама-локе, балансирует на пределе человеческого воображения; и ничто, кроме логичного и последовательного эзотерического учения, рассматриваемого во всей его полноте, не в состоянии упорядочить мысли занимающихся изучением фактов спиритуализма и уберечь их от умозаключений, которые это учение считает изначально ошибочными. Поэтому ученикам-теософам едва ли следует сожалеть о том, что их постепенное приобщение к духовной науке осуществляется так, что вопросы, касающиеся состояния существования, непосредственно следующего за физическим, долгое время остаются за пределами сферы их внимания. Трудно переоценить интеллектуальные преимущества, получаемые от изучения всей многоплановой картины природы и всех её великих царств, через которые способно проникнуть только совершенное ясновидение адепта, если это изучение предшествует подробному и обстоятельному ознакомлению с той духовной авансценой, которую частично может разглядеть даже менее могущественное зрение, а разум человеческий склонен принимать за *альфу и омегу* своего будущего существования.

Однако теперь у нас есть, наконец, возможность рассмотреть процессы, происходящие с человеком сразу же после смерти, более подробно, чем это было сделано в предшествующей главе. Мы также можем позволить себе более подробное описание борьбы, происходящей в кама-локе между высшей и низшей человеческой дуадой. Эта борьба представляется довольно продолжительной и разнообразной и, вопреки первому впечатление, по которому она представляется некой автоматической и бессознательной активизацией накопленных в течение жизни наклонностей или сил, уже в момент смерти готовых уверенно решить будущую судьбу духовной монады, составляет лишь одну из фаз существования, которое может (и в подавляющем большинстве случаев наверняка должно) длиться многие годы. Во время этой фазы существования развоплощённая человеческая сущность вполне может являться живущим на Земле людям через посредство спиритического медиумизма, позволившего накопить массу примеров такого общения с развоплощёнными существами, но так и не сумевшего убедительно и последовательно описать их природу.

Повторим ещё раз, что нам не следует слишком торопиться, представляя себе процесс борьбы и эволюции души в кама-локе в точности таким, каким его изначально рисует наше воображение, опирающееся на идеи и закономерности физического мира. Во-первых, мы должны остерегаться чересчур приземлённых и материалистичных представлений об этой борьбе, заставляющих нас видеть в ней не более чем механическое разделение принципов. Подобное механическое отделение *может* иметь место только в том случае, когда от низших принципов избавляется сознание Эго, уже сделавшее свой уверенный выбор в пользу духовности. При этом душа автоматически отделяется от тела сразу же после смерти, и некоторые ясновидящие высокого порядка могут даже видеть, как такая душа (вероятнее всего, в сочетании с промежуточными принципами) покидают своё ставшее ненужным облачение. Аналогичный процесс может впоследствии иметь место также и в кама-локе, где происходит освобождение Эго от материи астральных принципов. Однако, прежде чем более детально рассматривать этот процесс, следует предостеречь читателя от возможного отождествления борьбы в кама-локе с очередным механическим разделением принципов, или второй смертью, только теперь уже на астральном уровне.

На самом деле борьба в кама-локе составляет содержание жизни человеческой сущности на этой стадии существования. Как было справедливо отмечено в тексте предыдущей главы, эволюция, имеющая место на этой стадии, не связана с ответственным выбором между добром и злом, свойственным физической жизни. Кама-лока является частью великого мира следствий, а не сферой, в которой создаются новые причины (за исключением редких аномальных обстоятельств). Таким образом, пребывающее в кама-локе человеческое существо не является в полной мере ответственным за свои действия: его скорее можно назвать игрушкой своих собственных, приобретённых при жизни, привычек и пристрастий. Однако эти привычки проявляются *постепенно* и так же постепенно истощаются; поэтому на протяже-

нии всего своего пребывания в кама-локе человеческая сущность обладает вполне определённым сознанием того или иного рода. Даже самого поверхностного анализа данного процесса достаточно для того, чтобы понять, что пристрастия, проявляющиеся со всё большей активностью, имеют отношение к *духовным* устремлениям, которые человек испытывал при жизни; а те из них, которые со временем истощаются, связаны с *материальными* вкусами, эмоциями и наклонностями. Следует помнить, что существо, находящееся в кама-локе, движется по направлению к дэвакхану, или, иными словами, постепенно врастает в это состояние; и этот рост сопровождается действиями и противодействиями, приливами и отливами, как и практически любой другой природный процесс, благодаря особой форме колебаний между двумя противоборствующими центрами притяжения — материей и духов. Так, во время своего пребывания в кама-локе, Эго, так сказать, либо восходит к Небесам, либо возвращается к Земле. Именно эта тенденция ритмического перемещения между двумя полюсами, или противоположными состояниями мышления заставляет человека периодически возвращаться в ту сферу жизни, из которой он только что перешёл в астральный мир.

Страстная привязанность человека к земной жизни рассеивается в кама-локе далеко не сразу. Но следует также помнить, что его влечение к высшим аспектам этой жизни вовсе не рассеивается и не исчезает. Например, в то, что мы назвали здесь земными наклонностями, или пристрастиями, едва ли следует включать чувство любви, относящееся по своим характеристикам преимущественно к состоянию дэвакхана. Однако многие человеческие привязанности могут иметь как духовные, так и земные аспекты; так что воспоминания о них, связываемые с земными условиями и земной обстановкой, зачастую побуждают упомянутое человеческое Эго, ещё не выбравшееся из кама-локи, снова спускаться ближе к Земле.

Само собою разумеется, что общение между человеческими сущностями в кама-локе и их друзьями, оставшимися на Земле, получившее широкое распространение благодаря практике спиритуализма, должно иметь место именно в те периоды существования души, когда её внимание всё ещё сосредоточено на земных воспоминаниях. И из этого факта естественным образом следуют два очень важных умозаключения.

Первое. Пока внимание души сосредоточено на Земле, она повёрнута спиною к духовному развитию, к которому была обращена лицом в период продвижения в противоположном направлении. Она может хорошо помнить о духовных устремлениях своей физической жизни и даже упоминать о них в разговоре, но её новый духовный опыт таков, что его вряд ли возможно перевести на язык обычного физического интеллекта; и кроме того, сама душа не может освоить в полной мере свои новые способности, пока в ней доминируют старые, земные воспоминания. Это её состояние можно уподобить, хотя и весьма приблизительно, положению бедного эмигранта, достигшего процветания в чужой стране, где он получил образование и благополучно занимается общественной деятельностью, изобретательством, филантропией и так далее. Он может поддерживать связь с оставшимися дома родственниками через письма, но в процессе их написания часто будет ловить себя на том, что ему трудно объяснить своим домашним, какие его теперь занимают мысли и какие волнуют проблемы. Данная иллюстрация подойдёт к описываемой нами ситуации только в том случае, если мы представим себе нашего эмигранта субъектом психологического закона, заставляющего его набрасывать на собственное мировосприятие некое подобие завесы всякий раз, когда он садится за написание писем своим бывшим друзьям, поскольку при этом ему приходится временно возвращаться в своё прежнее умственное состояние. Однако с течением времени ему будет всё труднее писать на прежние темы, и не только потому, что его повседневная ментальная деятельность намного превзойдёт тот уровень, который присущ его друзьям и ему самому до эмиграции, но и потому ещё, что он в значительной мере позабудет свои прежние интересы. Его письма будут всё сильнее удивлять их получателей, которые будут говорить сами себе, что их автор, безусловно, тот самый человек, которого они когда-то знали, только он стал заметно более нудным и здорово поглупел в сравнении с тем, каким он был раньше, до отъезда за границу.

Второе. Необходимо иметь в виду, что хорошо известный закон психологии, согласно которому способности совершенствуются вследствие частого практического применения и атрофируются при длительном бездействии, так же актуален на астральном плане, как и на физическом. Если в кама-локе душа приобретает привычку оглядываться на прожитую жизнь и постоянно вспоминать о ней, она тем самым поощряет и усиливает тенденции, ведущие войну с её возвышенными импульсами. И чем чаще к ней взывают, пусть даже из чувства привязанности, оставшиеся на Земле друзья, умоляя её проявиться при помощи медиумистики на физическом уровне, тем более мощными становятся импульсы, отбрасывающие душу назад, к физическому миру, и тем заметнее отставание её духовного развития. Эти соображения представляют собою важнейший мотив, побуждающий последователей теософского учения критиковать и порицать всякие попытки установления контактов с душами усопших посредством спиритических сеансов. Чем искреннее такое общение, тем больше оно приносит вреда участвующим в нём обитателям кама-локи. Правда, при нашем нынешнем уровне развития оккультных знаний трудно с уверенностью определить степень наносимого им таким образом ущерба. Поэтому мы можем впасть в соблазн, воображая, будто в некоторых случаях глубочайшее моральное удовлетворение, получаемое земными участниками диалога, может перевешивать тот вред, который, вероятно, будет причинён душе умершего. Однако это удовлетворение живых может объясняться только их полной неосведомлённостью относительно условий, при которых происходит подобного рода общение. Поначалу, то есть вскоре после смерти, всё ещё живые и яркие воспоминания о земной жизни действительно могут позволить попавшему в кама-локу человеческому существу проявляться в форме, очень похожей на его недавно умершую земную личность; но с момента смерти для человека начинается новый виток эволюционного процесса. И потому, проявляясь на физическом плане, он ежу не сможет добавить ни одной свежей мысли к тем, которые его разум породил при жизни. Он уже не сможет стать ни мудрее, ни совершеннее, чем был перед смертью. Напротив, с течением времени он будет казаться своим земным дру-

зьям всё менее разумным и всё хуже осведомлённым. Общаясь с теми, кого он оставил на Земле, он так и не сможет добиться от них правильного понимания того, что с ним на самом деле происходит, и это непонимание будет становиться со временем всё более очевидным и тягостным.

Мы можем также привести ещё одно соображение, выставляющее в весьма нелестном свете предполагаемую разумность и благонамеренность удовлетворения своего эгоистического интереса к общению с умершими друзьями. Нам могут сказать: это неважно, что давно умерший друг постепенно теряет интерес к Земле, которую он покинул; пока от его (или её) прежней личности остаётся хоть что-нибудь, способное проявляться на Земле, с ним (или с ней) всегда будет приятно пообщаться. И ещё: если тот, кого мы любили, отложит ненадолго своё продвижение к Небесам ради разговора с нами, мы уверены, что он будет даже готов пойти ради нас на эту маленькую жертву. Однако при этом совершенно упускается из виду, что приобретение дурных привычек на астральном уровне — такая же незамысловатая вещь, как и на уровне физическом. Однажды утолив в кама-локе свою жажду земного общения из колодца медиумизма, душа приобретает сильнейший импульс, снова и снова возвращающий её к этому пагубному занятию. И то, что своим стремлением к спиритическому общению мы отвлекаем внимание души от её наиглавнейшего занятия, — далеко не единственный ущерб, наносимый медиумизмом. Спиритизм способен причинить ей куда более серьёзный и даже непоправимый вред. Я не утверждаю, что так происходит всегда или что подобный исход надлежит признать закономерным, однако непредвзятое рассмотрение этической стороны проблемы заставляет нас признать, что вышеописанная медиумическая практика таит в себе немало опасностей. Но, с другой стороны, совершенно очевидно, что в некоторых случаях стремление к спиритическому общению может исходить преимущественно из астрального, а не из физического мира. Так бывает в тех случаях, когда развоплощённая душа, отягощённая каким-либо неудовлетворённым желанием (обычно какой-нибудь важной обязанностью, которую она не успела или не потрудилась выполнить на Земле), начинает изыскивать пути для его осуществления. И отношение к этому желанию усопшего со стороны его оставшихся на Земле друзей способно возыметь эффект, совершенно обратный пробуждению в человеческом существе, пребывающем в кама-локе, уже уснувшего было интереса к прежним земным делам. В таких случаях оставшиеся на Земле друзья могут, согласившись на спиритическое общение с душою усопшего, косвенно способствовать облегчению духовного развития последней. Однако и здесь приходится быть осторожными и помнить о возможной обманчивости астральных явлений. Желание, изъявляемое обитателем кама-локи, далеко не всегда отражает именно те идеи, которые беспокоят в настоящий момент его разум. Вполне может быть так, что это — просто эхо прежнего, возможно, очень-очень старого желания, которое только сейчас смогло, наконец, вырваться наружу. Таким образом, хотя вразумительно изложенные пожелания человеческого существа, лишь недавно переместившегося в кама-локу, вполне могут заслуживать серьёзного к себе отношения, к пожеланиям, исходящим от тени уже давно умершего человека, поведение которого в этой астральной форме заставляет, к тому же, усомниться в том, что он всё ещё сохраняет более или менее целостное сознание своей прежней личности, следует подходить с величайшей осторожностью.

Уверен, что перечисление всех этих фактов и возможностей кама-локи поможет теософам дать удовлетворительное объяснение многим спиритуалистическим феноменам и фактам, освещённым в первом изложении эзотерической доктрины весьма поверхностно и немногословно.

Вполне логично звучит утверждение, что по мере происходящего в кама-локе постепенного очищения души от привязанностей, замедляющих её продвижение к дэвакхану, её земные аспекты всё заметнее слабеют и разрушаются; поэтому в кама-локе должно находиться множество человеческих существ, почти готовых к полному и окончательному погружению в дэвакхан, и эти существа неизбежно должны являть земному наблюдателю картину крайней материальной (или астральной) дряхлости. С течением времени они или, вернее, их низшие астральные принципы погружаются в состояние, превращающее их в смутно очерченные и невразумительные образы, которые, следуя примеру прежних оккультных авторов, я называю в тексте этой главы «оболочками». Однако это, пожалуй, не самое удачное название. Возможно, было бы правильнее обратиться к другому примеру и называть их «тенями». Но главное, чтобы читатель понимал, что в обоих случаях речь идёт об одном и том же состоянии. Всё яркое и живое сознание, унаследованное (после смерти) низшими принципами, естественным образом связанными с физической жизнью, уже переместилось в высшие принципы, которые не проявляются во время сеансов. Такой человек уже практически не помнит о том, как он жил на Земле. Его низшие принципы в этом случае могут пробудится только под влиянием медиумического потока, если они в него попадут; но даже тогда они вряд ли будут чем-то большим, нежели просто астральным зеркалом, в котором отражаются мысли медиума или других участников сеанса. Попробуйте представить себе, что краски нарисованной на холсте картины постепенно впитываются внутрь холста, чтобы затем проступить с обратной его стороны во всей своей изначальной яркости. Данный процесс ни в коей мере не уничтожит саму картину, но зато превратит всю картинную галерею, в которой это происходит, в унылую череду бессмысленных, однотонных коричневых полотен. Примерно то же происходит в кама-локе с человеческими существами, которые уже почти готовы полностью сбросить с себя весь тот материал, в котором с самого начала пребывало их астральное сознание, чтобы перейти в абсолютно чистое состояние дэвакхана.

Однако это ещё не полный список причин, убеждающий нас в том, что к исходящим из кама-локи явлениям следует относиться с недоверием. Даже нынешний уровень наших познаний на данную тему позволяет догадываться, что после наступления второй смерти на астральном уровне, окончательно высвобождающей из астрального мира очищенное человеческое Эго, которое переходит затем дальше, в состояние дэвакхана, в кама-локе от него должно остаться нечто, примерно соответствующее мёртвому телу, завещанному им ранее земле, в момент, когда душа прекратила своё физическое существование. В самом деле, в кама-локе остаётся нечто вроде мёртвого астрального тела, и не будет ни-

чего нелогичного в том, если мы присвоим этим астральным останкам эпитет «оболочка». Действительно мёртвая оболочка распадается в кама-локе сравнительно так же быстро, как и действительно мёртвое тело истлевает в земле, подчиняясь закономерным природным процессам. При этом его элементы снова растворяются в общей массе материи, каждый из них возвращается к тому классу материи, к которому он сам принадлежит. Но даже пустая астральная оболочка, полностью покинутая оживлявшим её человеческим Эго, но ещё не растворившаяся, может быть ошибочно принята во время спиритического сеанса за живое существо. На протяжении некоторого времени она остаётся астральным зеркалом, в котором медиум может увидеть отражение своих собственных мыслей; впрочем, когда эти мысли возвращаются к нему, он ни на секунду не сомневается в том, что они исходят из какого-то внешнего источника. В действительности же феномены подобного рода представляют собой не что иное, как оживление астральных трупов. Хотя до тех пор, пока оболочка не распадётся окончательно, между нею и дэвакханическим духом всё равно существует тончайшая связь — примерно примерно такого же рода, как и связь между существом, перешедшим в кама-локу, и оставшимся на земле мёртвым телом в первое время после физической смерти. Эта последняя связь поддерживается благодаря рассеянной и истончённой, но всё-таки существующей материи бывшего третьего принципа, или *лингашарира*; и я уверен, что изучение этого аспекта рассматриваемой проблемы позволит нам обрести гораздо лучшее, в сравнении с нынешним, понимание тех условий, при которых происходят некоторые материализации во время спиритических сеансов. Однако, дабы не задерживаться сейчас на рассмотрении этого вопроса, ограничимся тем, что скажем, что природу аналогичной связи, существующей между дэвакханической сущностью и оставленной ею в кама-локе пустой оболочкой, помогает осознать аналогия, представляющая эту связь (на всём протяжении её существования) как ещё не до конца сброшенную обузу для высшего духа и, возможно, как отблески вечерней зари после заката солнца — для оболочки. Безусловно, оставшегося на Земле человека обретённое через ясновидение или каким-то иным способом зрелище такой оболочки некогда близкого ему друга повергло бы в глубокую печаль, которая ещё более усугубилась бы, если бы он, по ошибке, принял эту оболочку за подлинную человеческую сущность.

Благодаря приобретённому более или менее ясному взгляду на кама-локу, мы можем теперь использовать термины, поясняющие её феномены, с гораздо большей точностью, чем это было до сих пор. Полагаю, что если мы возьмём на вооружение новый термин — «астральная душа» — применительно к существам из кама-локи, недавно завершившим свою земную жизнь или же в силу каких-то иных причин сохраняющим (даже в том своём аспекте, в котором они обращены спиною к Земле) значительную долю всех интеллектуальных признаков, которые были свойственны им в земной жизни, то сможем использовать прочие термины с аналогичным значением, также вошедшие в обиход, для передачи различных смысловых оттенков. Кроме того, мы сможем полностью избавиться от слова «элементарий», которое часто путают с «элементалом» и которое, к тому же, абсолютно не соответствует природе обозначаемых им существ. Я мог бы также предложить называть астральную душу, погружающуюся в состояние интеллектуальной дряхлости (если смотреть на неё с нашей стороны), словом «тень», а термин «оболочка» оставить для подлинных оболочек, или мёртвых астральных тел, окончательно покинутых дэвакханическим *духом*.

Изучение духовного роста в кама-локе естественным образом подводит нас к вопросу о том, как много может пройти времени, прежде чем переход сознания из низших принципов астральной души в высшие можно будет считать завершённым. Но, когда мы доходим в своих рассуждениях о высших природных процессах до конкретных цифр, нам едва ли следует рассчитывать на однозначный ответ. Мне известно только, что, по утверждению эзотерических учителей Востока, астральные сущности обычных людей, — коих мы могли бы назвать, в духовном смысле, многочисленным средним классом человечества, — редко проявляются в кама-локе дольше двадцати пяти-тридцати лет. Однако эти приблизительные рамки могут быть существенно раздвинуты как в одну, так и в другую сторону. То есть какой-нибудь подлый и отягощённый винными парами человек может задержаться в кама-локе намного дольше, по причине крайне слабого развития высших принципов, совершенно неспособных вместить в себя его сознание; или, с другой стороны, душа в высшей степени интеллектуального и умственно активного человека может задержаться в кама-локе опять-таки очень надолго (при отсутствии в его ментальной силе духовных наклонностей), вследствие необыкновенной живучести сил и причин, созданных им на вышестоящем уровне следствий. Но умственную активность крайне сложно отделить от духовности; подобное возможно только в том случае, когда разум был сосредоточен исключительно на мирских амбициях. Опять же, если период пребывания в кама-локе может быть, по той или иной причине, увеличен по сравнению с обычной продолжительностью, то он может быть и сжат до самого краткого мгновения, если духовность человека, который дожил до старости и умер в преклонные лета, добросовестно исполнив предназначение своей жизни, уже достигла к моменту смерти достаточно высокого уровня развития.

Говоря о проявлениях, проникающих в наш мир по обычным каналам связи с кама-локой, необходимо упомянуть ещё один вариант такого рода проникновения, который, в силу самой природы своей, должен быть явлением достаточно редким. Едва ли кто-нибудь из учеников, сравнительно недавно приступивших к изучению теософии, может похвастать тем, что многое знает об условиях существования адептов, отказавшихся от использования своих физических тел на Земле. Открывающиеся перед ними при этом экстраординарные способности безоговорочно превосходят, как мне кажется, рядовое человеческое понимание. Нет на Земле человека, настолько проницательного, чтобы ему было по силам, опираясь исключительно на возможности своего земного ума, взращенного физическим мозгом, постичь суть нирваны. Но можно заметить, что адепты выбирают в некоторых случаях своего рода средний путь, лежащий между земными перевоплощениями и переходом в нирвану и в высшие сферы дэвакхана. Иными словами, из дэвакханического состояния *арупа* человеческая эволюция может постепенно продвинуться в сторону иного возвышенного состояния, доступного адептам. В отличие от обычного дэвакхзанического духа, проходящего через это состояние на пути к

следующему земному воплощению, адепт, став дэвакханическим духом самого возвышенного свойства, не будет лишён возможности, даже оставаясь в дэвакхане, проявлять своё влияние на Земле. Разумеется, это будет *не* то влияние, которое может иметь своим следствием зримое проявление на физическом уровне, доступное восприятию всех и каждого. Однако медиумы самого высокого порядка, коих правильнее было бы назвать провидцами, способны воспринимать его. В мировой истории зафиксировано немало случаев, когда некоторые великие люди оказывались вдохновляемыми духом того или иного Адепта, осознанно или бессознательно.

Процесс распада оболочек в кама-локе логически указывает каждому, кто постарается вникнуть в его суть, на то, что в природе, в каждой сфере её существования, должны иметь место какие-то общие резервуары материи, соответствующие земле и составляющим её элементам, в которых растворяются после смерти наши физические тела. Но великие тайны, в область которых вторгается данное предположение, требует куда более углублённых исследований, нежели все те, которые мы до сих пор имели возможность предпринять. И всё-таки одно общее понятие, связанное с этим аспектом учения, мы без колебаний можем предложить вниманию читателя прямо сейчас. В состоянии кама-локи представлены различные виды материи, соответствующие тем, которые проявлены вокруг нас. Мы не станем слишком глубоко вдаваться в метафизику данного вопроса, пусть даже это могло бы привести нас в конечном счёте к выводу, согласно которому астральная материя не менее реальна и осязаема, нежели та, что способна влиять на наши физические чувства. Пока же достаточно будет сказать, что сходство кама-локи с Землёю, уже ставшее очевидным благодаря накопленному спиритуалистами опыту, объясняется восточным учением о том, что кама-лока пребывает внутри Земли и принадлежит ей так же, как пребывает в живом человеке и принадлежит ему астральная душа. Таким образом, кама-лока или, точнее, именуемое кама-локи великое царство материи, пребывающей в определённом состоянии, доступном для восприятия астральных существ и многих ясновидящих, представляет собою четвёртый принцип Земли точно так же, как *кама-рупа* является четвёртым принципом человека. Ибо Земля имеет семь принципов, как и человеческие существа, населяющие её. Так, состояние дэвакхана соответствует пятому принципу Земли, а нирвана — шестому.

ГЛАВА VII. ПРИЛИВНАЯ ВОЛНА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Мы уже рассказали, в самых общих чертах, о том, как великая эволюционная волна жизни омывает, круг за кругом, семь миров, составляющих планетную цепь, частью которой является наша Земля. Теперь мы можем подробнее проанализировать эту общую идею, дабы у читателя могло сложиться более полное представление о процессах, сопровождающих данное явление. И если мы действительно хотим сделать его более понятным для читателя, то самое лучшее, что мы можем предпринять, это попытаться объяснить суть некоторых сопряжённых с планетной эволюцией феноменов, которые для удобства изложения могут быть названы затемнениями.

Те, кто изучает оккультную философию, приступая к рассмотрению этого вопроса, склонны с самого начала делать не совсем правильные выводы. Сразу всё объяснить невозможно, а самые первые, обобщённые объяснения нередко заставляют наиболее вдумчивых и умственно активных читателей домысливать совершенно неверные подробности. Читатели такого сорта ни минуты не желают мириться с неясностью и обобщённостью изложения, о чём бы ни шла речь. Их воображение стремится заполнить все пропуски, и если дать ему возможность некоторое время трудиться без направляющего вмешательства извне, то впоследствии обладатель этого живого воображения с большим удивлением заметит, что продолжающая поступать к нему информация на ту же самую тему не согласуется с тем, чему его (как ему самому кажется) учили раньше. Автор этого трактата прилагал все усилия к тому, чтобы способ его изложения не допускал поспешного роста сорняков недопонимания в умах читателей. Однако особенности самой доктрины порою требует начинать изучение того или иного вопроса с обобщённого, поверхностного знакомства, оставляющего в стороне детали, нередко довольно важные, дабы они могли быть сформулированы и истолкованы во время повторного, более подробного рассмотрения. Вот и сейчас автор просит читателя восстановить в памяти содержание главы III, где говорится о прохождении волны эволюционного развития через всю планетную цепь.

В этой главе мы уже упоминали о том, что жизненный импульс переходит от одной планеты к другой «рывками, скачкообразно, а не равномерно движущимся потоком». Но непрерывность эволюционного процесса на ранних ступенях допускает, чтобы подготовка к приёму завершающей приливной волны человечества протекала на нескольких планетах одновременно. В самом деле, на определённой стадии приготовительные процессы могут развиваться одновременно на всех семи планетах. Однако очень важно помнить, что основная волна эволюции — передовая нарастающая волна — может находиться единовременно только в одном месте. Теперь мы уже можем подробно рассказать о том, как это происходит. И читатель сможет лучше понять наши объяснения, если представит себе или нарисует на бумаге схему, состоящую из семи последовательно расположенных окружностей, символизирующих миры. Обозначим их соответственно буквами A, B, C и так далее. Несложно заметить, что под буквой D в этом случае будет значиться круг (или планета), символизирующий нашу Землю. Напомним также, что для оккультиста природа делится на семь царств, три из которых, последовательно предшествующие ещё более грубым материальным царствам, связаны с астральными и элементарными силами. Царство 1 развивается на планете A, после чего переходит на планету B, а на планете A в это же время начинает развиваться царство 2 и так далее. Заполните эту схему до конца, и вы увидите, что с началом развития царства 1 на планете G, на планете A появляется седьмое, человеческое царство. Но что же происходит, когда седьмое царство переходит на планету B? Ведь никакого восьмого царства, которое могло бы возникнуть при этом на планете A, не существует! Великий процесс эволюции достиг своей наивысшей точки в завершающей приливной волне — человеческой, которая, продвигаясь далее, оставляет за собою природу в состоянии временной летаргии. То есть, когда жизненная волна человечества перемещается на планету B, планета A погружается на время в состояние затемнения. Это состояние никоим образом не связано с упадком, разложением или чем-то, что позволяло бы характеризовать его как умирание. Упадок, несмотря на обманчивое звучание этого слова, тоже предполагает движение и активную деятельность, только направленные в иную сторону. Это соображение даёт нам ключ к пониманию многих вещей, кажущихся, в отсутствие оного, бессмысленными, и особенно благоприятствует лучшему пониманию той части индусской мифологии, которая повествует о божествах разрушения. Затемнение мира есть полная остановка его активности. Однако это не означает, что в момент, когда тот или иной мир покидает последняя человеческая монада, он сразу же парализуется каким-нибудь катаклизмом или замирает в зачарованном оцепенении, словно дворец спящей красавицы. Животная и растительная жизнь некоторое время продолжает существовать так же, как и прежде, но вместо эволюции начинается процесс упрощения. Великая жизненная волна покидает планету, и животное и растительное царства начинают постепенно возвращаться в то же самое состояние, в котором эта волна впервые их застала. Неспешный процесс погружения затемнённого мира в состояние сна занимает очень много времени, ибо нетрудно догадаться, что затемнение продолжается в каждом случае в шесть раз дольше[63] времени пребывания волны человеческой жизни в каждом из миров. Таким образом, вышеописанное завершение эволюционного процесса на планете A, связанное с перемещением жизненной волны на планету B, последовательно повторяется на протяжении всей цепи. Когда волна переходит на планету C, планета B оказывается в состоянии затемнения наряду с планетой A. И когда жизненную волну принимает планету D, уже три планеты — A, B и C — оказываются затемнёнными. С перемещением волны на планету G затемнены уже все шесть предшествующих миров. А жизненная волна тем временем движется дальше с неукоснительной периодичностью, стабильность которой снискала бы уважение любого учёного ума. Уяснить себе эту идею читателю помогут наши предшествующие объяснения, касающиеся эволюционного продвижения человечества

63 Или же в пять раз, если убрать полпериода утренней зари в начале и полпериода вечерних сумерек в конце каждого дня активной деятельности.

через семь рас, сменяющихся на планете с каждым новым кругом, то есть тогда, когда планету захлёстывает приливная волна жизни. Очевидно, что в этом эволюционном цикле центральное положение занимает четвёртая раса. Но, как только центральная точка будет пройдена и на планете начнётся эволюция пятой расы, к приёму человеческого рода начнёт готовиться следующая планета. Например, эволюция пятой расы на планете E сопутствует эволюция или, вернее, возрождение минерального царства на планете D и так далее. То есть эволюция шестой расы на планете D современна возрождению растительного царства на планете E, а развитие седьмой расы на планете D — возрождению животного царства на планете E. А когда на планете D последние монады седьмой расы переходят в субъективное состояние, или мир следствий, на планете E начинается человеческий период, так как на ней появляется первая человеческая раса. А в мире, предшествующем миру D, тем временем всё более сгущаются сумерки, переходящие, в процессе того же самого поступательного движения, в ночь затемнения; и когда в мире D человеческий период достигает своей центральной отметки, ночь затемнения на предшествующей планете устанавливается окончательно. Но, как бы ни был глубок сон, человек не прекращает дышать, и его сердце продолжает биться; точно так же и в отдыхающем мире, даже в самые тёмные периоды планетной ночи, продолжается жизнедеятельность. Таким образом планета сохраняет до прихода человеческой волны результаты, достигнутые за время предшествующей эволюции. Процесс возрождения пробуждающейся планеты длится заметно дольше, нежели её погружение в состояние покоя, так как ко времени возвращения человеческой волны она должна достичь более высокой степени совершенства, нежели та, которой она обладала на момент предыдущего отступления этой волны от её берегов. Но с каждым возвращением природа обретает новые силы — день начинается свежестью и бодростью утра, и последующей период затемнения, необходимый для подготовки к новому пробуждению и потому несущий с собою новые надежды, придаёт эволюции новый динамический импульс. Так что ко времени возвращения великой жизненной волны всё уже бывает готово к её приёму.

В первом очерке на данную тему мы уже упомянули в общих чертах о том, что различные миры, составляющие нашу планетную цепь, отличаются друг от друга в плане материальности. Представив себе, что дух — это северный полюс окружности, а материя — её южный полюс, мы можем проследить изменения в уровне материальности, равно как и духовности, в мирах как нисходящей, так и восходящей дуги. Теперь мы можем рассмотреть данные изменения более подробно, так как это поможет читателю понять суть эволюционного процесса гораздо лучше, нежели это было возможно до сих пор.

Помимо Земли, расположенный в самой низкой точке, то есть на полюсе материи, только два других мира нашей цепи доступны физическому зрению человека: один, расположенный позади нашей планеты, а другой — впереди неё. Этими мирами являются, по сути дела, Марс и Меркурий: Марс находится позади, а Меркурий — впереди нас; Марс уже пребывает в состоянии полного затемнения (в том, что касается человеческой волны), в том время как Меркурий только начинает готовиться к следующему человеческому периоду[64].

Две планеты нашей цепи, находящиеся за Марсом, и ещё две, расположенные перед Меркурием, состоя из материи, которую не в состоянии обнаружить телескоп. Таким образом, четыре планеты из семи имеют эфирную природу, которую люди, признающие материю только нашего, земного типа, наверняка назвали бы нематериальной. Однако их никоим образом нельзя назвать нематериальными. Просто они принадлежат к более тонкому уровню материальности, нежели наша Земля, и этот факт никоим образом не нарушает целостности плана природы, определяющего методы действия и этапы планетной эволюции. Последовательные круги и расы человечества проходят в своём тонком, «невидимом» состоянии через стадии большей или меньшей материальности — так же, как и на Земле. Но для того, чтобы разобраться в этом, необходимо сперва как следует изучить стадии земной эволюции, а потом уже изучать утончённые феномены эфирных миров посредством аналогий. Поэтому вернёмся к рассмотрению механизма действия великой волны жизни на нашей планете.

Так же, как планетная цепь, рассматриваемая в единстве, имеет свой север и юг, свои духовный и материальный полюса, а её действие направлено от духовности вниз, к материальности, откуда снова восходит к духовности, так и круги человечества составляет примерно такую же последовательность; так что планетную цепь вполне можно назвать

64 Желая рассеять сомнения тех, кто, возможно, захочет возразить нам, опираясь на данные физической науке, что Меркурий расположен слишком близко к Солнцу и, следовательно, слишком горяч, чтобы быть подходящим местом для обитания человека, мы считаем уместным напомнить, что в официальном отчёте Астрономического департамента Соединённых Штатов о недавних «наблюдениях на горе Уитни» имеются утверждения, способные выбить почву из-под ног у тех, кто чересчур самоуверенно критикует точку зрения оккультной науки по данному вопросу. Результаты произведённых на горе Уитни наблюдений за избирательным поглощением солнечных лучей свидетельствуют, согласно тому же официальному отчёту, о том, что точка зрения, согласно которой атмосфера, пригодная для жизни, варьируется от *Меркурия* (как одного из её полюсов) до *Сатурна* (противоположного полюса), более не представляется однозначно неправдоподобной. В данный момент нам нет необходимости рассказывать о Сатурне, и даже если бы мы пожелали объяснить, на основании оккультных принципов, факт пригодности Меркурия для обитания, используя для этого данные об избирательном поглощении солнечных лучей, мы могли бы справиться с этой задачей без рассмотрения противоположного, сатурнианского, полюса. Всё дело в том, что академическая наука чересчур преувеличивает и в то же время преуменьшает роль Солнца как источника силы для всей солнечной системы. Преувеличивает, потому что температура планеты зависит не только от Солнца, но и в значительной степени от другого, совершенно не связанного с Солнцем влияния, сущность которого невозможно должным образом понять, не заглянув чуть далее за горизонт современных научных познаний о соотношении тепла и магнетизма, а также о магнетической метеоритной пыли, заполняющей межпланетное пространство. Впрочем, для того чтобы опровергнуть любое возможное возражение против предлагаемых нами объяснений, исходящее со стороны убеждённых приверженцев современной науки, нам достаточно будет просто показать им, что те данные, на которые они опираются, даже с точки зрения этой самой науки, выглядит устаревшими. Современную науку отличает стремительный прогресс, и это одно из важнейших её достоинств. Однако никак нельзя признать её достоинством привычку учёных считать, что все концепции, несовместимые в признанными ею на данный момент умозаключениями, необходимо являются абсурдными.
Фраза о том, что «Меркурий только начинает готовиться к следующему человеческому периоду» послужила поводом к грандиозной дискуссии по поводу Марса и Меркурия, не прекращающейся по сей день. Подробнее см. об этом в Приложении, прим. 1973.

аналогом последней. В человеческой эволюции — на всех планах, равно как и вообще во всём — имеется нисходящая и восходящая дуга. То есть дух инволюционирует, если так можно сказать, в материю, а материя снова эволюционирует к духу. Низшая, или наиболее материальная, точка цикла становится, таким образом, перевёрнутый вершиной физического разума, являющегося замаскированным проявлением разума духовного. Следовательно, каждый новый круг человеческой эволюции на нисходящей дуге (равно как и каждая новая раса в каждой круге, если посмотреть в космическое зеркало меньшего масштаба) должен создавать более развитый физический интеллект по сравнению с предыдущем; а каждый новый круг восходящей дуги должен обладать более утончённой формой разума, соединённого с возрастающей духовной интуицией. Поэтому в первом круге человек даже на Земле является преимущественно эфирным существом в сравнении с тем состоянием, которого он достиг на нашей планете в нынешнем круге. Это ещё не интеллектуальное, но в высшей степени духовного существо. Подобно окружающим его животным и растительным формам, он воплощается в огромных, но пока ещё плохо организованных телах. Во втором круге он всё ещё остаётся гигантским и эфирным, но его тело уже заметно плотнее и конкретнее; он уже ближе к нынешнему физическому человеку, хотя духовность в нём по-прежнему преобладает над разумом. В третьем круге он уже развивает для себя вполне оформленное, компактное тело, поначалу имеющее форму скорее гигантской обезьяны, нежели действительно человека, но интеллект его постоянно развивается. Во второй половине третьего круга его гигантский рост уменьшается, совершенствуется строение тела, и человек становится рационально мыслящим. В четвёртом круге уже полностью развившийся интеллект начинает бурно развиваться. Уже самые первые расы, с которых начинается этот круг, обретает человеческую речь в нашем нынешнем её понимании. Мир наполняется последствиями интеллектуальной деятельности и духовного упадка. В середине четвёртого круга эволюция проходит полярную точку всего периода своего прохождения по семи мирам. Начиная с этой точки и далее, духовное Эго вступает в настоящую борьбу с телом и разумом за проявление своих трансцендентных сил. В пятом круге эта борьба продолжается, и хотя трансцендентные способности Эго уже в достаточной степени развиты, его борьба с физическим интеллектом и физическими пристрастиями становится ожесточённой как никогда, поскольку в пятом круге не только духовность, но и интеллект делает шаг вперёд в сравнении с предыдущим, четвёртым кругом. В шестом круге человечество достигает такого совершенства тела и души, разума и духовности, которого обычные смертные сегодняшней эпохи не в состоянии достичь даже в своём воображении. Наиболее совершенные сочинения мудрости, доброты и трансцендентного просветления, которые только мог видеть или хотя бы мог представить себе наш мир, станут самыми обыкновенными человеческими качествами. А те способности, которые проявляются ныне только как редкостные примеры наивысшего расцвета, позволяя некоторым исключительно талантливым людям изучать тайны природы и накапливать знания, лишь малые крохи которых раскрываются теперь (благодаря этой книге и иными путями) перед широкими массами человечества, будут рассматриваться как совершенно естественные. Но о том, как будет выглядеть человечество седьмого круга, даже самые общительные оккультные учителя предпочитают хранить торжественное молчание. Человечество седьмого круга будет иметь слишком много божественных качеств, чтобы люди четвёртого круга могли строить на его счёт сколь-нибудь точные и оправданные прогнозы.

За время пребывания жизненной волны человечества на каждой отдельной планете индивидуальная монада неизбежно проходит через множество воплощений. Отчасти эта необходимость уже было объяснена. Если бы в каждой малой расе, через которую проходит эволюционный путь монады, последней приходилось воплощаться только однажды, общее число воплощений за время прохождения человеческой волны одного круга на одной планете составило бы 343, то есть семь в третьей степени. Однако на самом деле монаде приходится воплощаться в каждой малой расе дважды и не удаётся избежать ещё несколько дополнительных воплощений. По причинам, которые едва ли будут понятны человеку, далёкому от божественного, хранители оккультного знания крайне неохотно делятся конкретными цифрами, когда речь заходит о космогонии; хотя, повторим, непосвящённому сложно найти логическое объяснение подобного рода скрытности. Так, например, в настоящее время мы не можем сообщать читателю, как долго, в годовом исчислении, длится период одного круга. Однако, благодаря недавно сделанному отступлению от традиционной секретности, — отступлению, которое могут в полной мере оценить только те ученики, которые уже давно изучают оккультизм, руководствуясь старыми методами, — мы всё-таки смогли узнать несколько цифр, непосредственно необходимых нам для исследований. Это ценно ещё и потому, что проливает свет на очень интересный факт, связанный с новым витком эволюции, на пороге которого мы сейчас находимся. Данный факт состоит в том, что на планете, например, на нашей Земле, населённой человечеством четвёртого круга, или, если так можно сказать, в четвёртый раз омываемой человеческой волной, проходящей через цикл миров, среди общей человеческой массы встречаются люди (немногочисленные в процентном отношении), фактически принадлежащие к пятому кругу. Из этого утверждения ни в коей мере не следует вывод, что некоторым индивидуальностям, благодаря какому-то чудесному процессу, действительно удаётся пройти вдоль всей цепи миров на один круг больше, нежели всем остальным их соседям по планете; поскольку из того, что мы уже рассказали о способе продвижения приливной волны человеческого развития, можно заключить, что подобное невозможно. Человечество пока ещё не побывало в четвёртый раз даже на следующей за нашей Землёю планете. Но индивидуальная монада может обогнать своих спутниц в плане индивидуального развития и заранее стать такой же, какой основная масса человечества станет только в пятом круге. Подобный результат может быть достигнут двумя способами: либо человек, родившийся на свет обычным представителем своей (четвёртой) расы, целенаправленно развивает в себе, путём оккультного обучения и практики оккультизма, все качества человека пятой расы, превращаясь, таким образом, в того, кого мы могли бы назвать искусственно развитой личностью; либо, независимо от

усилий, предпринимаемых человечеством в текущем воплощении, он уже рождается вполне сформировавшимся представителем пятой расы, благодаря общему числу предыдущих воплощений.

Если обозначить переменной x обычное количество воплощений, которое монада должна пройти по закону природы за время пребывания круговой волны на одной из планет, а переменной y — запас дополнительных воплощений за этот же период, к которым человек может приговорить себя сам, вследствие чрезмерной привязанности к физической жизни, то число 24,5 ($x + y$) может превысить $28x$. А это значит, что за 3,5 круга монада может пройти через столько воплощений, сколько обычная монада прошла бы за четыре полных круга. Менее чем за 3,5 круга подобный результат был бы недостижим. Поэтому только сейчас, когда мы уже оставили позади середину эволюционного пути на этой серединной планете, среди нас начинают время от времени появляться люди пятого круга.

Природа вещей не допускает, чтобы монада могла обогнать своих спутниц более чем на один круг. Но, несмотря на это, Будда был человеком шестого круга. Однако данный факт связан с величайшей тайной, выходящей за рамки наших расчётов. На данный момент достаточно будет сказать, что эволюция Будды не ограничивается воплощениями в пределах одной планетной цепи.

Коль скоро мы упомянули в своих вычислениях о многочисленности человеческих жизней, следующих одна за другою в виде сменяющих друг друга воплощений индивидуальной монады, то необходимо добавить, во избежание недоразумений, что временные периоды, разделяющие эти воплощения, настолько велики, что, невзирая на всю множественность последних, человек всё равно проводит гораздо больше времени вне физического мира, нежели в нём. Как уже было сказано выше, мы не можем в данный момент указать точную продолжительность круговых периодов. Более того, невозможно было бы назвать какую-то одну, конкретную цифру, указывающую на длительность каждого из них, так как эти периоды отличаются друг от друга по временной протяжённости, и порою довольно значительно. Мы можем предположить вниманию читателя только один простой факт, совершенно определённо переданный нам высочайшим из оккультных авторитетов, с которыми нам доводилось иметь дело. Нынешняя *раса* человечества — пятая *раса* четвёртого круга — начала развиваться около миллиона лет назад. Но и сейчас её существование ещё не завершено. Поэтому, предположив, что раса живёт на Земле около миллиона лет[65], мы можем разделить эту жизнь для каждой индивидуальной монады на следующие этапы. Индивидуальная монада проходит в каждой расе более чем через 100 воплощений, но едва ли их число может достигать 120. Но пусть даже этих воплощений у одной монады, в пределах нынешней расы, будет ровно 120. И пусть средняя продолжительность жизни в каждом воплощении составляет целое столетие. Даже в этом случае мы имеем только 12 000 лет физической жизни из миллиона лет существования расы, и, следовательно, целых 998 000 лет приходятся на субъективное существование, а средняя продолжительность времени между двумя соседними воплощениями составляет 8 000 лет. Разумеется, на самом деле длительность этих промежуточных периодов может в значительной степени варьироваться, но едва ли она может составлять менее 1 500 лет (если не принимать в расчёт случаи адептов, неподвластных действию законов, коим подчинена жизнь обычных людей). Однако и эти 1 500 лет надлежит считать если не неправдоподобно коротким, то, во всяком случае, крайне малым по продолжительности интервалом, отделяющим друг от друга два перевоплощения.

Впрочем, из этого правила также можно сделать несколько исключений. Например, случаи с детьми, умирающими во младенчестве, полностью отличаются от тех, когда человек успевает дожить до зрелых лет, по причинам, которые вполне очевидны в свете уже изложенных объяснений. Ребёнок, умирающий до того, как сможет стать ответственным за свои действия, не успевает создать никакой новой кармы. В этом случае духовная монада оставляет младенческое тело, будучи в том же состоянии, в каком она вошла в него после своей последней смерти в дэвакхане. Она так и не дождалась возможности сыграть на этом новом музыкальном инструменте, который сломался ещё до того, как она успела его настроить. Поэтому перевоплощение монады может наступить незамедлительно, следуя привычкам и привязанностям прежней личности. Однако перевоплощённую таким образом монаду ни в коем случае не следует духовно идентифицировать с умершим ребёнком. Примерно то же происходит, когда монада оказывается воплощённой в теле врождённого идиота. Такой инструмент вообще не может быть настроен, и потому играть на нём, то есть создавать новую карму, так же невозможно, как и в случае с ребёнком, умершим в первые несколько лет своей жизни. Но оба эти примера являются явным исключением, которое ни в коей мере не опровергает вышеизложенное общее правило, справедливое для всех людей, достигших зрелого возраста и успевших направить свою жизнь либо в благое, либо в пагубное русло.

Примечания

Последующие рассуждения и сведения (то есть сравнение различных областей учения и сопоставление изложенных в предшествующей главе утверждений с прочими) с предельной ясностью указывают на то, что использование в Тайной Доктрине каких-либо конкретных цифр — вещь, крайне затруднительная. Эти цифры могут быть вполне приемлемы как средние величины, но в каждом конкретном случае их применение может скорее сбить с толку, нежели оказать действительную помощь. Дэвакханические периоды, переживаемые каждым человеком, настолько отличаются друг от друга по продолжительности, что любая попытка подчинить их какому-то общему правилу неизбежно утонет в

65 Разумеется, в действительности жизнь расы продолжается много дольше. Но если бы мы перешли в рассуждениях на эту тему к каким-либо конкретным цифрам, мы тем самым вступили бы на очень зыбкую почву, ибо точные расчёты держатся в строжайшем секрете, по причинам, о которых непосвящённые ученики («светские чела», как называют их теперь адепты, коим пришлось изобрести этот новый термин для отражения нового положения вещей) могут лишь смутно догадываться. Вычислениям, подобным приводимым выше, можно доверять и воспринимать их буквально, однако не следует опрометчиво использовать их как основу для новых оккультных вычислений.

непроглядном тумане исключений. Начнём с того, что упомянутые средние величины рассчитаны для людей, достигших зрелого возраста своей земной жизни. А ведь между взрослыми, много успевшими в жизни, и младенцами, у которых вообще не может быть дэвакханического периода, существуют ещё те, кто умирает в юности, успев накопить какую-то *карму*, и следовательно, должен пройти через обычные стадии духовного очищения. По причине скоротечности своей жизни, такие люди успевают накопить совсем немного причин, и потому превращение оных в следствия не занимает много времени. Таким образом, эти люди возвращаются в воплощённое состояние после сравнительно короткого пребывания в мире следствий. Опять же, существует такая вещь как искусственное воплощение, осуществляемое через непосредственное вмешательство Махатм. При этом *чела*, который пока, возможно, даже близко не успел подойти к самостоятельному управлению подобного рода процессами, возвращается в воплощённое состояние практически сразу же после предшествовавшей физической смерти, совершенно не входя в поток естественных причин. Здесь, разумеется, можно сказать, что духовная связь, установленная этим перевоплощающимся чела со своим Махатмой, как раз и играет в данном случае роль естественной причины; но поскольку Махатмы вовсе не склонны руководствоваться при принятии такого рода решений личными мотивами и персональными желаниями, то можно сказать, что эти искусственные перевоплощения являются как плодами трудов самих учеников, свершённых ими в предшествующей жизни, так и результатом действия кармы. И к тому же, какая бы причина ни вызывала эти перевоплощения — первая или вторая, — их всё равно следует отнести к явным и крайне редким исключениям из общего (хотя и весьма приблизительного) правила.

Разумеется, при изучении сложных аспектов прежде совершенно незнакомой науки неподготовленный разум не в состоянии сразу же воспринять их со всеми необходимыми оговорками, условиями и допустимыми аномалиями, существование которых сразу же бросается в глаза. Поэтому на первое время нам придётся удовольствоваться усвоением самых общих правил, оставив исключения до лучших времён, особенно если речь идёт об оккультном обучении, применительно к которому традиционные методы обучения действуют, как правило, следующим образом: ставится сложная и затруднительная проблема, которая решается при помощи новой, свежей идеи, чем и достигается закрепление этой идеи в памяти ученика. Как мне представляется в настоящее время, в процессе такого обобщённого изложения оккультных законов на предшествующих страницах данной книги было оставлено без внимания одно очень важное исключение из этих законов, имеющее место в природе. То истолкование, которое я дал механизму продвижения приливной волны человечества, само по себе является вполне последовательным; однако со времени выхода в свет первого издания книги я получил из Индии ряд критических отзывов, в которых моя версия учения сравнивается с некоторыми фрагментами из других сочинений, исходящих, как принято считать, от тех же Махатм. Мне было указано на противоречие между двумя этими версиями, так как последняя указывает на допустимость того, чтобы монада действительно *могла* пройти через все семь планет раньше, чем прочие монады, вместе с которыми она оказывается на нашей Земле, опережая их, таким образом, на целый круг. В то же время из моего собственного рассказа о планетных затемнениях можно заключить, что подобная возможность полностью исключена. Очевидно, ключ к этой загадке лежит за пределами диапазона тех учений, коими адепты готовы поделиться с человечеством в настоящее время. И потому читателю следует иметь в виду, что приводимые в этой книге комментарии являются плодами моих собственных рассуждений и сопоставления переданных мне фрагментов учения, но ни в коем случае не аутентичной информацией, исходящей непосредственно от хранителей оккультного учения.

Дело здесь, по всей видимости, в том, что затемнения представляются настолько всеобъемлющим процессом, что мы можем вполне оправданно распространить их действие абсолютно на *все* феномены, происходящие на планете, вступающей в эту эволюционную фазу. Однако даже здесь не обходится без исключений, и потому мы постоянно должны быть к ним готовы. Основная масса человечества переходит с одной планеты на другую, подчиняясь великому циклическому импульсу, когда наступает положенное для этого время. Но даже потом планета не остаётся *полностью* безлюдной, так как *не все* её области становятся, вследствие физических и климатических изменений, непригодными для обитания человека. Даже в период затемнения на планете продолжают существовать небольшие колонии людей; и монады, связанные с этими маленькими колониями, следуя уже совершенно иным эволюционным законам, выходят из-под влияния тех сил, которые управляют движением основной массы человечества, переходящей с планеты на планету вместе с великой приливной волной. Эти монады переходят из мира в мир по пути, который может быть назван *внутренним кругом эволюции*, и потому намного опережают свою расу (её подавляющее большинство). Каковы бы ни были обстоятельства, способные исторгнуть душу из самой гущи человеческого потока и перенести её из сферы притяжения планеты, занятой приливной волной, в пределы *внутреннего круга*, все наши рассуждения о них пока что не в состоянии выйти за рамки смутных догадок и предположений.

В связи с той трактовкой, которую я рискнул предложить для концепции *внутренних кругов*, будет вполне уместным обратить внимание читателя на то, что данный природный факт, реальность которого я утверждаю, можно связать, при помощи аналогий, с широко распространёнными учениями о Потопе. Ту часть планеты, которая остаётся обитаемой даже во время затемнения, можно сравнить с библейским Ноевым Ковчегом, если трактовать его в самом широком символическом значении. Разумеется, у сюжета о Ноевом Ковчеге есть и более узкое символическое значение, но вполне вероятно и то, что каббалисты[66] могли вкладывать в него гораздо более широкий смысл — тот, о кото-

66 *Каббалист* — тот, кто изучает «тайную науку» и толкует сокровенное значение священных писаний при помощи символической каббалы (букв., «предание»). Так называемая практическая каббала (каббалистика) основана на вере в то, что посредством специальных знаний и практических действий человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс.

ром я сейчас веду речь. Таким образом, в положенный срок, когда затемнённая планета будет готова к новому заселению людьми, колонисты из ковчега смогут стать зачинателями этого процесса.

ГЛАВА VIII. ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Как уже, вероятно, заметил читатель, закон природы предполагает беспредельное развитие всех человеческих существ в направлении высших фаз существования. И не менее очевидным то, что, наделяя эти существа, по мере их эволюционного продвижения, всё более совершенными способностями и непрестанно расширяя сферу их активности, природа предоставляет каждому человеку всё более определённую возможность выбора между добром и злом. В самых первых кругах эта привилегия выбора ещё не была однозначно сформулирована, и потому о полной ответственности человека за собственные поступки пока что не было речи. Можно даже сказать, что первые круги человеческой эволюции вообще не налагали на индивидуальное Эго никакой духовной ответственности, в широком смысле этого понятия, о котором мы, в скором времени, поговорим подробнее. Следующий за каждым объективным существованием дэвакханический период полностью справлялся со всеми человеческими грехами и заслугами, и даже самая малосимпатичная личность, которую Эго могло создать на протяжении первой половины эволюции, просто сбрасывалась со счетов, так как не препятствовала закономерному ходу эволюции, в то время как сама заблудшая личность, отбыв сравнительно короткий срок наказания, уже более никогда не беспокоила природу. Но во второй половине великого эволюционного периода действуют уже иные принципы. Для того, чтобы Эго могло вступить в новые фазы существования, уже начавшие объективно проявляться, оно должно приобрести некоторые собственные положительные качества. Став полностью ответственным и наделённым многочисленными талантами существом, — каковым и должен стать человек, прошедший великую поворотную точку в собственном развитии, — он уже не сможет ограничиться тем, что будет просто безвольно плыть по течению эволюции: ему необходимо самому научиться плавать, если он желает двигаться дальше.

Ввиду того, что сложность темы не позволяет нам изучать её одновременно во всех аспектах, мы до сих пор схематично рассматривали человеческую природу как семь кругов развития, охватывающих сложную и непрерывную планетную структуру, поэтапное освоение которой является естественным предназначением подавляющего большинства человечества. Однако следует помнить, что уже о человечестве шестой расы мы говорили как об обладающем всеми теми возвышенными качествами и способностями, которые в наше время присущи только высшим адептам, в то время как человечество седьмого круга будет обладать скорее божественными, нежели человеческими качествами. Но даже на этой стадии развития каждое человеческое существо останется связанным ощущением идентичности со всеми теми личностями, которые с самого начала великого эволюционного процесса непрерывно нанизывались на нить его индивидуальности. Можно предположить, что характер ранее существовавших личностей в данном случае уже не имеет значения и что из двух стоящих рядом, рука об руку, богоподобных существ седьмого круга одно может быть сформированным в результате долгой череды безупречных и полезных жизней, а другое — вследствие такой же долгой череды подлых и вредоносных существований. Но так быть, конечно же, не должно, и потому мы спрашиваем: как можно совместить неумолимые законы природы со всеобщим человеческим продвижением к высшим формам существования, венчающим всё здание?

Как дети не могут нести ответственности за свои поступки, так и первые человеческие действия не могли быть полностью ответственными. Но приходит время взросления, когда полностью развившиеся способности позволяют каждому человеку сделать окончательный выбор в пользу добра или зла в течение одной жизни — той, которую он ведёт сейчас; причём свой выбор делает не только низшая личность, но и непреходящее Эго. Этот период, огромный по своей продолжительности, ибо природа не склонна торопить свои творения с принятием столь важного решения, ещё только начинается, и до конца его нам предстоит завершить нынешний круг, пройдя через все семь его миров. Пока на Земле не пройдена середина пятого периода, извечный вопрос — быть или не быть, звучащий на сей раз применительно к будущему, — не может считаться окончательно решённым. Мы вступаем сейчас во владение способностями, которые делают человека полностью ответственным существом, но нам ещё необходимо время для того, чтобы применять эти способности на практике в период зрелости своего Эго; и от того, как мы будем их применять, во многом будет зависеть наша дальнейшая судьба.

Основная борьба разворачивается в первой половине пятого круга. До этого времени нормальное течение жизни может быть либо хорошей, либо плохой подготовкой к этой борьбе, которую, впрочем, нельзя назвать борьбой в полном смысле этого слова. Теперь нам предстоит изучить природу этого процесса, который мы описывали прежде как выбор между добром и злом, так как это, хотя и вполне точная, но далеко не исчерпывающая его характеристика.

Иначе говоря, нам предстоит исследовать постоянно напоминающий о себе и постоянно угрожающий человечеству конфликт между разумом и духовностью. Разумеется, нам придётся несколько расширить общераспространённое представление о значении двух этих слов, чтобы уловить их оккультное содержание; ибо европейский способ мышления склонен создавать явно приниженный образ духовности, полагая её скорее свойством человеческого характера, нежели самого разума, — своего рода бледной и немощной набожностью, рождённой привычкою к выполнению религиозных церемониалов и приливами благочестивого настроения, вызываемыми теми или иными, порою весьма причудливыми, представлениями о Божестве и Небесах, въевшимися в сознание «духовного мыслящего» человека вместе с полученным в детстве воспитанием. Но в оккультном понимании духовность слабо связана или же вовсе не имеет ничего общего с благочестивыми эмоциями; она относится прежде всего к способности человеческого разума восприни-

мать знание — абсолютное знание — непосредственно из первоисточника, минуя долгий и утомительный процесс логических рассуждений.

Развитие чистого интеллекта, способности к рассуждению, на протяжении долгого времени оставалось занятием преимущественно европейских народов, которые достигли в этой сфере человеческого развития настолько потрясающих высот, что теперь самой неприемлемой для европейца темой во всей оккультной философии наверняка станет именно оккультная теория духовности и разума, особенно на первых порах, когда основные идеи этой теории ещё не до конца ему понятны. Однако причина этого неприятия кроется не столько в том, что оккультная наука склонна чрезмерно принижать роль интеллекта, сколько в том, что современное западное мышление склонно чрезмерно принижать роль духовности. Обобщённо говоря, западная философия до сих пор не имела ни одной реальной возможности по достоинству оценить значение духовности. Она даже не имела представления о диапазоне внутренних способностей человека. До сих пор она просто слепо продвигалась в потёмках, направляемая единственно лишь верой в существование этих внутренних способностей. Сам Кант — величайший из современных поборников этой веры — похоже, был готов удовольствоваться утверждением, что человек обладает такой способностью, как интуиция, хотя и имеет крайне смутные представления о том, как ею следует пользоваться.

По большому счёту, процесс овладения собственной интуицией — это и есть оккультная наука в своём высшем аспекте, так как суть её составляет развитие духовности. Одно лишь развитие в себе способностей управлять силами природы, изучение некоторых глубинных её секретов с целью обнаружения внутренних принципов, от которых зависят внешние, физические результаты, составляет низший аспект оккультной науки; и в эту низшую сферу последней физическая наука может и должна постепенно внедряться. Однако обретение тех привилегий и качеств, которые являются законную собственностью духовности, при помощи одного лишь интеллекта — физической науки *in excelsis*[67] — составляет одну из опасностей той борьбы, от исхода которой зависит в конечном счёте судьба человеческого Эго. Ибо интеллектуальные процессы не в состоянии помочь человечеству постичь одну вещь, а именно — природу и непревзойдённое величие духовного существования. Совсем наоборот: интеллект формируется физическими причинами, стремится к совершенствованию физического мозга и направлен на достижение исключительно физических результатов, то есть на повышение уровня материального благополучия. Даже если современный интеллект, делая уступку «религии» и своим «слабым собратьям», к которым он относится с добродушным презрением, воздерживается от осуждения духовности, он всё равно считает, что физическая жизнь является единственным серьёзным делом, достойным практического человека или даже искреннего филантропа. Но если духовное существование — живое субъективное сознание — действительно длится много дольше, чем существование физическое, а следовательно, и интеллектуальное, и его продолжительность соотносится с продолжительностью последнего, по крайней мере, как 80 и 1 (что мы уже выяснили, когда обсуждали существование в дэвакхане), то разве не очевидно, что субъективная жизнь гораздо важнее для человека, нежели физическая, и что человеческий интеллект заблуждается, направляя все свои усилия исключительно на улучшение условий своего физического пребывания на Земле.

Все эти рассуждения ясно свидетельствуют о том, что выбор между добром и злом, который человеческое Эго делает в ходе великой борьбы между интеллектом и духовностью, не сводится к одному только выбору между общепринятыми представлениями о добродетели и греховности. Каким бы ни был человек, грешным или добродетельным, прямой и конкретный вопрос о том, что он выбирает для себя — продолжить ли свою жизнь, направив её на достижение высших фаз существования, или же окончательно прервать своё существование, — ставится перед ним далеко не сразу, а только по достижении им финальной, критической поворотной точки. Мы можем сказать (хотя и не знаем, насколько это разумно — счищать вековую пыль с ещё одной тайны на столь ранней стадии обучения), что решение сакраментального вопроса «быть или не быть» в действительности *вообще* никак не связано с вопросом о том, добродетелен человек или же грешен. Как станет совершенно ясно по ходу нашего изложения, духовность может быть не только доброй, но и злой. И великий вопрос о продолжении человеческого существования неизбежно сводится, таким образом, к вопросу о духовности, приходящей на смену материальности. То есть вопрос состоит не столько в том, «*будет* ли человек жить и достаточно ли он хорош, чтобы ему было позволено жить дальше?», но скорее в том, «*сможет* ли человек продолжить свою жизнь в тех высших сферах существования, которых человечество должно в конце концов достичь в процессе эволюции?» Приготовил ли он себя к этой жизни путём развития непреходящей части собственной природы? Если нет, то его связь с эволюционирующим миром прерывается.

Читателю не следует спешить с выводом, будто оккультная философия считает, что порок и добродетель вообще не оказывают никакого влияния на духовную судьбу человека, коль скоро ни один из известных этой философии природных фактов не свидетельствует о решающем влиянии этих характеристик на окончательный выбор направленности человеческой эволюции. Ни одна система не придаёт такого значения нравственности, как та, которую изучает и проповедует оккультная философия. Порок и добродетель определяют прежде всего, будет ли человек счастлив или же ему придётся страдать, но не решают самую главную проблему — проблему продолжения существования за пределами того периода огромной продолжительности, который отпущен человеку на то, чтобы стать чем-то большим, нежели просто человек, ибо в дальнейшем он уже не сможет продолжать своё развитие при помощи одних лишь сравнительно примитивных человеческих качеств. Едва ли кто-нибудь может вообразить, что добродетель, пусть даже незначительная, способна пропасть втуне, не воплотившись в положенное время в соответствующие высшие качества; но мы погрешили бы против научной точности, если бы назвали добродетель непосредственной причиной развития, ведущего к

67 *In excelsis* (лат.) — «в вышних», то есть в наиболее возвышенных аспектах.

высочайшим ступеням эволюционного развития, хотя нельзя отрицать, что она может стимулировать развитие этой причины.

Это рассуждение о том, что конечное развитие человека определяется его духовностью независимо от её нравственной окраски, раскрывает подлинный смысл оккультного афоризма, который гласит: «Чтобы стать бессмертным в добре, человек должен уподобиться Богу, а чтобы стать бессмертным во зле — уподобиться Сатане. В мире душ существует два полюса, и между этими полюсами прозябает и умирает, не оставляя следа, бесполезная часть человечества» [68]. Как и все оккультные истины, эта загадка имеет и более узкое значение, подходящее как для макрокосма, так и для микрокосма. В узком смысле это — противостояние дэвакхана и авичи, а также бессодержательная судьба бесцветных личностей; но в более глубоком смысле данный афоризм относится к разделению человечества в середине великого пятого круга: тем, чьё индивидуальное Эго абсолютно бездуховно, предстоит исчезнуть, а прочим — обрести бессмертие либо в добре, либо во зле и двигаться далее. Точно такой же смысл содержит и следующее изречение из *Откровения*: «О, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тёпл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». (Откровение ап. Иоанна Богослова, III: 15, 16.)

Таким образом, духовность не есть набожность; духовность — это мышление высшего порядка, познающее деятельность природы посредством непосредственного слияния разума с её высшими принципами. На это физический интеллект может возразить, что разуму человеческому доступен только один способ познания, состоящий в том, чтобы наблюдать явления, а затем размышлять над ними. Однако здесь он заблуждался. Существует и другой способ познания, и наилучшее тому доказательство — существование оккультной науки. Более того, мы можем обнаружить подтверждения реальности альтернативного познания практически повсеместно, если только нам хватит терпения и проницательности их разглядеть. Уже одного только феномена ясновидения, в каких бы грубых и несовершенных формах он ни являл себя миру в последнее время, вполне достаточно для того, чтобы никто не мог утверждать, будто для сознания нет и не может быть никаких иных путей, помимо пяти физических чувств. Разумеется, в нашем мире ясновидение — явление исключительно редкое; но оно ясно указывает на существование в человеке потенциальной способности, которая, как можно судить даже по самым несовершенным её проявлениям, позволит человеку воспринимать новые знания непосредственно, без помощи наблюдений и размышлений, когда достигнет своего наивысшего развития.

Одно из наиболее трудно преодолимых препятствий, которое нам необходимо преодолеть, пытаясь изложить эзотерическое учение простым и понятным языком, в действительности связано с тем, что духовное восприятие, в отличие от всех обычных способов приобретения человеком знания, является великой и возвышенной *возможностью* человеческой природы. Именно этот метод обычно используют адепты в процессе оккультного обучения своих *чела*, передавая им свои наставления. Они пробуждают в ученике дремлющее чувство и через него убеждают ученика в том, что то или иное учение действительно являются истинным. Вся схема эволюции, описанная нами в предыдущих главах, проникает в разум признанного чела, поскольку он воочию наблюдает весь этот процесс посредством ясновидения. Данный способ передачи знаний вообще не требует слов. И потому сами адепты, коим природные процессы и явления понятны так же, как нам — наши пять пальцев, затрудняются порою при написании трактатов на оккультные темы, ибо они не могут вызвать у нас ментальные образы, вследствие того, что наше шестое чувство пока ещё спит.

Безусловно, от нынешнего человечества никак нельзя ожидать, чтобы оно, в большинстве своём, хотя бы догадывалось о наличии у него шестого чувства, поскольку время пробуждения последнего ещё не наступило. Мы уже говорили о том, что каждый круг, который проходит человечество, посвящён развитию в нём того или иного принципа и подготовке к освоению следующего, так как эти принципы развиваются поочерёдно, в надлежащей последовательности. Мы также говорили, что в первых кругах человек сначала был как бы тенью, а затем приобрёл форму — неконкретную и неразумную на первых порах. У него развился самый первый принцип — тело, однако оно не было похоже ни на что из того, что мы можем себе сейчас вообразить, и совершенствовалось прежде всего в накоплении жизненной энергии. В четвёртом круге, в котором мы находимся сейчас, полностью развился четвёртый принцип — воля, желание, и этот принцип постепенно начинает сливаться с пятым — разумом, интеллектом. А в пятом круге совершенно развившемуся разуму (интеллекту, или душе), в который переместится человеческое Эго, предстоит слиться с шестым принципом — духовностью; иначе ему не придётся более утруждать себя продолжением существования.

Всем, читающим буддийскую литературу, знакомы постоянные намёки на то, что душа Архата едина с Богом. Иными словами это можно назвать опережающим развитием шестого принципа. Архат собственными усилиями преодолевает все препятствия, призванные не допустить преждевременного развития человека четвёртого круга и не позволить ему уже сейчас оказаться на стадии эволюции, ожидающей человечество или, вернее, ту его часть, которой удастся достичь этой ступени в процессе обычного, естественного развития лишь во второй половине пятого круга. Несложно догадаться, что в период своего ускоренного саморазвития Архату приходится преодолевать самый опасный, переломный этап, соответствующий середине пятого круга. И это самое изумительное достижение адепта в отношении его личностных интересов. Он достигает противоположного берега океана, в котором предстоит утонуть множеству людей. И там он ожидает прибытия своих будущих спутников, погруженный в состояние блаженства, которое люди с другого берега не в состоянии даже представить себе, не имея в душе хотя бы малого проблеска духовности. Во избежание возможных недоразумений, сразу же уточню, что опередивший человечество адепт ожидает остальных не в физическом теле, но, з*аслужив привилегию отказаться от оного*, пребывает в духовном состоянии, которое мы

68 Элифас Леви.

не станем даже пытаться описывать, дабы не оказаться в глупом положении, поскольку даже простое дэвакханическое состояние обычного человека балансирует на пределе возможностей воображения, незнакомого с духовной наукой.

Возвращаясь к обычному эволюционному продвижению человечества, а именно — к превращению в людей шестого круга мужчин и женщин, которые никогда не пытались стать адептами раньше положенного, естественного срока, мы можем отметить, что это нормальный, закономерный путь, предписанный человеку природой. Но это путь так же закономерен и для каждого пшеничного зёрнышка, которое созревает только для того, чтобы упасть в подходящую почву и самому потом создать наполненный зёрнами колос. И как многим зёрнам по тем или иным причинам не удаётся исполнить эту миссию, так и многим человеческим Эго не удаётся благополучно пройти через все испытания пятого круга. Усилия природы, заставляющей человека двигаться по пути эволюции, направлены на то, чтобы превратить его в существо неизмеримо более высокого порядка, в своего сознательного помощника, а в конечном счёте — сделать из него то, что обычно называют творческим принципом самой природы. Первым достижением является создание свободной воли, а вторым — увековечение этой воли, что возможно в том случае, если поставить её на службу конечной цели природы, которая есть добро. Учитывая то, что действующим началом в этом процессе является свободная воля, мы можем быть уверены, что значительная её часть, по ходу эволюционного продвижения, неизбежно погрязнет во зле, посеяв причины временных страданий, в конце концов рассеется и исчезнет. Более того, конечная цель может быть достигнута только ценою значительного расхода первоначального сырого материала — так же, как это происходит на низших ступенях эволюции, где растение должно разбросать вокруг тысячи семян, чтобы хотя бы одно их них смогло породить новое растение. Вот почему богоподобные семена воли, посеянные по одному в каждой человеческой груди, так же многочисленны, как и семена растений, развеянные по всему свету. Но следует ли ставить под сомнение справедливость природы только из-за того, что многим семенам суждено погибнуть? Подобная мысль может прийти в голову только тому, кто не понимает, что природа способствует росту каждого семени, которое пожелает расти, причём в той степени, в которой оно стремится к собственному росту, и неважно, насколько эта степень мала или велика. И если кому-то кажется ужасным, что «бессмертная душа» может исчезнуть в результате каких-то обстоятельств, то этот страх может быть вызван исключительно пагубной привычкой считать вечным всё, что превосходит нашу нынешнюю микроскопическую жизнь. До того, как мы приблизимся к богоподобному состоянию Дхиан Когана[69], нам отводится больше места в субъективных сферах и больше времени в последовательной цепи манвантар, нежели мы можем присвоить воображаемому нами бессмертию. И всякий добрый поступок, всякое возвышенное чувство, которые мы, земные мужчины и женщины, совершаем или испытываем, должны отражаться в духовном существовании на протяжении многих эонов[70], независимо от того, оказалось ли человеческое существо способным или же неспособным продолжать своё развитие в возвышенных и благословенных условиях седьмого круга. И если экзотерическое мышление полагает, будто может производить вечные результаты, то оно заблуждается, так как для этого нужны причины, намного превосходящие один краткий период нашего существования на Земле! Мы воображаем, будто на основании этой семисотой или восьмисотой доли нашего общего объективного существования за время нынешнего пребывания на Земле приливной волны эволюции природа сможет обнаружить достаточно веских причин для определения всей нашей дальнейшей перспективы. На самом же деле природа предусматривает настолько щедрое воздаяние даже за сравнительно малую затрату волевой энергии, приложенной в верном направлении, что мы можем со всею уверенностью сказать, как бы невероятно это ни звучало и каким бы невероятным *в действительности* ни было по сравнению с нашими обычными жизнями, что одного краткого существования иногда может быть достаточно, чтобы обеспечить себе дальнейший рост на миллиарды лет. Адепт способен достичь за одну земную жизнь[71] такого значительного продвижения, что его дальнейший рост будет обеспечен и останется лишь делом времени. Но для этого семя, производящее адепта для земной жизни, должно быть изначально совершенным, условия его первоначального роста — благоприятствующими, а сам человек должен на протяжении всей своей жизни прилагать усилия в этом направлении, причём усилия гораздо более энергичные, сосредоточенные и неустанные, нежели это может предположить непосвящённый человек со стороны. Обычно жизнь, разделяемая между материальными удовольствиями и духовными устремлениями, какими бы искренними и прекрасными ни были последние, может произвести лишь двойственный результат: духовное вознаграждение в дэвакхане и новое рождение на Земле. Способ, которым адепт поднимается над необходимостью дальнейших перевоплощений, абсолютно научен и довольно прост, хотя и может показаться некой теологической тайной, когда его излагают в экзотерических сочинениях, используя такие термины, как карма, скандхи, тришна, танха и так далее. Очередная земная жизнь является результатом привязанностей, созданных пятым принципом, непреходящей человеческой душой, точно так же, как первые дэвакханические переживания есть порождение мыслей и чаяний возвышенного характера, накопленных человеком в течение предшествующего существования. Таким образом, привязанности, создаваемые обычной жизнью, являются отчасти материальными, отчасти духовными. И как только душа переступает порог мира следствий, этот двойственный набор привязанностей создаёт для неё две противоположно направленные силы притяжения, одна из которых имеет следствием субъективную жизнь в дэвакхане, а другая, проявляющаяся только в конце дэвакханической жизни, возвращает душу назад, в воплощённое состояние. Но если личность не накапливает за время своей объективной жизни абсолютно никаких привязанностей к материальному существованию, её душа, влеко-

69 *Дхина Коганы* (санскр.) — буквально, «Владыки Света»; высшие Боги, соответствующие Архангелам римских католиков; Божественные Разумы, которым поручен надзор за космосом.

70 *Эон* (греч.) — термин древнегреческой философии, обозначающий «жизненный век», «вечность», время в аспекте жизненного существования.

71 Смысл, который я стремился вложить в эту фразу, состоит в том, что достижение подобных высот в течение одной жизни — явление до крайности редкое, требующее скорее двух или трёх искусственных воплощений.

мая одною единственной силой притяжения, устремляется исключительно в направлении духовности, и нечему тянуть её вниз, в сторону объективной жизни. Поэтому душа не возвращается, она восходит в состояние духовности, возвышенность которого пропорциональна интенсивности созданных наклонностей и привязанностей духовного свойства, в то время как нить, связующая душу с противоположным полюсом, полностью отсекаются.

Однако данное объяснение не охватывает весь спектр проблемы, поскольку адепт, каким бы совершенным он ни был, должен в конце концов снова вернуться в воплощенное состояние, после того как человечество перейдёт великую разделительную черту в середине пятого круга. А до тех пор, пока не будет достигнут подъём планетной духовности, даже наивысшая человеческая душа вынуждена сохранять некоторую связь с Землёй, хотя это не обязательно должна быть земная жизнь с её физическими наслаждениями и страстями, хорошо нам знакомыми. В отношении духовных последствий земной жизни важно помнить, что ввиду значительности большинства случаев можно пренебречь некоторыми аномальными исключениями, ибо, что касается судеб добрых людей, наше чувство справедливости полностью удовлетворяется постепенным, последовательным течением природы. Духовная жизнь всегда готова принять, ободрить и восстановить силы души после борений, свершений или страданий воплощения. Более того, оставляя вопрос о вечности, мы можем упомянуть о том, что в промежутках между циклами, после завершения каждого круга, природа предоставляет всему человечеству, за исключением тех несчастных, которые упорно следовали по пути зла, огромный по своей продолжительности период духовного блаженства, гораздо более долгий и ещё более возвышенный по своему характеру, нежели дэвакханические периоды, наступающие после каждой отдельной жизни. В самом деле, природы очень терпелива и снисходительна по отношению ко всем и к каждому, кто следует долгим и тернистым путём, готовясь к последнему, самому главному испытанию. И даже первая неудача при попытке сдать этот важный экзамен не может считаться непоправимо фатальной (если только речь не идёт о самом закоренелом и неблагодарном неудачнике), хотя всем этим несчастным и приходится потом долго ждать, когда им будет предоставлена возможность для переэкзаменовки.

Подробное изложение в данном трактате условий, при которых происходит это ожидание повторного шанса, не входит в наши планы. Однако не следует думать, будто незадачливый претендент на дальнейшее развитие, сам у себя отнявший возможность благополучно преодолеть критический период пятого круга, неотвратимо попадает в сферу уничтожения. Ибо для того, чтобы подобное произошло, Эго должно развивать в себе неодолимую по своей силе привязанность к материи и такое же неодолимое отвращение ко всему духовному. Если же эти качества отсутствуют и одновременно с этим отсутствуют качества, способные перенести Эго на гребне приливной волны через великую бездну, то судьбою таких неудач природы, *относительно нынешней планетной манвантары*, становится, как говорит Элифас Леви[72], смерть, не оставляющая от них ни следа. Они прожили свою жизнь, получив свою толику Неба, но так и не смогли достичь головокружительных высот духовного развития, открывшихся перед ними. Но они прекрасно подготовлены к новым воплощениям и к жизни на тех планах существования, которые им хорошо знакомы. Поэтому им придётся ожидать, оставаясь в негативном духовном состоянии, пока эти планы существования снова не начнут активно проявляться в *следующей планетной манвантаре*. Разумеется, продолжительность этого ожидания совершенно не укладывается в рамки человеческого воображения, равно как и характеристики такого состояния существования. Однако широкий путь, ведущий сквозь эту сферу призрачного, полуодушевлённого существования, всё-таки не следует сбрасывает со счетов, так как без него невозможно осознать симметрию и целостность всей эволюционной системы.

С учётом этого последнего дополнения, эволюционная схема предстаёт перед читателями в относительно завершённой форме, правда, *в самых общих чертах*. Мы уже говорили о том, как единая жизнь, дух, оживляет материю — сначала в сравнительно простых формах, а затем постепенно доводит её до форм благородных и совершенных. Осуществляя при этом процесс индивидуализации, вершиной которого становится человек, она проходит через примитивные, безответственные воплощения, пока, наконец, не переместится в высшие принципы и не создаст подлинно человеческую душу, которая отныне становится хозяйкой своей собственной судьбы. Впрочем, на первых порах природа всё-таки принимает необходимые меры к тому, чтобы оградить душу от преждевременного крушения, стимулируя и восстанавливая её силы в процессе эволюционного продвижения. Однако конечная цель развития души отнюдь не ограничивается превращением её в существо, способное позаботиться о себе; ибо душа должна стать сущностью, способной заботиться также и о других, направлять и управлять (не выходя, если можно так выразиться, за конституционные рамки) действиями самой природы. Разумеется, прежде чем душе будет даровано право на такое продвижение, ей придётся пройти испытание, которое заключается в предоставлении ей абсолютной власти над своими собственными действиями. Но эта абсолютная власть неизбежно открывает перед человеком возможность довести свою жизнь до катастрофического финала. Те стражи, которые окружают Эго в дни его юности, — его неспособность проникнуть в состояния более высокие или более низкие, нежели дэвакхан и авичи, отделяющие друг от друга земные существования, — перестают действовать в дни его зрелости. Таким образом, Эго само становится хозяином своей судьбы, причём не только в том, что касается создания преходящего счастья или преходящих страданий, но и плане продвижения в одном из двух противоположных направлений развития духовности, так как новые условия существования устраняют все прежние ограничения и препятствия. Эго может реализовать открывающиеся перед ним грандиозные возможности двумя способами, оно способно вести свою борьбу в одном из двух направлений и достичь наивысшей духовности либо в сфере добра, либо в сфере зла. Впрочем, оно также может связать себя с физической природой, что,

72 *Элифас Леви Захед* (1810-1875) — псевдоним известного каббалиста и писателя-оккультиста Альфонса Луи Константа, бывшего в молодости священником, аббатом римско-католической церкви, которая лишила его духовного сана за приверженность к магии и каббалистике.

не являясь абсолютным злом, ведёт к полному уничтожению или же, не являясь абсолютным добром, даёт отрицательный результат, предполагающий продолжение обучения в новом цикле воплощений.

Примечания

Те условия, в которых оказываются монады, не прошедшие середину пятого круга и потому оказавшиеся выброшенными волною эволюции, если можно так сказать, на берег океана времени, описаны в данной главе довольно скупо. Мы ограничились лишь несколькими словами о том, что несчастные, потерпевшие неудачу в процессе манвантары [73], не подлежат полному уничтожению; и хотя «их связь с эволюционирующим миром прерывается», им предстоит, после огромного периода ожидания, снова присоединиться к потоку эволюции. Однако этого уже достаточно для того, чтобы сделать немало оправданных умозаключений. Начнём с того, что продолжительность периода ожидания, на которое обрекают себя неудачники, действительно такова, что превосходит человеческое воображение. Вторую половину пятого круга, а также весь шестой и седьмой круги успешно сдавшие экзамен монады проводят в состоянии духовности; и надо отметить, что последние круги длятся неизмеримо дольше, нежели серединные. А далее следует огромный период отдыха в нирване, завершающий манвантару, — бесконечная Ночь Брахмы, пралайя [74] всей планетной цепи. И только с началом следующей манвантары неудачники начинают пробуждаться от своего ужасного забытья — ужасного с точки зрения тех существ, которые продолжают вести активную жизнь, хотя для самих спящих этот транс, который может быть не чем иным, как почти полным отсутствием сознания, вероятно, не более ужасен, чем глубокий сон без сновидений для человека, которому предстоит проснуться поутру. Судьбу неудачников следует считать несчастной прежде всего из-за того, что им придётся при этом пережить; хотя, безусловно, последствия их долгого сна можно назвать ужасными, так как после пробуждения им предстоит снова ощутить все неудобства физической жизни и заново пройти через огромное, почти бесчисленное множество воплощений. В то время как люди, обогнавшие своих незадачливых спутников в ходе пятого круга эволюции и достигшие совершенства Дхиан Коганов, становятся богоподобными существами, коим в следующей манвантаре будет будет доверено играть роль гениев-наставников, погруженные в транс неудачники остаются по пробуждении всё теми же беспомощными субъектами, каковыми они были раньше.

Оставив на время в стороне то, что мы могли бы назвать частными интересами этих незадачливых сущностей, мы можем сказать, что их существование в природе в начале каждой манвантары представляет собою явление, во многом способствующее правильному пониманию всей эволюционной системы. Когда планетная цепь начинает впервые формироваться из хаоса, — если термин «впервые», даже понимаемый в узком смысле, вообще применим для какого бы то ни было периода вечности, в отношении которой самое слово «начало» может звучать исключительно как *facon de parler*[75], — в ней ещё нет и не может быть никаких неудачников. При этом нисхождение духа в материю — через элементальное, минеральное и прочие царства — протекает так, как и было описано в предыдущих главах данной книги. Но, начиная со второй манвантары планетной цепи, в цикле активного существования солнечной системы, включающем в себя много таких манвантар, эволюция развивается несколько по-иному — заметно легче в сравнении с первой манвантарой (если, опять-таки, мне будет позволено использовать это скорее бытовое, нежели строго научное определение). Во всяком случае, эволюционный процесс протекает быстрее, поскольку в этих последующих манвантарах с самого начала существуют люди, готовые войти в воплощённое состояние, как только упомянутый процесс сделает мир пригодным для их воплощения. А из этого логически следует, что после первой манвантары цикла, гораздо более долгой, нежели последующие, ход дальнейших событий должен выглядеть примерно так: когда существа, эволюционирующие из низших царств, только приближаются к порогу человеческого состояния, на планету приходят неудачники из предыдущего круга, которые воплощаются первыми; и только потом человеческого уровня достигают наиболее совершенные из числа уже дифференцированных животных форм. Однако в отличие от положений эзотерической доктрины, имеющих непосредственное отношение к текущей эволюции нашей нынешней расы, эти рассуждения, касающимися самых ранних этапов мировой эволюции, имеют для нас всего лишь отвлечённый познавательный интерес; и потому, как бы я ни старался, я всё равно пока не смогу изложить данную тему во всех подробностях.

73 *Манватары* (санскр.) — период проявления, или развития, сотворённого мира, которой составляет одну четырнадцатую дня Брахмы.

74 *Пралайя* (санскр.) — период обскурации, или покоя — планетного, космического или вселенского; противоположен манвантаре.

75 *Facon de parler* (франц.) — «образное выражением».

ГЛАВА IX. БУДДА

Рождение исторического Будды, как это хорошо известно хранителям эзотерического учения, вовсе не сопровождалось всеми теми странными чудесами, которыми окружает его народное предание. А его продвижение его к состоянию адепта не было сопряжено с теми сверхъестественными борениями, которые приписывает ему символическая легенда; во всяком случае, эти сюжеты не следует воспринимать буквально. Более того, оккультная наука рассматривает воплощение Будды, которое можно назвать (хотя это и будет крайне поверхностным определением) рождением, как событие оного порядка, нежели обычные рождения, а духовное развитие, достигнутое Буддой в течение его земной жизни, — как процесс, отличный от обычной интеллектуальной эволюции, которую мы можем наблюдать на примере ментального становления любого другого философа. Ошибка, которую допускает при изучении проблем подобного рода большинство европейских авторов, объясняется их склонностью рассматривать экзотерическую легенду либо как рассказ о чудесах, к которому уже нечего добавить, либо как чистой воды миф, призванный украсить выдающуюся жизнь фантастическими подробностями. Более того, они уверены, что эта жизнь, какой бы выдающейся она ни была, могла быть прожита только в соответствии с естественнонаучными теориями, принятыми и признанными в нашем девятнадцатом столетии. Однако учения, изложены на предыдущих страницах данной книги, позволяют нам теперь выслушать мнение оккультной науки об истинном Будде, родившемся, как совершенно точно установлено современными исследованиями, за 643 года до начала христианской эры в Капилавасту, недалеко от Бенареса.

Экзотерические концепции, ничего не зная о законах, управляющих действиями природы в более возвышенных её областях, могут объяснить сверхчеловеческое величие некоторых личностей, лишь предполагая, что их физические тела были рождены каким-то чудесным образом. Отсюда происходит и распространённая легенда о том, что Будда воплотился в этом мире благодаря непорочному зачатию. Оккультной науке ничего не известно о каких-либо иных процессах сотворения человеческих младенцев, помимо предписываемых физическими законами, но зато ей многое известно о тех критериях, которыми руководствуется «единая жизнь», или «духовная монада», или непрерывная нить, на которую нанизываются последовательные воплощения при выборе тела того или иного ребёнка как своего будущего земного вместилища. Этот выбор для рядового большинства человечества осуществляется автоматически, благодаря действию кармы, то есть неосознанно для Эго, выходящего из состояния дэвакхана. Однако в тех исключительных случаях, когда единая жизнь уже успела проникнуть в шестой принцип, или, иначе говоря, когда человек уже стал адептом и обрёл способность осознанно руководить собственным духовным Эго в том, что касается его ближайших действий, такой человек, покинув (на время или навсегда) то тело, в котором он достиг состояния адепта, способен сам выбирать для себя следующее воплощение. Уже во время жизни он поднимается над притяжением дэвакхана, чтобы стать одною из сознательных направляющих сил той планетной системы, к которой он принадлежит. Но как ни велика тайна этого осознанно избранного перевоплощения, её ни в коем случае не следует ограничивать такими уникальными событиями, как рождение Будды. Этот феномен нередко воспроизводится высшими адептами и в наши дни. И хотя многое из того, о чём повествует восточная мифология, представляет собой чистую фантазию и полностью символично, перевоплощения тибетских далай-[76] и таши-лам[77], над которыми путешественники только потешаются по причине недостатка знаний, которые позволили бы им отличить факт от вымысла, представляют собою строго научное достижение. В таких случаях адепт заранее определяет, в каком ребёнке, где и когда рождённом, он намерен перевоплотиться, и при этом ошибается крайне редко. Мы говорим «крайне редко», потому что некоторые обстоятельства физического характера невозможно полностью предусмотреть заранее. Несмотря на предвидение, которым обладает адепт, нельзя быть абсолютно уверенным в том, что ребёнок, избранный им для своего следующего воплощения, благополучно достигнет физической зрелости. Кроме того, воплощаясь в *физическом теле*, адепт становится относительно беспомощным. Вне тела он остаётся тем же, кем стал, достигнув состояния адепта; но избрав себе для обитания новое тело, он вынужден позволить ему расти обычным порядком, в соответствии с законами природы, обучить его обычным навыкам и посвятить его посредством традиционных оккультных методов в адептство, прежде чем это тело станет полностью пригодным для дальнейшей оккультной деятельности на физическом плане. Разумеется, для адепта все эти процессы в значительной мере облегчаются благодаря действующей в нём особой духовной силе; но поначалу, находясь в теле ребёнка, душа адепта, конечно же, чувствует себя ограниченной и стеснённой и, как может подсказать нам наше человеческое воображение, весьма неудовлетворённой и даже несчастной. Однако у читателя сложится совершенно неверное представление, если он вообразит, будто перевоплощение, подобное вышеописанному, является привилегией, которой адепт пользуется ради собственного удовольствия.

Рождение Будды принадлежит к разряду таинств, подобных описанному. И в свете того, что мы уже сказали, нам несложно будет выйти за рамки традиционной легенды о его чудесном происхождении и выявить фактические источники, положенные в основу символических описаний и притч, даже самых курьёзных по своему звучанию. Например, едва ли можно отыскать что-либо менее напоминающее подлинный научный факт, нежели утверждение, будто Будда

76 *Далай-лама* (тибет.) — буквально, «океан-учитель», то есть учитель, чьи знания бесконечны, как океан; титул главы ламаистского духовенства, являвшегося до присоединения Тибета к Китаю (в 1951 году) также главою светской власти в Тибете. Защитник и покровитель верующих, земное воплощение Авалокитешвары, олицетворяющего милосердие.

77 *Таши-лама*, иначе панчен-лама, или панчхенримпоче (тибет.) — буквально, «драгоценное великое знание»; титул хранителя учения школы гелугпа и духовного наставника далай-ламы; почитается воплощением будды Амитабхи.

вошёл в бок своей матери в образе белого слонёнка. Но белый слон — это просто символ адепта, ибо и того и другого с полным правом можно назвать столь же прекрасным, сколь и редким творением природы. Аналогичный символизм можно разглядеть и в других легендах, повествующих о состоянии Будды до рождения и указывающих на то, что тело будущего ребёнка было заранее избрано на роль вместилища великого духа, уже наделённого величайшею мудростью и непревзойдённым совершенством. В день его рождения явились Индра и Брахма[78], дабы засвидетельствовать своё почтение ребёнку, и это значит, что силы природы уже находились в подчинении у воплощённого в детском теле Духа. А тридцать два признака Будды, описываемые в легендах при помощи нелепых физических символов, суть разнообразные способности адепта.

То, что просветлённый человеческий дух, воплотившийся на Земле ради просвещения человечества, в качестве своего материального проводника тела, известное под именем Сиддхартха (а впоследствии Гаутама), сын Суддходаны из Капилавасту, *не* было одной из тех редких ошибок, о которых мы говорили выше. Напротив, это был замечательный во всех отношениях выбор, и ничто не помешало Будде достигнуть состояния адепта в его новом теле. А распространённая легенда о его аскетической борьбе и искушениях и об окончательном достижении им состояния Будды под деревом Бо[79] — конечно же, не что иное, как экзотерическое описание его посвящения.

Начиная с этого момента, его деятельность приобрела двойственный характер: ему предстояло реформировать и обновить нормы морали для широких масс населения и оккультную науку — для адептов, так как адептство тоже подвержено циклическим изменениям и нуждается в периодических новых импульсах. Объяснение данного обстоятельства простыми и понятными словами не только полезно в познавательном плане, но и может представлять интерес для всех, кто изучает экзотерический буддизм, так как проливает дополнительный свет на некоторые сложные вопросы более трудной для понимания «северной доктрины».

Будда нисходит на Землю в каждой из семи рас великого планетного периода. Тот Будда, о котором мы ведём речь, был четвёртым в ряду себе подобных; поэтому он упоминается четвёртым в списке, который мистер Рис Дэвидс заимствовал у Бюрнуфа, дабы показать, как северная доктрина была, по мнению самого мистера Риса Дэвидса, расширена за счёт метафизических тонкостей и откровенных глупостей, нагромождённых вокруг простой морали, являющейся собою суть и соль предлагаемой широким массам системы буддизма. Пятый Будда, или Майтрея, придёт после окончательного исчезновения пятой расы, когда шестая раса будет существовать на Земле уже несколько сотен тысяч лет. Шестой Будда придёт в начале седьмой расы, а седьмой — в конце неё.

На первый взгляд, эта последовательность не гармонирует с общим планом человеческой эволюции. Мы находимся сейчас в середине пятой расы, однако с нею связывается только четвёртый Будда, а пятый появится только тогда, когда пятая раса уже практически исчезнет. Тем не менее объяснение этому кажущемуся противоречию можно отыскать, опять-таки, в величественных очертаниях эзотерической космогонии. В начале каждого великого планетного периода, когда фаза затемнения подходит к концу и приливная волна человечества, двигаясь по кругу мировой цепи, достигает пределов планеты, на которой уже несколько миллиардов лет не жили люди, необходим учитель, который взрастил бы на этой планете первый новый урожай человечества. Не забывайте, что предварительная эволюция минерального, растительного и животного царств была осуществлена ещё раньше, в процессе подготовки к новому круговому периоду человечества. Так что с первым вливанием жизненного потока в формы «связующего звена» начинается эволюция первой расы новой человеческой волны. Именно тогда появляется Существо, которое можно назвать Буддой первой расы. Планетный Дух, или Дхиан Коган, который *является*, или (если так можно сказать, игнорируя правила грамматики, во избежание неправильного понимания, которое может возникнуть вследствие использования формы единственного числа) *являются* Буддой, со всеми присущими ему, или им, совершенствами, воплощается среди юных, простодушных и легко поддающихся обучению первенцев нового человечества, чтобы передать первые общие пред-

78 *Индра и Брахма* — божества ведического пантеона. Индра — бог-громовержец и змееборец, Брахма — творец и отец всех богов, прародитель небожителей, демонов и смертных.

79 *Дерево Бо*, или Бодхи — дерево, под которым, согласно преданию, на Гаутаму Шакьямуни снизошло просветление (бодхи) и он достиг состояния Будды.

ставления о добре и зле и первоначальные истины эзотерической науки достаточному числу восприимчивых разумов, дабы быть уверенным, что внушённые таким образом идеи будут звучать в людях, передаваясь из поколения в поколение на протяжении миллионов лет, пока первая раса не завершит свой жизненный путь. Именно это пришествие в начале кругового периода Божественной Сущности в человеческой форме и является исходным пунктом неискоренимого представления об антропоморфном Боге, присущего всем экзотерическим религиям.

Первый Будда того ряда, в котором Гаутама Будда является четвёртым, становится, таким образом, вторым воплощением Авалокитешвары[80] — мистического наименования небесного воинства Дхиан Коганов, или Планетных Духов нашей планетной цепи, — и Гаутама, хотя он и считается в эзотерическом исчислении четвёртым воплощением просветлённого, на самом деле является пятым звеном в цепи и потому по праву принадлежит к нашей, пятой расе.

Как уже было сказано, Авалокитешвара — это мистическое имя небесного воинства Дхиан Коганов; его точное значение «проявленная мудрость», в то время как Адибудда[81] и Амитабха[82] подразумевают абстрактную мудрость.

Цитируемое мистером Дэвидсом учение о том, что «у каждого земного, смертного Будды есть свой чистый и славный двойник в мистическом мире, свободный ото всех унизительных ограничений материальной жизни, или, вернее, что Будда, существующий в материальном мире, есть только видимость, отражение, или эманация, или образ Дхьяни-будды»[83], совершенно справедливо. Число дхьяни-будд, или Дхиан Коганов, или планетных духов, совершенных человеческих духов предыдущих мировых периодов, бесконечно; однако из них в экзотерических учениях практически известны только пять, а в эзотерических — семь. При этом следует помнить, что это — всего лишь символический образ, который нельзя воспринимать слишком буквально, поскольку в той возвышенной духовной жизни, о которой мы ведём речь, существует единство, не оставляющее места для обособленной индивидуальности.

Несложно заметить, что эта схема идеально сочетается с теми учениями о природе, о которых шла речь в предыдущих главах, и потому едва ли следует относить её на счёт мистического воображения. Дхьяни-будды, или Дхиан Коганы — это совершенное человечество предшествовавших манвантар; и именно их *коллективный разум* ошибочно называемый мистером Рисом Дэвидсом сравнительно недавним изобретением северных буддистов, подразумевается под именем «Адибудда». Адибудда есть изначальная мудрость, о которой упоминается в самых древних санскритских книгах. Например, в философских комментариях к «Мандукья упанишаде», написанных Гаудападой[84], санскритским писателем и современником самого Будды, этот термин часто употребляется и объясняется в полном соответствии с нашей трактовкой. Один мой индийский друг — брахман[85], пандит[86], обладающий непревзойдёнными познаниями в области санскритологии, — показывал мне имеющийся у него экземпляр этой книги, которая, как ему известно, никогда не переводилась на английский. При этом он обратил моё внимание на одну фразу, имеющую непосредственное отношение к обсуждаемому нами сейчас вопросу, и сам перевёл её для меня следующим образом: «По сути дела, и сама пракрити, и Адибудда, и все дхармы[87] существовали извечно». Гаудапада — широко известный писатель-философ, которого почитают и все индуистские, и все буддийские школы. Он был гуру, или духовным учителем, первого Шанкарачарьи[88], о котором мне вскоре придётся рассказать подробнее.

Ко времени воплощения Будды адептство ещё не было той крепкой, сплочённой иерархией, каковой оно сделалось под его влиянием. В истории мира не было эпохи, когда в нём не жили бы адепты; но иногда адепты рассеиваются по всему свету, порою уединяются в своих обителях, временами притягиваются той или иной страною. Наконец, нельзя забывать, что их знания и силы не всегда вдохновлялись теми возвышенными и строгими нравственными принципами, которые Будда ввёл в их позднейшую и самую возвышенную организацию. Осуществлённая им реформа оккультного мира стала возможной благодаря его великому самопожертвованию — беспримерному самоотречению, побудившему его отказаться от блаженного состояния нирваны, коего он вполне заслужил по окончании своей земной жизни, достигнув просветления. Он согласился взвалить на себя бремя новых воплощений ради продолжения начатого им дела,

80 *Авалокитешвара* (санскр.) — буквально, «наблюдающий за звуками мира». В буддийской мифологии махаяны и ваджраяны один из главных бодхисаттв, олицетворение милосердия и сострадания, Спаситель всех людей. В эзотерической философии олицетворяет Логос — как небесный, так и человеческий.

81 *Адибудда* (санскрит. «вечный свет») — в буддийской мифологии махаяны и ваджраяны «изначальный будда», то есть первый и наивысший будда. Персонификация сущности всех будд и бодхисаттв.

82 *Амитабха* (санскрит. «неизмеримый свет») — в буддийской мифологии махаяны и ваджраяны один из пяти дхьяни-будд (т. е. эманаций верховного Адибудды) в махаяне, создатель и владыка Западного рая Сукхавати, где возраждаются все, уверовавшие в него. Амитабха — воплощение милосердия и сострадания ко всем живым существам.

83 *Дхьяни-будды* (санскр.) — буквально, имеющие «сострадательное сердце»; в буддийской мифологии махаяны и ваджраяны — эманация верховного Адибудды.

84 *Гаудапада* — учитель Говинды, наставника Шанкары; согласно преданию, жил в VI или VII веке, в период распространения буддизма. Труды Гаудапады содержат первое систематическое изложение и истолкование философии адвайта-веданты.

85 *Брахман* — здесь представитель высшей, жреческой варны, или касты.

86 *Пандит* — человек, получивший традиционное образование, знающий шастры; в настоящее время может употребляться как уважительный титул образованного человека.

87 *Дхарма* (санскр., от корня «дхар» — «держать», «поддерживать») — буквально, «то, на чём держится» (мир или общество) — одно из важнейших понятий индуистской и буддийской культуры; священный закон, закон бытия. Буддисты называют дхармой само учение Будды. В философии буддизма этим термином обозначаются мельчайшие неделимые духовные частицы, или элементы существования, которые собственно и представляют собой единственную реальность, а сочетание их — не более чем название, покрывающее множество элементов, или дхарм.

88 *...первого Шанкарачарьи...* — Шанкарачарья (санскр. «учитель Шанкара»), Шанкара («дающий благополучие», «благостный»), также Ади-Шанкара («изначальный Шанкара», в отличие от титулов глав основанных им монашеских орденов) — великий философ индуизма (788-812), крупнейший вероучитель шиваизма и классик направления адвайта-веданты. Его главные произведения — комментарии на «Брахма-сутры», 11 старших упанишад, «Бхагавадгиту»; религиозно-философские поэмы, гимны.

дабы принести ещё большую пользу человечеству. После жизни в облике Гаутамы Будды он воплотился в личности великого учителя, о котором мало говорится в экзотерических сочинениях о буддизме, хотя без знания его жизни невозможно правильно определить ту роль, которую играет на Востоке эзотерическая наука. Этим учителем был Шанкарачарья. Последнюю часть его имени расшифровать несложно: «ачарья» означает учитель. Всё имя превратилось в титул[89] и так сохранилось до наших дней, хотя и при странных обстоятельствах. Его современные носители не составляют единую линию духовных воплощений Будды.

Когда Шанкарачарья появился в Индии, никто не обратил внимания на его рождение. Произошло это на Малабарском побережье, примерно через шестьдесят лет после смерти Гаутамы Будды. Эзотерическое учение высказывается в пользу того, что Шанкарачарья *был* во всех отношениях тем же самым Буддой, только в новом теле. Данная точка зрения неприемлема для *непосвящённых* индуистских авторитетов, которые относят жизнь Шанкарачарьи к гораздо более позднему времени и почитают его как учителя, совершенно независимого от буддизма и даже несогласного с ним. Однако *посвящённые* в эзотерическую науку, как буддисты, так и индуисты, поддерживают наш взгляд на Шанкарачарью. Эти сведения я получил не непосредственно от своего тибетского наставника, а от одного брахмана-адвайтиста[90] из Южной Индии, который уверял меня, что все посвящённые брахманы сказали бы мне то же самое. Некоторые последующие воплощения Будды описываются как озарение духом Будды того или иного человека, но в лице Шанкарачарьи он сам возвращался на землю. Целью этого возвращения было заполнение нескольких пробелов и исправление некоторых ошибок в его первоначальном учении, ибо эзотерический буддизм полагает, что даже Будда не может быть абсолютно непогрешимым в каждый момент своей деятельности.

Проблема состояла в следующем. До прихода Будды индийские брахманы ревностно оберегали оккультное знание, как исключительное достояние собственной касты. Исключения делались иногда для представителей касты кшатриев[91], однако соблюдение тайны всегда считалось одним из самых важных правил. Будда нарушил это правило, заявив, что путь к достижению состояния адепта должен быть открыт для всех каст без исключения. В принципе, эту реформу можно признать совершенно справедливой, однако она серьёзно встревожила брахманов, считавших, что это приведёт к упадку оккультного знания, ибо это знание передавалось в недостойные руки — недостойные не просто из-за низкого кастового положения, но из-за низкого уровня нравственности, который, по их мнению, проникнет в оккультное братство вместе с новыми, низкородными братьями. Брахманы вовсе не утверждали, что всякий человек, рождённый брахманом, обязательно должен быть добродетельным и достойным доверия; их аргументы сводились к тому, что к секретам и власти посвящённых не следует допускать никого, кроме наиболее достойных и надёжных. Вот почему необходимо не только воздвигать на пути к посвящению всевозможные преграды, испытания и экзамены, но и избирать претендентов только из того общественного класса, который вообще, в силу имеющихся у него наследственных преимуществ, лучше всех подготовлен для воспитания достойных кандидатов.

Дальнейшие события полностью подтвердили обоснованность опасений брахманов, и следующее после жизни в лице Шанкарачарьи воплощение Будды явилось практическим признанием данного факта. Пребывая в облике Шанкарачарьи, Будда заранее попытался сгладить противоречия между индийскими сектами, дабы уменьшить накал их будущих раздоров, неизбежность которых он предвидел. Активное противодействие брахманов распространению буддизма началось во времена Ашоки[92], так как энергичные усилия этого правителя в поддержку буддийского вероучения вызвали у брахманов ощущение угрозы их общественному и политическому превосходству. Следует помнить, что даже посвящённые не всегда свободны от предубеждений собственной личности. Они обладают *некоторыми* богоподобными качествами, при первом знакомстве с которыми люди несведущие склонны делать поспешный вывод, будто посвящённые полностью свободны от человеческих слабостей. Посвящение и оккультное знание как таковые, конечно же, создают узы единства между адептами всех наций, и узы эти намного прочнее всех иных. Однако известны примеры, показывающие, что даже им не по силам изгладить все противоречия. Так, посвящённые буддисты и брахманисты изучаемого нами периода не были единодушны во всех вопросах, ибо брахманы весьма решительно осуждали буддийскую реформацию в её экзотерических аспектах. Чандрагупта, дед Ашоки, был выскочкой: его семья принадлежала к касте шудр[93]. Этого было достаточно, чтобы буддийская политика Ашоки вызвала неприязнь со стороны представителей ортодоксальной веры брахманизма. Со временем их борьба приняла самые ожесточённые формы, хотя общеизвестная история не сообщает на сей счёт почти никаких, а то и вовсе никаких подробностей. Первоначальный буддизм потерпел сокрушительное поражение, и в правление Викрамадитьи (ок. 80 г. до н. э.)[94] доминирующее положение брахманов было полностью восстановлено. Однако ещё до начала этой великой борьбы Шанкарачарья объехал всю Индию и

89 *Всё имя превратилось в титул...* — Шанкарачарья — титул духовных вождей шиваизма, возглавляющих монашеские ордена и монастыри, основанные Шанкарой для сохранения и развития традиций адвайта-веданты и шиваизма. Шанкарачарья является абсолютным духовным авторитетом, сам выбирает и готовит себе преемника, который принимает титул Шанкарачарья после его смерти; таким образом поддерживается непрерывная линия духовного водительства, ведущая своё начало от самого Шанкары.

90 *...Эти сведения я получил... от одного брахмана-адвайтиста...* — То есть от последователя адвайты, идуисского философского учения, которое является одной из основных разновидностей веданты и развитого Шанкарой (в VIII-IX веках). *Адвайта* (санскр.) — буквально означает «недвойственность», в противоположность двайте — двойственности.

91 *Кшатрии* — представление второй по статусу варны, или касты в древней Индии; их дхармой была охрана подданных, война и управление.

92 *Ашока* — знаменитый индийский правитель Магадхи (268-232 гг. до н.э.) из династии Мориа. Государство Ашоки охватывало территории почти всей Индии и часть современного Афганистана. Покровительствовал буддизму.

93 *Шудры* — представители низшей, четвёртой варны, или касты в древней Индии.

94 *Викрамадитья* — индийский царь, одержавший победу над скифами, в ознаменование чего в Северной Индии было принято летоисчисление с эры Викрама, начинающееся с 58-57 гг. до н.э.

основал в нескольких крупных центрах страны *матхамы*, или философские школы[95]. На осуществление этой задачи он потратил всего несколько лет, но влияние его учения оказалось столь огромным, что его величие совершенно затмило своим светом те перемены, которые они произвели в сознании людей. Шанкарачарье удалось на практике гармонировать экзотерический индуизм с эзотерической «религией мудрости», тем самым предоставив людям возможность наслаждаться своими древними мифами, но при этом всегда и во всём полагаться на философское руководство эзотерических буддистов, так как он смог примирить эзотерический буддизм со всеми обязательными элементами брахманизма. Главная беда старого экзотерического индуизма состояла в том, что он был слишком привязан к суетному церемониалу и к внешнему, идолопоклонническому аспекту божеств индусского пантеона. И в комментариях к упанишадам, и в своих оригинальных сочинениях Шанкарачарья подчёркивал, что для достижения *мокши* необходимо следовать *джнянаму*[96], то есть, иными словами, для духовного развития и достижения его наивысшей цели необходимо обрести тайное знание. Он основал систему веданты[97]. Само это слово означает окончание или венец знания, хотя подтверждение правильности данной системы Шанкарачарья заимствовал из ещё более древних сочинений Вьясы[98] — автора «Махабхараты», пуран и «Брахмасутры». Надеюсь, читатель понимает, что эти утверждения я делаю не на основании собственных исследований, так как я не настолько большой знаток восточной науки, чтобы позволить себе самостоятельные выводы подобного масштаба, но исключительно опираясь на авторитет посвящённого брахмана — выдающегося учёного-санскритолога и к тому же оккультиста.

В настоящее время школа веданты практически тождественна индуизму, хотя она, конечно, допускает существование некоторых особых сект — таких, как сикхизм[99], валлабхачарьи[100] или махараджи[101], пользующихся, на мой взгляд, незаслуженной славой. Сама веданта разделяется на три основных течения: адвайта, вишишта-адвайта и двайта. Суть учение адвайты вкратце сводится к тому, что *Брахман*[102], или *Пуруша*[103], вселенский дух, действует только через *пракрити*[104] — материю; и всё существующее происходит, таким образом, благодаря изначально присущей материи энергии. Следовательно, Брахман, или Парабрахман[105], есть пассивный, непостижимый, бессознательный принцип, составляющий сущность, единую жизнь или энергию вселенной.

С этой точки зрения учение адвайты идентично трансцендентному материализму эзотерической буддийской философии адептов. Слово «адвайта» означает «*не-двойственный*» и подразумевает, с одной стороны, «не-двойственность», то есть единство вселенского духа, или буддийской единой жизни, противопоставляемое двойственному характеру его проявления через антропоморфные эманации, а с другой стороны — единство вселенского духа с человеческим.

Естественным следствием этого учения является признание адвайтистами буддийской доктрины кармы и представление о том, что будущая судьба человека целиком и полностью зависит от причин, порождённых им самим.

Вишишта-адвайтисты несколько видоизменяют это учение, добавляя к ним Вишну как сознательное божество, первичную эманацию Парабрахмана. Вишну считается личным Богом, способным вмешиваться в течение человеческой судьбы. Они не признают *йогу*, духовную самоподготовку эффективным способом духовного развития, но считают, что последнее зависит прежде всего от *бхакти* — преданности[106]. Если попытаться переложить это на язык европейской теологии, то можно сказать, что адвайтисты верят в спасение только через собственные усилия, а вишишта-адвайтисты — в спасение божественною милостью. Концепция двайты незначительно отличается от вишишта-адвайты. Двайтисты ещё более энергично утверждают, используя при этом свою особую терминологию, двойствен-

---

95 *Матхам, матха, матх* (санскр. — хижина, место уединения, храм) — индуистский монастырь, центр региональной системы храмов, возглавляемый авторитетным духовным лидером.

96 *...для достижения мокши необходимо следовать джнянаму...* — Мокша (санскр.) — буквально, избавление, освобождение; в индуизме предельная, окончательная цель стремлений, понимаемая как избавление от всякой изменчивости, от перевоплощений и страданий бытия; в буддизме — освобождение от круговорота рождений и смерти, синоним нирваны.
Джнянам, или джняна (санкср.) — знание, мудрость, непосредственное духовное осознание высшего Бытия.

97 *Веданта* (санкср., буквально — «конец Вед») — наиболее распространённое индуистское религиозно-философское течение, одна из шести ортодоксальных (признающих авторитет Вед) систем.

98 *Вьяса* (санскр.) — буквально, «Разделитель» (единой прежде Веды); легендарный древнеиндийский поэт и философ; считается автором «Махабхараты» и пуран, создателем философии веданты.

99 *Сикхизм* (от санскр. «шишья» — «ученик») — секта в индуизме, возникшая в XVI в. и затем превратившаяся в самостоятельную религию, получившую распространение главным образом в Пенджабе. Основной является единобожие, отрицание идолопоклонства, аскетизма, каст, проповедь равенства перед богом.

100 *Валлабхачарьи*, или валлабхиты — члены секты пушти-марг (санскр., буквально «путь поддержки»), кришнаитской секты, основанной одним из крупнейших проповедников, бхакти Валлабхачарьей (1478-1530).

101 *Махараджи*, или маханубхавы — приверженцы одного из направлений бхакти в Махараштре, возникшего в XIII в.; конфронтировали с официальным индуизмом.

102 *Брахман* (от санскр. корня «расти») — безличная абсолютная реальность, основа всего сущего, постигая которую человек достигает джняны и мокши.

103 *Пуруша* (санкср. — небесный человек) — дух, духовное Я человека; в поздневедической литературе нередко отождествляется с понятием Атмана или Брахмана.

104 *Пракрити* (санскр.) — природа вообще; вместе с Пурушей — духовной природой, или духом, является одним из двух первичных аспектов Единого Непознаваемого Божества.

105 *Парабрахман* (санскр.) — буквально, «за пределами Брахмана»; абсолют, реальность, лишённая атрибутов; безличный и безыменный всемирный принцип.

106 *Бхакти* (санскр.) — буквально, причастность, преданность, служение (богу). Религиозное течение в индуизме, на основе которого в XII-XVII вв. развилось народное сектантское движение в Индии; провозглашало равенство людей перед богом, отрицало деление на касты.

ность человеческого духа и высшего принципа вселенной, а также считают неотъемлемой составляющей *бхакти* исполнение многочисленных церемониальных ритуалов.

Впрочем, необходимо помнить о том, что все эти различия касаются только экзотерических вариаций одной и той же фундаментальной доктрины, которую разные учителя передавали в различных редакциях, зависевших от способности людей воспринимать и усваивать трансцендентные идеи.

Все лидеры ведантистской мысли относятся к Шанкарачарье и к основанным им матхамам с величайшим возможным почтением, а их внутренняя вера всегда восходит к единому эзотерическому учению. Не будет преувеличением сказать, что посвящённые всех школ Индии взаимодействуют друг с другом. Если не принимать во внимание различия в терминологии, то система космогонии буддийских Архатов, изложенная в общих чертах в этой книге, в точности соответствует той, которой придерживаются посвящённые брахманы и которую они исповедовали ещё до рождения Будды. Откуда же они это учение получили? — может спросить читатель. Сами посвящённые могли бы ответить, что получили свои знания от Планетарного Духа, или Дхиан Когана, который первым посетил эту планету на заре человеческой расы нынешнего кругового периода, так много миллионов лет назад, что я не решаюсь даже высказывать какие-либо догадки на сей счёт, в то время как точная цифра держится в тайне.

Шанкарачарья основал четыре основных матхама: один — в Шрингери, в Южной Индии, всегда считавшийся самым важным из всех; второй — в Джаггернатхе, в Ориссе; третий — в Двараке, в Катхияваре; и четвёртый — в Ганготри, на севере, на склонах Гималаев. Настоятель монастыря Шрингери, в дополнение к своему собственному имени, всегда носил титул *Шанкарачарья*. Эти четыре главных центра основали со временем и другие матхамы, которые существуют теперь по всей территории Индии, оказывая решающее влияние на развитие индуизма.

Я уже говорил, что ко времени своего третьего воплощения Будда ясно осознавал, что в своей безграничной любви и надежде на усовершенствование человечества он слишком широко распахнул врата оккультного святилища. Его третьим воплощением явилась личность Цонкапы[107] — великого тибетского адепта-реформатора четырнадцатого столетия. В этом существовании он был занят, главным образом, делами братства адептов, значительная часть которых к тому времени была сосредоточена в Тибете.

С незапамятных времён в Тибете существует особая тайная область, по сей день неведомая и недоступная ни для кого, кроме посвящённых, недосягаемая для обычных людей — как живущих в окрестных горах, как и приезжих. В этой области всегда собирались адепты. Однако во времена Будды эта местность ещё не являлась той избранной обителью великого братства, каковой она стала впоследствии. В прежние времена Махатмы в гораздо большей степени, нежели теперь, были рассеяны по свету. Но развитие цивилизации, порождающее столь тягостный для них магнетизм, к тому времени, о котором мы теперь ведём речь, то есть к четырнадцатому веку, привело к тому, что рассеянные прежде по свету оккультисты потянулись отовсюду в сторону Тибета. Распространение оккультных знаний и сил действительно оказалось слишком широким, чтобы совместиться с безопасностью человеческого рода. И Цонкапа взял на себя задачу подчинить их системе строгих правил и законов.

Не желая восстанавливать прежнюю несправедливую систему, основанную на кастовой исключительности, он разработал свод правил для наставления адептов, целью которого было удаление из оккультной организации всех случайных людей. Следовать новым правилам могли только те, кто искал оккультного знания, руководствуясь духом самой искренней и возвышенной преданности принципам совершенной морали.

В опубликованной в журнале «Theosophist» за март 1882 года статье «Перевоплощения в Тибете» (в правильности мистических трактовок которой я более чем уверен, поскольку получил соответствующие тому подтверждения) приводится большое количество важной информации, касающейся одного из аспектов рассматриваемой нами в настоящее время проблемы, а также говорится о связях эзотерического буддизма с Тибетом, — поистине, неисчерпаемая тема для каждого, кто желает знать как можно больше о буддизме в его истинном значении.

«Непрерывная система ламаистских воплощений “Сангиаса” (или Будды) начинается с Цонкапы, — читаем мы. — Вопреки распространённому мнению, этот реформатор не являлся воплощением одного из пяти небесных Дхьяни-будд[108], созданных, как говорят, самим Шакьямуни после достижения им нирваны; он был воплощением Амиты[109] (одно из китайских имен Будды). Хроники, сохранившиеся в гонпа[110] (ламаистком монастыре) Ташилхумпо[111], свидетельствуют о том, что Сангиас воплотился в Цонкапу вследствие величайшего осквернения, которому подверглось его учение. До этого воплощались только пять небесных будд и их боддхисаттвы[112]: каждый из будд создаёт (читай, осеняет своею духовной мудростью) пятерых боддхисаттв... Одной из многих реформ, произведённых Цонкапой, был

107 *Цонкапа Лобсанг-дракпа* (1357-1419) — тибетский религиозный деятель, учёный, проповедник, автор программных трактатов «Золотые чётки», «Ступени великого Пути», «Ступени тантры»; основатель школы гелугпа и её учения, ставшего государственной идеологией Тибета вплоть до середины XX века.

108 *Дхьяни-будды* (санскр.) — буквально, «имеющие сострадательное сердце». В буддизме этот термин относится к пяти буддам из группы «пяти татхагат», именуемым Панча-татхагата; это пять высших будд пантеона ваджраяны: белый Вайрочана, красный Амитабха, жёлтый Ратнасамбхава, синий Акшобхья и зеленый Амогхасиддхи.

109 *Амита* (китайск), Амида (японск.), Амитабха (санскр.) — будда «неизмеримого света».

110 *Гонпа*, или гомпа (тибет.) — храм или монастырь.

111 *Ташилхумпо* — монастырь школы телугпа в Западном Тибете, основанный в 1447 г. и до середины XX в. являвшийся резиденцией панчхен-ламы.

112 *Боддхисаттва* (санскр.) — буквально, «тот, чья сущность (саттва) стала разумом (бодхи)»; ступень, предшествующая состоянию будды. Высший нравственный подвиг бодхисаттвы состоит в том, что, достигнув состояния нирваны, он предпочитает не становиться буддой, а остаётся в сансаре, добровольно подчиняясь законам кармы, оказывая помощь всем живым существам на пути к просветлению.

запрет некромантии[113], которую по сей день практикуют, со всеми сопутствующими ей отвратительными ритуалами, *бонпо*[114] — аборигены Тибета, с которыми всегда поддерживали тесные братские связи «красные шапки», или «шаммары»; вот почему бонпо воспротивились власти Цонкапы. Результатом этой реформации стал раскол между двумя сектами. Полностью отделившись от *гелугпа*[115], *дугпа* (красные шапки)[116] с самого начала составляли незначительное меньшинство, рассеянное по разным областям Тибета, главным образом, по его приграничным районам и прежде всего — в Непале и Бутане. Но хотя дугпа сохраняли некоторую независимость в монастыре Сакья-Кхонг — тибетской резиденции своего духовного лидера Гонгсо-римпоче, бутанцы с самого начала подчинялись далай-ламам и зависели от них.

Таши-ламы всегда считались более могущественными и более почитаемыми, чем далай-ламы. Последние сами являются творением таши-ламы Набанг-лобсанга — шестого воплощения Цонкапы, который был, в свою очередь, воплощением Амитабхи, или Будды».

Некоторые исследователи буддизма разделяют теорию, сформулированную мистером Клеменцем Маркхэмом в его «Рассказе о миссии Джорджа Богла в Тибет». Согласно этой теории, первоначальные буддийские писания перенёс на Цейлон сын Ашоки, в то время как буддизм, проникший в Тибет из Индии и Китая, оказался со временем перегруженным догмами и метафизическими спекуляциями. А профессор Макс Мюллер[117] добавляет: «Самым важным элементом буддийских реформ всегда был социальный и моральный кодекс, а не метафизические теории. Этот моральный кодекс является одним из самых совершенных из всех, которые когда-либо знал мир; и это благословение буддизм принёс с собою в Тибет».

«Это благословение», — как сказано в авторитетной статье в журнале “Theosophist”, фрагмент из которой мы только что цитировали, — пустило корни и распространилось по всей стране; и потому нет на свете народа более доброго, чистого разума, простого и богобоязненного, нежели тибетцы. Однако при всём этом простонародный ламаизм, в сравнении с подлинно эзотерическим буддизмом Тибета, буддизмом архатов, выглядит так же, как истоптанный десятками подошв снег на просёлочной дороге в сравнении с безукоризненно чистым снегом, сияющим на вершине высокой горы, где не ступает нога человека».

В действительности Цейлон наполнен экзотерическим, а Тибет — эзотерическим буддизмом. Цейлонцев интересует только или главным образом мораль, а тибетцев или, вернее, тибетских адептов — наука буддизма.

Приведённые выше объяснения представляют собой лишь краткий очерк рассматриваемой проблемы. У меня нет достаточных аргументов и возможности представить читателю полную, завершённую картину взаимоотношений между внутренними принципами индуизма и буддизма. Я полностью признаю возможность того, что многие образованные и прилежные ученики после долгого и скрупулёзного изучения данного вопроса могут прийти к выводам, на первый взгляд, противоречащим тем объяснениям, которые мне было позволено дать в этой книге. На это я могу сказать только то, что данные объяснения были получены мною непосредственно от авторитетов, коим изучаемая тема одинаково хорошо знакома как в своём академическом, так и в эзотерическом аспекте. Их внутреннее знание озаряет своим светом всё вокруг, полностью избавляя их от опасности неправильного истолкования текстов или неверной расшифровки завуалированных символов.

Знать, когда родился Гаутама Будда, читать трактаты о его учениях и изучать распространённые легенды, собранные вокруг его биографии, — значит не знать почти ничего о реальном Будде, личности гораздо более великой, нежели все исторические учителя этики или фантастические полубоги преданий. И только тогда, когда мы сможем осознать взаимосвязь между буддизмом и брахманизмом, величие эзотерической доктрины предстанет перед нами в своём истинном масштабе.

113 *Некромантия* (греч.) — оживление образов умерших, к которому прибегают колдуны и прочие представители чёрной магии.

114 *Бонпо*, или бон (тибетск. — букв. «заклинать», «призывать») — система религиозных представлений тибетцев; включает народные культы, шаманские верования, а также заимствования из древнеиранской религии и элементы буддизма.

115 *Гелугпа* (тибет. — «закон добродетели») — главная секта тибетского буддизма, основанная около 1400 г. Цонкапой; иначе называется «сектой жёлтых шапок», по цвету головных уборов священнослужителей и монахов.

116 *Дугпа* (от Тибет. «дуг» — букв. «гром») — секта ваджраяны, наиболее распространённая в Бутане; одно из ответвлений школы кагьюдпа, принадлежащей к секте «красных шапок».

117 *Мюллер Макс* (1823-1900) — видный английский филолог-востоковед, специалист в области общего языкознания, индологии, мифологии и сравнительного религиоведения; автор огромного числа переводов и теоретических трудов.

ГЛАВА X. НИРВАНА

Вдумчивое усвоение той части эзотерической доктрины, которую мы уже успели изложить, позволяет нам вплотную приблизиться к рассмотрению вопроса, который экзотерические авторы, писавшие о буддизме, называли обычно отправной точкой всего этого вероучения.

За неимением лучшего метода исследования истинного смысла понятия «нирвана», исследователи буддизма до сих пор, как правило, разбирали его составные части, изучая его корни и элементы. Однако с тем же успехом можно было бы резать и расслаивать бумажный лист, на котором нарисован цветок, пытаясь уловить аромат этого цветка. Умам, воспитанным на интеллектуальных процессах физических исследований (а процессы эти распространяют своё прямое или косвенное влияние на все западные умы нашего девятнадцатого столетия), трудно постигнуть первое духовное состояние, возвышающееся над нашей земной жизнью, то есть дэвакхан. Подобные условия существования лишь отчасти доступны пониманию, так как для полного их осознания необходимо использовать высшие способности; более того, это невозможно передать посредством слов. Для того, чтобы объяснить ученику суть подобных явлений, настоящий оккультный учитель старается пробудить в нём эти высшие способности и предоставить ему возможность наблюдать самому.

Дэвакхан делится на *семь* сфер, соответствующих различным ступеням духовного просветления, которые могут быть свойственны кандидатам на вхождение в это состояние. В дэвакхане существуют как *рупа-,* так и *арупа-лока*, то есть, иначе говоря, состояния, допускающие субъективное сознание формы, и состояния, превосходящие это сознание. И всё-таки даже наивысшая *арупа-лока* дэвакхана не идёт ни в какое сравнение с тем волшебным состоянием чистой духовности, которое называют нирваной.

Когда духовная монада, следуя обычным, предписанным природой путём в течение круга, завершает своё неизмеримо долгое путешествие от первой планеты до седьмой и временно прекращает своё существование — вернее, все свои многочисленные и разнообразные существования в этой вселенной, включая также и периоды, проведённые в дэвакхане, — тогда Эго переходит в духовное состояние, отличающееся от дэвакханического, и на протяжении непостижимо долгого времени отдыхает, прежде чем возобновить свои странствия по мировым кругам. Это состояние можно назвать «дэвакханом дэвакханов», чем-то вроде обобщения всех пережитых ранее дэвакханических периодов; оно венчает все предыдущие восхождения к субъективной духовности точно та же, как каждое дэвакханическое существование, наступавшее по окончании каждого нисхождения на Землю, венчало слаборазвитые духовные устремления и бескорыстные возвышенные импульсы, приобретённые в физической жизни. Этот межциклический период невероятной одухотворённости — более возвышенный, нежели всё, что человек переживал раньше, и даже субъективные состояния планет восходящей дуги, не говоря уже о тех, которые известны нам сейчас, — называется в эзотерической науке состоянием частичной нирваны. Переместив своё воображение в необозримо далёкое будущее, мы должны представить себе время приближения эпохи, соответствующей межциклическому периоду седьмого круга человечества, в котором люди станут подобны богам. Как только завершается самая последняя, самая возвышенная и славная из объективных жизней, ставшее совершенным духовное существо достигает состояния, в котором к нему возвращается память обо всех ранее прожитых им жизнях, причём во всех их подробностях. Человек может, обернувшись назад, увидеть весь тот странный маскарад, каковым ему представляется теперь цепь пережитых объективных существований, разглядеть по отдельности каждую из своих прошлых земных жизней и каждый мельчайший её эпизод, проникнуть мысленным взором до самых сокровенных глубин их смысла и постичь их внутреннюю связь со всеми вещами, ибо он уже достиг всеведения в масштабах своей планетной цепи. Наивысшее развитие индивидуальности является великой наградой, которую природа жалует не только тем, кто заслужил её, так сказать, преждевременно, благодаря сравнительно короткому, но чудовищно напряженному периоду отчаянной борьбы, ведущей к состоянию адепта, но также и всем, кто, благодаря явному перевесу добра над злом во всей совокупности прожитых воплощений, смог счастливо миновать долину, над которой витает тень смерти, в середине пятого круга, тем самым проложив себе дальнейший путь — в шестой и седьмой круги.

Это необычайно возвышенное, благословенное состояние именуется в эзотерической науке порогом нирваны.

Следует ли нам углубляться в рассуждения по поводу того, что должно быть дальше? Мы могли бы сказать, что ни одно состояние индивидуального сознания, хотя бы даже ощущение отождествления со всеобщим сознанием на данном уровне существования, не может сравниться в своей духовной возвышенности с абсолютным сознанием, в котором всякое чувство индивидуальности растворяется в целом. Мы можем использовать подобного рода выражения в качестве интеллектуальных противопоставлений, однако для рядового разума, пребывающего в плену у физического мозга и порождённого им интеллекта, они едва ли будут иметь какой-то живой, практический смысл.

Единственное, что мы можем передать словами, это то, что нирвана представляет собою возвышенное состояние сознательного покоя во всеведении. После всего, что мы уже рассказали, было бы нелепо заводить разговор о разного рода диспутах, устраиваемых учениками, изучающими экзотерический буддизм, с целью выяснения, предполагает ли нирвана уничтожение, или же нет. Мирские сравнения не в состоянии передать то чувство, с которым воспринимают нирвану знатоки эзотерической науки. Может ли худшее из всех предусмотренных законом наказаний быть наивысшей честью для самых достойных? Является ли деревянная ложка символом самой великой, непревзойдённой учёности? Вопросы, подобные этим, могут служить лишь крайне бледной иллюстрацией той нелепости, которую представляют

собой всякие рассуждения о том, что буддизм может считать нирвану эквивалентной уничтожению. А ведь существует ещё и непостижимое для нас состояние паранирваны[118], которое, как говорят, ещё выше, неизмеримо выше, нежели нирвана. Я не стану даже пытаться каким-то образом прокомментировать это утверждение. Вполне достаточно того, что оно указывает нам, в какие трансцендентные царства мысли способно увести нас изучение данного вопроса.

Весьма серьёзную путаницу в понимание сущности нирваны внесли некоторые утверждения, касающиеся личности Будды. Говорят, что он достиг нирваны, будучи на Земле; говорят также, что он отказался от нирваны, согласившись на новые воплощения ради блага человечества. Однако эти два утверждения вполне совместимы. Как *великий* адепт, Будда, конечно же, достиг той великой цели, к которой стремятся все адепты на Земле: его духовное Эго перешло в невыразимое состояние нирваны. Не следует думать, что для каждого адепта такой переход является чем-то простым и обыденным. До меня доходили лишь отдельные, разрозненные намёки о природе этой великой тайны, и всё-таки мне кажется, что, собрав их все вместе, я смогу позволить себе некоторые оправданные выводы на сей счёт. Переход в нирвану — это выдающийся шаг, на который могут отважиться только высшие посвящённые, ибо он предполагает полную остановку жизнедеятельности тела на период времени, по сравнению с которым самый продолжительный каталептический транс, известный обычной науке, выглядит незначительным, и защита физического тела от естественных процессов распада на всём протяжении этого периода при помощи средств оккультной науки должна быть доведённой до максимального совершенства. Кроме того, всякий, кто решается произвести над собою эксперимент, подвергает своё земное существование двойной опасности. Первая опасность состоит в том, что достигшее нирваны Эго может пожелать вообще не возвращаться обратно. Можно не сомневаться, что возвращение из нирваны является ужасным испытанием и великой жертвой, и решиться на него может только духовный странник, всецело поглощённый мыслью о своём альтруистическом долге, в самом чистом и абстрактном его понимании. Вторая великая опасность связана с тем, что даже если странник сможет заставить чувство ответственности возобладать над искушением остаться — искушением, не отягощённым (следует помнить об этом) мыслью о каком-либо наказании для тех, кто ему поддастся, — даже в этом случае нельзя быть уверенным, что ему удастся вернуться обратно. И всё же, несмотря на это, многие адепты, помимо Будды, смогли осуществить этот великий переход, хотя возвращение в темницу грубой плоти (какой бы утончённой *ex hypothesi*[119] она ни была по сравнению с телами большинства обычных людей) повергало их в состояние паралича, которое могло длиться неделями. Поистине, повторное нисхождение на Землю и возвращение в утомительный круг физических жизней после достижения нирваны — это слишком тяжкое и мучительное испытание.

Самоотречение Будды непостижимым образом превосходит подвиги других адептов, ибо он не просто вернулся из нирваны по велению долга, дабы завершить свою великую миссию, начатую в земной жизни, где он был Гаутамой Буддой, но после того, как его земная миссия была полностью выполнена и он заслужил полное и неоспоримое право погрузиться в нирвану на неисчислимые эоны; однако Будда отказался от этой высочайшей награды, вернее, отложил её на определённый срок, дабы снизойти ещё в ряд воплощений ради блага всего человечества. Какое же благо принесло человечеству это самоотречение? — спросит, возможно, читатель. Однако подобный вопрос может быть продиктован только глубоко укоренившейся привычкой, к сожалению, свойственной большинству из нас, оценивать любое благо физическими мерками, которые навязывают нам, в свою очередь, крайне узкий взгляд на человеческую деятельность. Тот, кто прочёл одну из предшествующих глав этой книги, посвящённую эволюции человечества, едва ли станет задаваться вопросом, какое именно благо Будда намеревался принести людям. Совершенно очевидно, что его волновал важнейший вопрос о том, как помочь наибольшему числу людей перейти через великий критический период пятого круга.

Всё, что происходит до этого, рассматривается адептами, а тем более, Буддой, всего лишь как подготовка к решающей битве. Таким образом, исходя из этой точки зрения, материальное благополучие нынешнего поколения значит не более чем пыль. Единственное, что важно для человечества в настоящий момент, это развивать стремления, способствующие как можно большему числу человеческих Эго выйти на кармический путь, который обеспечит рост и развитие их духовности в будущих рождениях. И конечно же, эзотерические учителя — адепты, соратники Будды — абсолютно убеждены в том, что развитие духовности способно многократно уменьшить существующее в мире количество даже временных, преходящих человеческих страданий. И нельзя считать, что счастье человечества, даже в пределах одного поколения, совершенно не заботит приверженцев эзотерической науки. Не следует думать, что эзотерическая политика безнадёжно высокопарна и совершенно безразлична к людям, живущим на Земле в настоящее время. Однако бывают времена для доброго и для плохого урожая, для созревания пшеницы или ячменя; и точно так же есть времена для духовного роста или духовного застоя среди людей. И если судить по опыту прежних великих рас, то нам едва ли следует рассчитывать на то, что периоды быстрого и головокружительно высокого разума в направлении физического и интеллектуального совершенствования, подобные тому, который мы наблюдаем сейчас, способны принести человечеству богатый урожай в сфере духовности. Поэтому в данный момент самый верный способ принести пользу странам, где интеллектуальный подъём проявляется наиболее рельефно, состоит в том, чтобы убедить их обитателей в необходимости духовного совершенствования при помощи интеллектуальных доводов, пусть даже они не смогут пока что внутренне прочувствовать эту необходимость. Наиболее значительное препятствие на пути продвижения в данном направлении состоит в том, чтобы заручиться серьёзным вниманием этого дотошного и в то же время недружелюбно настроенного судьи; однако любой, даже незначительный успех на этом поприще (чему, я надеюсь, будут способство-

118 *Паранирвана* (санскр.) — состояние окончательного освобождения, достигнутое тем, кто уже никогда не возродится в мире живых существ; абсолютное небытие, которое в то же время есть абсолютное бытие.

119 *Ex hypothesi* (лат.) — гипотетически, предположительно.

вать и мои скромные комментарии) способен подтвердить правоту того, к сожалению, пока ещё очень явного, меньшинства из числа эзотерических наставников человечества, которое всё-таки считает вышеописанное направление своей деятельности перспективным и заслуживающим продолжения.

Итак, нирвана является поистине лейтмотивом[120] эзотерического буддизма, равно как и исследований экзотерических учёных, даже продвигающихся в ошибочном направлении. Великая цель всей грандиозной эволюции человечества состоит в том, что-бы усовершенствовать человеческие души, дабы они смогли в конце концов войти в это непостижимое состояние. А великой победой нынешней расы планетных духов, уже давно достигших этого состояния благодаря собственным усилиям, будет продвижение к этому как можно большего человеческих Эго. Нам пока ещё очень далеко до той эпохи, когда нам будет серьёзно угрожать окончательное лишение прав на это духовное возвышение; однако великий процесс подготовки к этому решающему экзамену целесообразно начать уже сейчас, тем более, что карма, накапливающая плоды наших усилий, предпринимаемых в этом направлении на протяжении многих последовательных жизней, в нужный момент непременно подарит их нам, и в результате когда-нибудь в отдалённом будущем наше просветлённое стремление к благополучному вхождению в ближайший дэвакханический период, а также в следующее перевоплощение.

Если развитие духовности действительно является главной целью, к которой должен стремиться человек, то станет ли кто-то возражать против того, что к этой цели человек может продвигаться, опираясь на авторитет различных религиозных учений? Как было показано в предыдущей главе, Будда в лице Шанкарачарьи, выступал не против других религий, а против распространённой ошибки раннего индуизма, согласно которому *мокша* может быть достигнута путём *бхакти*, независимо от *джняны*, то есть спасение может быть достигнуто путём преданного служения, без постижения вечной истины. Спасение, о котором мы ведём речь, это не просто избежание наказания путём взывания к милосердию небесного монарха; это позитивный, а не негативный результат, восхождение в сферы духовного совершенства настолько возвышенные, что стремление претендента к проникновению в них отождествляется, как правило, со стремлением ко всеведению. Уже судя по тому, каким образом действует природа, можно со всею уверенностью заключить, что никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет стать мудрым человек, который ограничивался только тем, что старался всегда быть добрым. Высшая добродетель и *мудрость* человека шестого круга, который, возвысившись до этого благородного состояния, начинает постепенно приобретать качества самого божества, также приобретаются постепенно и поэтапно. Но лишь одна добродетель, нередко сопряженная, как известно, с самыми фантастическими религиозными верованиями, не в состоянии продвинуть человека далее дэвакханических периодов, наполненных благочестивым, но малоосмысленным восторгом; и если подобная ситуация будет повторяться на протяжении многих существований, это в конечном счёте может завершиться тихим и безболезненным исчезновением индивидуальности в период великого кризиса.

Не бездумное, хотя и благонамеренное, признание модных догм ближайшей церкви, но искреннее стремление и активный поиск настоящей духовной истины позволяют человеку перенести в субъективное состояние свою душу, уже готовую к тому, чтобы черпать истинное знание непосредственно из дремлющего всеведения своего собственного шестого принципа, а также к тому, чтобы в будущем своём воплощении сохранить ранее приобретённый импульс, который позволит её продвигаться далее в прежнем направлении. Ничто не оказывает более пагубного влияния на человеческое развитие в плане индивидуальной эволюции, чем весьма распространённое мнение, будто одна религия ничем не хуже любой другой, если только исполнять её установления со всем усердием и подлинным благочестием; и даже если те или иные религиозные учения представляются откровенно абсурдными, подавляющее большинство добрых людей всё равно не обращает на это внимания и продолжает повторять их, не теряя непоколебимой уверенности в их безупречной святости. Одна религия никак не может быть равнозначна другой, даже если все они предписывают одинаково безупречный, с моральной точки зрения, образ жизни. Однако я предпочитаю воздерживаться от критического анализа отдельных вероучений, дабы эта книга могла остаться простым и безобидным свидетельством того, что существует ещё и истинные, внутренние учения великой, единой общемировой религии, которая, являясь в своих внешних проявлениях бескровным и безгрешным писанием, в действительности предписывала, таким образом, безупречный образ жизни на протяжении всей истории своего существования. Впрочем, бездумное и раболепное принятие учений даже этой всемирной религии не способствует развитию подлинной духовности. Только стремление отыскать истину, изучая и проверяя всё, что претендует на статус божественных установлений, позволяет достичь желаемого результата. На Востоке подобное стремление, подкреплённое непоколебимой решимостью, ведёт к достижению состояния чела и вместе с этим — к обретению истины и знания путём развития внутренних способностей, которые только и могут научить человека с уверенностью отличать правду от вымысла. На Западе, в царстве интеллекта, границы которого определяются историко-географической картиной современности, истина, к сожалению, может устанавливаться и познаваться только при помощи многословных споров и дискуссий. Но всё-таки её можно достигнуть, и даже если её поиски безуспешны, сам факт охоты за нею рождает в душе охотника соответствующую привычку, которая, укоренившись, не преминет принести в будущем свои благотворные плоды.

120 *Лейтмотив* (нем.) — буквально «ведущий мотив»; главная идея, доминирующее начало.

ГЛАВА XI. ВСЕЛЕННАЯ

Во всей восточной литературе, посвящённой строению космоса, постоянно упоминаются о «днях и ночах Брахмы»: вдохах и выдохах творческого принципа, периодах манвантары и пралайи. Эта идея присутствует во многих восточных мифологиях, однако нам нет необходимости рассматривать сейчас её символические аспекты. Отражённый в ней естественный процесс представляет собою поочерёдную смену периодов активности и отдыха, наблюдаемую на всех ступенях великого восхождения от бесконечно малого до бесконечно великого. Для человека манвантара и пралайа чередуются каждые двадцать четыре часа — это периоды сна и бодрствования. Растительная жизнь подчинена тому же самому закону, угасая и снова возрождаясь каждый год, в зависимости от времён года. Весь мир тоже имеет свои манвантары и пралайи, ибо приливная волна человечества наплывает на его берега, проходит эволюционный путь через семь человеческих рас, а затем отступает. При этом большинство экзотерических религий считает одну такую манвантару целым циклом вечности.

Большая манвантара нашей планетной цепи полностью закончится только тогда, когда последний Дхиан Коган седьмого круга достигшего совершенства человечества перейдёт в нирвану. Несложно заметить, что эта формулировка весьма растяжима. Можно даже сказать, что она бесконечно растяжима, и это отчасти объясняет, почему во всех трактатах, посвящённых популярным аспектам восточных религий, царит такая путаница. Все ключевые понятия, перенесённые в общедоступную литературу из тайной доктрины, имеют для посвящённого по меньшей мере семеричное значение. Однако непосвящённый читатель, естественно предполагая, что одно слово имеет только одно значение, всегда стремится выяснить его путём сопоставления различных оттенков его смысла, чтобы вывести среднее, и в результате оказывается совершенно сбитым с толку.

Планетная цепь, к которой мы принадлежим, далеко не единственная, имеющая наше Солнце своим центром. Точно так же, как в нашей цепи есть другие планеты, помимо Земли, так и в нашей солнечной системе существуют иные планетные цепи, помимо нашей. Всего таких цепей семь, и наступает время, когда все они вместе погружаются в пралаю. Такая пралайа называется солнечной, а промежуток между двумя этими пралайами заполняет солнечная манвантара, которая охватывает, в свою очередь, семь пралай и манвантар нашей планетной цепи, равно как и всех остальных. Даже адепты говорят, что мысль человеческая приходит в растерянность, когда обращается к вопросу о том, сколько солнечных пралай должно миновать, прежде чем наступит великая космическая ночь, в которую погрузится, повинуясь всеобщему, универсальному закону чередования активности и отдыха, вся огромная вселенная. Однако эзотерическая наука утверждает, что даже эта невообразимая в своём величии пралайа наступит в положенное для неё время.

По окончании пралайи одной отдельной планетной цепи нет необходимости начинать эволюционное продвижение с абсолютно чистого листа. Речь может идти только о возобновлении ранее прерванной деятельности. Растительное и животное царства, не полностью развившиеся к концу предыдущей манвантары, не уничтожаются. Их жизнь, или жизненная энергия, переживает ночь, или период отдыха; у них тоже есть, если можно так сказать, своя собственная нирвана, да и почему бы ей не быть у этих эмбриональных или детских существ? Всё — и они, и мы сами — является порождением единого элемента. И как у нас есть свои Дхиан Коганы, так и у них, в их царствах, существуют свои элементальные охранители, которые заботятся о них всех так же, как Дхиан Коганы заботятся обо всей массе человечества. Единый элемент не только заполняет собою космическое пространство, коим он сам и *является*, но и пронизывает каждый атом космической материи.

Когда наступает седьмой круг, предшествующий часу солнечной пралайи, процесс человеческой эволюции продвигается так же, как и в предыдущих кругах, только каждая планета, после того, как её покинет человек, уже не просто переходит из видимого состояния в невидимое, а уничтожается. С началом седьмого круга седьмой планетной цепи манвантары, когда каждое царство входит в свой последний цикл, на каждой из планет, после ухода с неё человека, остаётся одна лишь *майа* некогда живших и существовавших на ней форм. С каждою новой ступенью продвижения человека по нисходящей и восходящей дуге с одной планеты на другую оставленная им планета уподобляется пустой оболочке, кокону, покинутому бабочкой. Вместе с уходом человека происходит и отток из всех царств населяющих планету существ. В ожидании перехода в высшие формы они пребывают в свободном состоянии и будут отдыхать в своём летаргическом сне в пространстве до тех пор, пока не пробьёт положенный час начала новой эволюции и они снова вернутся к жизни уже в новой солнечной манвантаре. Прежние элементалы будут отдыхать до тех пор, пока не будут призваны стать, в свою очередь, телами минеральных, растительных и животных существ в следующей, более высокой планетной цепи, ожидающей их на пути к превращению в людей, которое им предстоит; а эмбриональные сущности низших форм, коих останется к тому времени совсем немного, повиснут в пространстве, подобно каплям воды, внезапно превратившимся в сосульки. Но они оттают от первого же горячего дыхания новой солнечной манвантары, чтобы составить душу будущих планет. Постепенное развитие растительного царства до той стадии, о которой мы ведём речь, становится возможным благодаря более длительному межпланетному отдыху человека. Когда наступает солнечная пралайа, всё очистившееся человечество погружается в нирвану, дабы потом возродиться из этой межсолярной[121] нирваны в более возвышенных системах. Цепочки миров разрушаются и исчезают, подобно теням на стене,

121 *Межсолярной* — то есть между двумя солнечными манвантарами.

на которую перестал падать свет. «По всем признакам, — говорят адепты, — именно в этот момент наступает солнечная пралайа, хотя существуют ещё две малые пралайи, которые завершаются в другое время».

В начале новой солнечной манвантары пребывавшие прежде в субъектном состоянии элементы материальных миров рассеиваются в виде космической пыли, после чего, получив необходимый импульс от новых Дхиан Коганов новой солнечной системы (высшие из Дхиан Коганы прежних систем уже продвинулись ещё выше), порождают первичные волны жизни и, разделяясь на различные центры активности, число которых постоянно растёт, образуют семиступенную лестницу эволюции. Подобно всем прочим небесным телам, наша Земля должна пройти через гамму семи уровней плотности, прежде чем достигнет конечной степени материальности.

Ничто в нашем мире в настоящее время не может подсказать нам, что представляет собою эта конечная стадия материальности. Правда, французский астроном Фламмарион[122] в своей книге «La Resurrection et la Fin des Mondes» всё-таки смог приблизиться к пониманию этой конечной материальности, и его предположения, за исключением некоторых моментов, как мне сказали, весьма схожи с реальным положением вещей.

Вследствие того, что он называет вековым охлаждением (хотя правильнее было бы назвать это старостью и утратой жизненной силы), процесс отвердевания и усыхания Земли достигнет в конце концов той точки, когда вся планета превратится в пассивную, безжизненную массу. Её детородный возраст миновал, её потомство уже полностью вскормлено, её срок жизни подошёл к концу. Поэтому составляющая планету материя перестаёт подчиняться законам сцепления и соединения, заставлявшим ее быть единой компактной массой. Она уподобляется трупу, который, не имея более сил сопротивляться разрушительным процессам, вынужден позволить составляющим его молекулам отделяться от тела и переходить во власть иных сил и влияний. К. Фламмарион предполагает, что «притяжение Луны призвано сыграть роль разрушителя, создающего приливные волны, которые будут притягивать уже не океанскую воду, как это бывает во время приливов, а земные частицы». Последняя идея далеко не полностью разделяется оккультной наукой; она только иллюстрирует процесс исчезновения сил молекулярного сцепления земной материи.

Оккультная физика решительно переходит в область метафизики, где только и можно отыскать объяснение механизма возобновления эволюционного процесса после вселенской пралайи.

Единственной вечной и непреходящей вещью во вселенной, которую обходит стороною, не разрушая, даже вселенская пралайа, является то, что можно назвать в одно и то же время пространством, временем, материей и движением. Это не есть нечто, обладающее всеми этими четырьмя качествами; это есть то, что само *является* этими качествами, — одновременно и всегда. Эволюция начинается в полярности атомов, порождающей движение. В космогонии позитивные и негативные, или активные и пассивные, силы соответствуют мужскому и женскому принципам. Духовный поток вторгается в гущу космической материи, активный принцип притягивается пассивным. Если это может в какой-то мере помочь воображению, вспомните древний оккультный символ — великого Нага, змея, символизирующего вечность, кусающего свой собственный хвост и образующего таким образом круг этой самой вечности или, вернее, её нескончаемые циклы. Главным и единственным свойством вселенского духовного принципа, бессознательного, но вечно активно животворящего, является распространение и излучение; а основным качеством вселенского материального принципа — втягивание и плодоношение. Бессознательные и не существующие по отдельности, они становятся сознанием и жизнью, когда сходятся вместе. Слово Брахма происходит от санскритского корня *брих* — «распространяться, расти или плодоносить»; следовательно, эзотерическая космогония сводится к распространяющейся животворящей силе природы в её вечной эволюции. Ни один речевой оборот не внёс столько путаницы в человеческий разум, занятый размышлениями об изначальном происхождении вещей, как слово «творение». Говоря о творении, мы тем самым постоянно противоречим фактам. Но стоит нам только осознать, что наша планета и мы сами — такие же творения, как, скажем, какой-нибудь айсберг, то есть всего лишь временные, преходящие состояния бытия, а наш нынешний облик, геологический или антропологический, — это всего лишь преходящее состояние, соответствующее той ступени эволюции, которой мы достигли, — и мы встанем на путь верных рассуждений. Теперь мы имеем гораздо больше шансов правильно понять, что подразумевается под единым и единственным принципом, или элементом во вселенной, под определением этого элемента как андрогинного[123], а также что стоит за утверждением индусской философии, согласно которому все вещи есть всего всего лишь *майа* — преходящие состояния, за исключением единого элемента, отдыхающего только во время маха-пралайи — великой ночей Брахмы.

Пожалуй, мы уже достаточно углубились в бездну мистерии великой Первопричины. Нет ничего удивительного в том, что многие рядовые теологи мнят себя непревзойдёнными знатоками Бога. Причина тому — их невежество. Не будет преувеличением сказать, что даже те феноменально одарённые знатоки оккультной науки, смертная природа которых столь чиста и возвышенна, что их восприятия способны достигать иных миров и иных состояний существования и непосредственно общаться с существами, настолько же превосходящими в развитии основную массу людей, насколько человек превосходит полевых насекомых, — даже они предпочитают не оперировать понятиями, хотя бы отдалённо напоминающими о церковным или теологическом Боге. Каждый смертный адепт знает о том, что в пределах солнечной системы за всё отвечает закон, воздействующий на материю во всех её многочисленных формах, *плюс* направляющее и преобразующее влияние высших разумов нашей солнечной системы — Дхиан Коганов, людей, достигших совершенства в предыдущей манвантаре. Эти Дхиан Коганы, или Планетные Духи, о природе которых не имеет смысла рассуждать, не познав предварительно природу собственного развоплощённого состояния, придают про-

122 *Фламмарион Камиль* (1842-1925) — французский астроном. Исследовал Марс, Луну, двойные звёзды, в 1887 г. основал Французское астрономическое общество; автор многих научно-популярных книг по астрономаии, к числу которых относится и упоминаемая в тексте книга «Возрождение и гибель миров».

123 *Андрогин* (от греч. andros — мужчина и gynaikos — женщина) — совершенный человек, объединяющий в себе оба пола.

буждающимся мирам в конце пралайи планетной цепи настолько важные и мощные импульсы, что эволюция продолжает ощущать их на протяжении всего своего развития. И только рамки великого закона природы ограничивают их действие. Они не могут приказать, чтобы всё мировое пространство сделалось раем, а все люди от рождения были мудрыми и добродетельными. В своих действиях они вынуждены считаться с принципом эволюции и потому не в состоянии отнять у какого бы то ни было человека, обладающего потенциальной возможностью развиться до состояния Дхиан Когана, его законное и неотъемлемое право творить зло, если он предпочитает его добру. И если зло совершено, то не во власти Дхиан Когана предотвратить производимое им страдание. Объективная жизнь — это почва, в которую посажены семена жизни, а духовное существование (необходимо помнить, что это определение используется просто как противопоставление грубому материальному существованию) суть цветок, который в конечном счёте должен из них получиться.

Однако человеческий зародыш есть нечто большее, нежели цветочное зёрнышко: он обладает свободой выбора расти вверх или же вниз, так как без этой свободы человеческое растение не смогло бы развиваться. Отсюда и неотвратимость зла. Однако в пределах, устанавливаемых логической необходимостью, Дхиан Коган оказывает влияние на продвижение эволюционной волны и знает происхождение всего, что созерцает.

Чем больше мы размышляем о грандиозном величии циклической эволюции, изучение которой составляет одно из важнейших направлений деятельности эзотерической науки, тем более разумным нам представляется отложить рассмотрение первооснов космоса до лучших времён. Безусловно, обычному человеку, который живёт своей земною жизнью и которому предстоит прожить ещё немало, возможно, сотни таких жизней, равно как и сотни ещё более важных периодов между воплощениями (более важных с точки зрения продолжительности и перспектив заслуженного счастья или страданий), было бы разумнее заняться изучением вопросов, имеющих практическое значение, а не рассуждениями, представляющими для него исключительно отвлечённый интерес. Разумеется, с точки зрения религиозного мышления, не располагающего никакими позитивными знаниями о том, что выходит за пределы нашей земной жизни, нет ничего важнее и практичнее, нежели рассуждать о предположительных качествах и возможных намерениях грозного персонифицированного Иеговы, изображаемого обычно в образе всемогущего судии, пред очами которого предстаёт душа умершего, чтобы выслушать свой приговор. Однако научное знание духовных материй отодвигает наступление судного дня на неопределённо далёкий срок, заполняя оставшееся до него время самой разнообразной деятельностью. Более того, это знание убеждает нас в том, что ещё миллионы и миллионы столетий человечеству не придётся встречаться ни с какими судьями, кроме одного вездесущего судии — Седьмого Принципа, или Вселенского Духа, существующего везде и своим воздействием на материю вызывающего к жизни как самого человека, так и весь мир, в котором он живёт, и те будущие состояния, в направлении которых он эволюционирует.

Безусловно, Седьмой Принцип, не поддающийся определению и непостижимый для нас на нашем нынешнем этапе просветления, — это единственный Бог, признаваемый эзотерической наукой, не допускающей никаких его персонификаций, за исключением символических.

И всё-таки эзотерическое знание, с одной стороны, придающее жизненность и реальность древней символике, а с другой — постоянно конфликтующее с современным религиозным догматизмом, позволяет нам подвести реалистические обоснование даже под явно антропоморфные представления о Божестве, связанном экзотерической традицией с начала мира. Планетный дух, действительно воплотившийся среди людей в первом круге, стал прототипом персонифицированного божества во всех его последующих модификациях. Однако эта ошибка, вполне естественная для непосвящённого человека, который берётся рассуждать на данную тему, — ещё не самая большая беда. Много хуже то, что персонифицированный Бог малой, относительно краткой манвантары, признаётся творцом всего космоса, что также естественно для людей, ибо отсутствие каких-либо конкретных знаний о человеческих судьбах за пределами одного объективного воплощения заставляет их думать, будто за порогом смерти их ожидает некое однородное духовное будущее. Разумеется, Бог одной такой физической жизни становится для них Богом всех жизней, всех миров и периодов.

Надеюсь, читатель правильно истолкует мои слова о том, что эзотерическая наука признаёт Планетного Духа первого круга Божеством. Как я уже говорил, эта науки изучает деятельность природы на всём бесконечном протяжении от неизмеримо далёкого прошлого до такого же необозримого будущего. Тот огромный промежуток времени и пространства, который занимает наша солнечная система, изучается смертными адептами эзотерической науки. Они знают обо всём, что и как происходит в этих пределах, и знают, что на всём происходящем лежит печать коллективной созидательной воли сонма Планетных Духов, действующих в рамках закона эволюции, обязательного для всей природы. Адепты общаются с Планетными Духами и узнают от них о том, что закон нашей солнечной системы справедлив и действителен также и для других систем; ибо восприятие Планетных Духов способно проникать в эти отдалённые сферы, так же, как восприятие адептов способно проникать в жизнь других планет нашей цепи.

Закон чередования деятельности и покоя действует повсеместно, и потому во всём безграничном космосе пралайа должна следовать за манвантарой, а манвантара — за пралайей, пусть даже через немыслимо долгие промежутки времени.

Кто-то, возможно, спросит: какова же цель всего этого бесконечного чередования? Ответить на это проще, если ограничиться только одной солнечной системой и сформулировать этот вопрос следующим образом: с какою целью первичная туманность преобразуется в планетные вихри эволюции и создаёт миры, в которых вселенский дух, воздействуя на материю, рождает форму и жизнь и те возвышенные состояния материи, которые предназначены служить проводниками для так называемых субъективных, или духовных состояний существования. И полагаю, даже самый рассудительный ум будет удовлетворен, если мы скажем, что вся эта сверхсложная система нужна для того, чтобы на

свет могли появиться и жить осознанной жизнью, наполненной величайшим знанием и блаженством, — жить на протяжении столь долгих периодов времени, что в нашем представлении они равносильны вечности, — такие возвышенные и совершенные существа, как Планетные Духи. Более того, каждое живое существо имеет потенциальную возможность достичь в конечном счёте такого же непостижимого величия. Дух, присутствующий в каждой одушевленной форме (которой он, в свою очередь, достигает в результате эволюционного восхождения от иных форм, именуемых нами, вследствие укоренившейся привычки, неодушевленными), продолжает медленно, но верно продвигаться вперёд — до тех пор, пока его неутомимое воздействие на материю не создаст человеческую душу.

Из этого вовсе не следует, что окружающие нас растения и животные уже имеют в себе некий принцип, который сможет развиться в человеческую форму уже в ходе нашей нынешней манвантары. Однако даже если ход эволюции прерывается естественным периодом покоя, это не означает, что развитие так и останется незавершённым. Рано или поздно каждая духовная монада, сама по себе являющаяся безгрешным и бессознательным принципов, пройдёт через сознательные формы низших ступеней, последовательно примеряя, а затем отбрасывая всё более и более совершенные из них, и наконец создаст такую форму, в которой сможет в полной мере проявиться богоподобное сознание. Разумеется, никакие рассуждения о величии целей и задач, которые, по человеческим представлениям, должно преследовать такое грандиозное начинание, как создание вселенной, не умаляют важности и обоснованности той причины, которую мы назвали. Ничуть не умаляется она и от того, что самому Планетному Духу, после жизни столь продолжительной, что весь период, необходимый для его эволюции из минеральных форм первичных миров, можно считать всего лишь порою детства, предстоит слияние его прославленной индивидуальности с общей суммой сознания, которую эзотерическая метафизика называет абсолютным сознанием и считает адекватной не-сознанию. Ибо последние парадоксальные утверждения — всего лишь метафоры, отражающие идеи, недоступные человеческому разуму в его нынешнем развитии. И коль скоро эти идеи нам неподвластны, то нет никакого смысла разглагольствовать о них пустую.

Однако все эти рассуждения дают ключ к пониманию эзотерического буддизма, стоящего заметно ближе к универсальной эзотерической доктрине, нежели все прочие массовые религии, поскольку создавался он для того, чтобы научить людей любить добродетель ради неё самой, а также ради того благотворного воздействия, которое она оказывает на будущие воплощения, и ни в коем случае не для того, чтобы держать людей в подчинении какой-бы то ни было жреческой касты или догмы, нагоняя на них страх фантастическими историями о персонифицированном судие, который только и ждёт их смерти, чтобы судить не только за прожитую жизнь, но и за те обстоятельства, в которых она была прожита. Мистер Лилли, несмотря на благородство своих намерений и явную симпатию к возвышенной морали и устремлениям буддизма, ошибается, усматривая в его храмовом ритуале признание концепции личного Бога.

В великом эзотерическом учении о природе подобного рода концепция отсутствует, а данная книга, невзирая на все свои недостатки, старается не выходить в своих трактовках за рамки природных реалий. Адепт, излагающий эзотерическую доктрину, не может допустить агностического подхода, даже когда речь идёт о самых отдалённых регионах и сферах. Ему недостаточно просто сказать: «В пределах досягаемости возвышенных чувств планетных духов, в пределах, доступных их зрению, — а их познания распространяются до самых дальних рубежей звёздного небосвода, — природа остаётся самодостаточной; что же касается ещё более отдалённых горизонтов, то тут мы не можем пока предложить никаких гипотез». Скорее всего, адепт скажет по этому поводу следующее: «Вселенная бесконечна, и было бы насмешкой над здравым смыслом выдвигать гипотезы, помещающие что-либо за пределами бесконечности, лежащее по ту сторону беспредельности».

То, что предшествует всем проявлениям вселенной и, следовательно, находится за пределами проявленного мира (если эти пределы вообще возможно установить), всего лишь выходит за рамки нашего собственного кругозора — того, что является проявлением для нас, то есть материи, оживляемой движением, Парабрахманом, или Духом. Материя, пространство, движение и время составляют единую и вечную субстанцию вселенной. И не существует более ничего, что было бы абсолютно вечным.

Это — первое состояние материи, совершенно недоступное физическим чувствам, которые могут иметь дело только с качественно иным её состоянием — проявленным. И хотя такая трактовка в определённом смысле слишком материалистична, читатель, уже знакомый с нашими предыдущими комментариями, наверняка заметит, что эзотерическое учение так же далеко от того примитивного и ограниченного взгляда на природу, который обычно ассоциируется в нашем понимании с материализмом, как северный полюс далёк от южного. Оно спускается к материализму лишь для того, чтобы соединить свои методы с его логикой, после чего восходит к высшим царствам идеализма, дабы воспринять и изложить наиболее утончённые устремления Духа. И мы неизменно повторяем и всегда будем повторять: это учение представляет собою синтез науки и религии — тот мост, следуя по которому самый дотошный и осторожный искатель экспериментального знания может достичь противоположного берега и стать самым ревностным верующим, а самый ревностный верующий может снова спуститься на грешную Землю, как бы захватив с собою при этом Небеса.

ГЛАВА XII. ОБЗОР УЧЕНИЯ

Только длительное знакомство с эзотерической доктриной позволяет убедиться в том, насколько она идеально гармонирует со всеми явлениями природы, которые мы наблюдаем вокруг. Однако уже теперь можно проследить некоторые соответствия между изложенными в этой книге учениями и феноменами окружающего нас мира.

Начав с двух наиболее значительных затруднений философии, каковыми являются конфликт между свободной волей и предопределением и происхождение зла, мы неизбежно увидим, что описанная здесь система природы позволяет нам подходить к решению этих проблем гораздо смелее, нежели это было возможно до сих пор. Вплоть до настоящего времени осторожные мыслители даже не подозревали о том, что загадка свободной воли и предопределения может быть решена при помощи метафизики или религии. Европейское мышление было склонно целиком относить эту проблему к сфере непознаваемого. И, как ни странно, это удовлетворяло людей, склонных оценивать религиозные учения как нечто большее, нежели просто временная гипотеза, невзирая на их явную несовместимость с некоторыми собственными же, причём очевиднейшими, выводами. Всеведение персонифицированного Творца, охватывающее как будущее, так и прошлое, не оставляло человеку никакой возможности для проявления собственной личной власти над своей судьбой, несмотря на то, что такая власть ему абсолютно необходима хотя бы для того, чтобы политика вознаграждения и наказания за совершённые им при жизни поступки могла стать чем-то большим, нежели просто вопиющей несправедливостью. Один знаменитый английский философ, смело взявшийся за рассмотрение этой проблемы, заявил в одном из его посмертно опубликованных очерков, что логические рассуждения неизбежно приводят к тому, что Бог не может быть одновременно всеблагим *и* всемогущим. Люди вольны наделять его последовательно либо тем, либо другим из этих качеств, но никогда — обоими вместе. Данный вывод был воспринят с надлежащим уважением благодаря огромному авторитету его автора, но затем благоразумно отложен в сторону, из уважения к ортодоксальным догматам.

В этом затруднительном положении на помощь к нам приходит эзотерическая доктрина. Прежде всего, она честно оценивает незначительность нашего мира по сравнению со всей вселенной. С этим фактом природы ранняя христианская церковь боролась с мужеством отчаяния, инстинктивно осознавая его опасность. Истина была отвергнута, а её распространители преследовались на протяжении многих столетий. Но когда эта истина, даже вопреки папским запретам, всё-таки получила признание, церковь прибегла к последнему, «отчаянному средству» (по выражению мистера Риса Дэвидса), притворившись, будто данный факт не имеет никакого значения.

До сих пор это притворство имело успех, превосходивший самые радужные надежды его изобретателей. Испытывая ужас перед астрономическими открытиями, они предписывали миру настолько беспощадную логику, что мир, как выяснилось со временем, в действительности так и не смог её принять. Людям стали приписывать стремление делать то, чего, как я уже говорил, совсем не требует от них эзотерический буддизм: отделять науку от религии и хранить их порознь, в обособленных, водонепроницаемых ёмкостях. Этот принцип применялся так долго и настойчиво, что в конечном счёте перестал восприниматься как довод в пользу несостоятельности религиозной догмы и её несовместимости с реальностью. Но стоит нам только восстановить связь между искусственно разделёнными емкостями и поставить их на один уровень друг с другом, как мы тут же заметим, что уменьшение значения Земли в масштабах вселенной влечёт за собою пропорциональное уменьшение убедительности теорий, заставляющих нас считать все события своих жизней частью общего замысла, рождённого всеведением вселенского Творца. Напротив, представляется маловероятным, что существа, населяющие одну из небольших планет, которая вращается вокруг одного из небольших солнц в океане вселенной, подобных каплям воды в океане, могут быть свободны от универсального принципа всеобщего подчинения закону. Однако этот принцип не допускает произвола руководящей воли, в то время как в том понимании, которое вкладывается в понятие предопределения практически во всех традиционных теологических дискуссиях, оно представляется именно произвольным и не связанным никакими законами. Следует отметить, что предопределение, вступающее в конфликт со свободной волей, является не предопределением расы, а индивидуальным предопределением, связываемым с идеей божественной милости или гнева. Предопределение расы, подчинённое законам, аналогичным тем, которые определяют основные тенденции развития каких угодно множеств независимых случайностей, ничем не противоречит индивидуальной свободной воле; из этого следует что эзотерическая доктрина устраняет уже давно замеченное противоречие, якобы существующее в природе. Человек сам является хозяином своей судьбы, но, если так можно сказать, в установленных законом пределах: он волен использовать по своему усмотрению права и возможности, дарованные ему природой, а, как мы уже говорили, возможности индивидуума практически неисчерпаемы. Но обычные, повседневные действия человека, продиктованные окружающими условиями, будучи помноженными на общую численность обитающих на Земле человеческих личностей, создают закономерную и целенаправленную картину циклической эволюции, которая как раз и является коллективной человеческой судьбой.

Индивидуальное предопределение не обязательно трактовать с точки зрения религиозной догмы, то есть как божью милость или гнев, так как оно вполне объяснимо с чисто метафизических позиций. Можно с уверенностью утверждать, что каждое человеческое создание изначально, то есть с детства, подвержено влияниям тех или иных конкретных обстоятельств и что взрослая жизнь является всего лишь продуктом или отпечатком этих влияний, с самого начала формировавших личность человека; следовательно, если изучить все эти влияния и обстоятельства надлежащим образом, то можно заранее предсказать как нравственный, так и интеллектуальный результат. Придерживаясь данной це-

почки логических рассуждений, можно прийти к заключению, что обстоятельства каждой человеческой жизни теоретически могут быть заранее предугаданы достаточно проницательным разумом и что наследственные влияния, являясь ничем иным, как плодами ещё более ранних, предшествующих обстоятельств, также могут быть включены в общую схему вычислений как дополнительная переменная величина, вполне поддающаяся определению. Данное утверждение ничуть не более противоречит природе человеческого сознания, нежели религиозный догмат об индивидуальном предопределении. Осознание свободы собственной воли — это очевидный фактор, который невозможно игнорировать, и та свободная воля, которую мы ощущаем, совсем не похожа на примитивную автоматическую реакцию, сравнимую с рефлекторным подёргиванием лапки дохлой лягушки. С этой оценкой воли одинаково согласны и традиционная религиозная догма, и традиционная метафизическая аргументация, но только эзотерическая доктрина в полной мере отдаёт ей должное, показывая весь спектр её деятельности и весь размах её власти. Воля властна направлять индивидуальную судьбу, но бессильна перед лицом циклического закона, действие которого в человеческой истории обнаруживает даже такой философ-позитивист, как Дрейпер, невзирая на кратковременность исторического периода, доступного его рассмотрению. И тем не менее этот побочный поток мысли, который Дж. С. Милль[124] сумел разглядеть за нагромождением теологических противоречий, — великий вопрос о том, следует ли нам развивать свои рассуждения на основании «всеблагой и всемогущей» гипотезы, — находит исчерпывающее объяснение в излагаемой здесь системе учений. Великие совершенные существа, цвет предыдущего человечества, не претендуя на роль всевышнего Бога, тем не менее вершат судьбы нашего мира, подобно божествам; но хотя они действительно всемогущи, невзирая на всё их величие, они ограничены в своей деятельности довольно узкими рамками. Может показаться, что в то время, когда вселенская сцена, так сказать готовится к возобновлению великой драмы жизни, эти великие существа стараются внести в эволюционный процесс, некоторые улучшения, исходя из собственного опыта, накопленного за время предыдущей драмы, в которой они сами были людьми; однако всё, что им при этом удаётся в масштабах целого мира, это повторять уже пройденный ранее путь. Они способны на многое, но их возможности ограничены так же, как ограничены, только в более скромном масштабе, возможности садовника, который ухаживает за георгинами: он может добиться значительного улучшения формы и цвета, но, какие бы усилия он ни прилагал, его георгины цветы так и останутся георгинами.

Читатель может спросить нас: неужели ни одна из тех природных аналогий, что окружают нас буквально со всех сторон, не в состоянии наглядно подтвердить правильность эзотерического учения? «Как наверху — так и внизу», — писали оккультные философы древности; и это означало, что микрокосм является зеркалом макрокосма. Вся доступная нашему физическому созерцанию природа подтверждает это правило, если, конечно, можно говорить о полномасштабном проявлении каких-то принципов в столь ограниченном пространстве. Строение низших животных воспроизводится, с некоторыми изменениями и усовершенствованиями, в высших животных и в самом человеке. Тонкие прожилки маленького древесного листа разветвляются, подобно веткам всего огромного дерева, а использование микроскопа показывает нам, что аналогичное разветвление уходит ещё дальше в микрокосм — в сферы, недоступные невооружённому человеческому глазу. Перемешанные с грязью потоки струящейся в придорожной канаве дождевой воды оставляют в образуемых ими лужах «осадочные породы» точно так же, как это делают реки на дне озёр или безбрежные воды мирового океана. Геологическая деятельность пруда и океана отличается только масштабом; и когда эзотерическая доктрина описывает воздействие возвышенных законов природы на человека и на всю планетную семью, различие здесь наблюдается тоже только в масштабах проявления. Как дети в каждом человеческом поколении нуждаются в опёке родителей, чтобы потом, став взрослыми, в свою очередь опекать новое поколение детей, так и каждое великое манвантарическое поколение человечества, вырастая в Дхиан Коганов, заботится о благополучном развитии своих наследников, дабы потом уступить им своё место, а самим перейти в ещё более высокое состояние существования.

Не менее уверенно, чем на вопрос о свободе воли, эзотерическая доктрина отвечает на вопрос о существовании зла. Эта тема была рассмотрена в предыдущей главе, посвящённой эволюции человечества. Однако эзотерическая доктрина, как будет показано ниже, рассматривает великую загадку происхождения зла гораздо более подробно, нежели иные учения, не ограничиваясь просто провозглашением гипотезы, в соответствии с которой человеческая воля, самою природой призванная вырасти и возвыситься до состояния Дхиан Когана, свободна тем не менее творить зло, когда ей того хочется. Такова общая характеристика действующего в природе принципа; но не менее детально, чем сам принцип, настоящее учение прослеживает также механизм и способы его действия. Он проявляется через физическую карму и не может проявляться иначе, если только не отменить неизменный закон, согласно которому причина не может не производить следствий. Объективный человек, рождённый в физическом мире, в той же мере является порождением своей предыдущей личности, что и субъектный человек, коим он был в промежуточный период, проведённый в состоянии дэвакхана. Зло, творимое человеком, продолжает жить после него в гораздо более буквальном смысле, нежели тот, который вкладывал в эту фразу Шекспир. Возможно, нас спросят: как моральная провинность человека, допущенная им в одной жизни, может заставить его родиться слепым или увечным в совершенно иной период мировой истории, несколько тысяч лет спустя, у родителей, с которыми он не имел в своём прежнем земном существовании никаких физических контактов? Однако изучение механизма притяжения, создаваемого приобретёнными склонностями и привязанностями, показывает, что это затруднение отнюдь не столь серьёзно, как могло показаться на первый взгляд. Слепой или увечный (в отношении физической оболочки) ребёнок может рассматриваться скорее как потенциальная

124 *Милль Джон Стюарт* (1806-1873) — английский философ, экономист и общественный деятель; основатель английского позитивизма.

возможность, нежели как результат воздействия обстоятельств. Он никогда не смог бы появиться на свет, если бы не духовная монада, снова стремящаяся к воплощению и несущая с собою пятый принцип (вернее, ту часть пятого принципа, которая переходит из одного воплощения в другое), идеально приспособленный собственной кармой к существованию в том или ином потенциальном теле. И если этот принцип заключает в себе серьёзный дефект, то вполне может случиться так, что будет зачат и рождён на свет неправильно сформированный ребёнок, дабы стать причиною несчастий для себя самого и для окружающих его людей, а также живой загадкой для философов, пытающихся объяснить причину существования зла; так результат, в свою очередь, сам становится причиной.

Данное объяснение, с небольшими вариациями, подходит для огромного множества различных случаев, которые мы могли бы привести в качестве иллюстрации к проблеме существования зла во вселенной. Более того, оно в какой-то мере охватывает и вопрос, связанный с действием кармического закона, который едва ли можно назвать слишком сложным, так как ответ на него содержится в самом учении. Однако он всё равно заслуживает отдельного рассмотрения. Выборочное наследование отягощённых кармой духом некоторых соответствующих его потребностям или заслугам черт своих родителей служит тем очевидным объяснением, которое примиряет факт перевоплощения с физическими атавизмами и наследственностью. Нам нередко кажется, что в появившемся на свет ребёнке воспроизводятся некоторые нравственные и умственные особенности его родителей или более отдалённых предков, равно как и некоторые особенности их физического облика; и этот факт наводит нас на мысль о том, что не только его физическая оболочка, но и душа является ответвлением общего семейного древа. Нет нужды подробно останавливаться на всех многочисленных затруднениях и странностях, которые вызывает и заключает в себе теория, согласно которой душа, подобная искре, случайно отскочившей от наковальни, не имеет за собою никакого духовного прошлого, но тем не менее рассчитывает на нескончаемое духовное будущее. Если душа — просто функция тела, то и исчезать она должна вместе с распадом породившего её проводника. Однако эзотерическая доктрина даёт исчерпывающее объяснение феномена наследственной передачи признаков и качеств, равно как и всех прочих явлений, связанных с человеческой жизнью. Семья, в которой рождается перевоплощающийся дух, является для него тем же, чем является новая планета для всей приливной волны человечества, движущейся по кругу вдоль манвантарической цепи. Эта планета создаётся эволюционным процессом, направленным перпендикулярно траектории продвижения человечества; однако она предназначена именно для человечества и будет готова его принять, когда наступит положенное для этого время. Точно так же бывает, когда перевоплощающийся дух начинает стремиться в объективный мир, ибо все влияния, удерживавшие его в состоянии дэвакхана, уже исчерпаны: коснувшись, так сказать, источника природы, его дыхание стимулирует развитие ребёнка, который, не будь этого импульса, так и остался бы лишь потенциально возможным и никогда не стал бы реальным; и в наследственных чертах этого ребёнка дух находит — конечно же, бессознательно, только в силу закона притяжения аналогичных признаков, — именно те условия нового существования, на которые он настроил себя за время своей предыдущей жизни. Разумеется, мы не должны забывать о многочисленных исключениях, присущих каждому из общих законов природы. Например, в рассматриваемом нами случае может случиться так, что ребёнку будет нанесена при родах случайная травма, и тогда искалеченная оболочка может достаться духу, карма которого ни в коей мере не заслуживает такого наказания. И вариантов таких случайностей может быть бесконечно много. Впрочем, обо всех этих вариантах достаточно будет сказать только одно: природу эти случайности нимало не смущают, ибо у неё предостаточно времени для того, чтобы их исправить. Незаслуженные страдания, перенесённые в одной из жизней, сторицей окупятся в следующей (или в следующей за следующей). Для восстановления справедливости у природы масса времени. И адепты, насколько мне это известно, утверждают, что незаслуженные страдания рано или поздно компенсируются, как правило, удачей. Таким образом, на основании строго научных наблюдений и анализа фактов, мы выстраиваем то самое учение, которое некогда пришлось великодушно измыслить религии ради утешения страждущих.

Предлагая самые неожиданные решения наиболее сложных феноменов жизни, эзотерическая доктрина тем не менее не жертвует ни одним из атрибутов, коих мы вправе требовать от подлинно религиозной науки. И одно из важнейших условий, которые мы можем предъявить системе подобного рода, состоит в том, чтобы в ней не было места несправедливости как в плане причинения незаслуженного вреда, так и в плане дарования незаслуженных милостей, а действующая справедливость должна проявляться как в великих вещах, так и в малых. Юридический принцип «de minimis non curat lex»[125] предоставляет человеческой греховности и слабости шанс избежать последствий своих несовершенств. Но в химии или механике нет места пренебрежению даже самыми малыми величинами. В своей физической деятельности природа адекватно реагирует как на крупные, так и на мелкие раздражители; и потому мы можем инстинктивно догадываться, что и в своих духовных действиях она не имеет прискорбной привычки игнорировать даже самые незначительные факты или забывать об уплате мелких долгов, помышляя лишь о крупных, подобно не слишком щепетильному торговцу, который беспокоится о выполнении лишь самых серьёзных своих обязательств, пренебрежение коими может быть чревато для него судебным разбирательством. Незначительные деяния человеческие, как добрые, так и дурные, игнорируются теми системами, с точки зрения которых окончательное решение будущей человеческой судьбы состоит в том, будет или не будет даровано человеку право присоединиться к однородному (или почти однородному) — общему для всех, кто был признан праведником, — состоянию блаженства. В том, что касается заслуг или провинностей, имеющих исключительно духовные последствия, у природы может быть только один единственный способ установления безукоризненной справедливости — то самое, бесконечное в своём многообразии духовное существование, которое эзотерическая доктрина называет состоянием дэвакхана. Однако масштабность

125 *Minimis non curat lex* (лат.) — «закон не занимается пустяками».

проблемы, создаваемой многобразием проявлений человеческой жизни, превосходит даже те возможности её решения, которые в состоянии предоставить девакхан. Никакая система воздаяний, ожидающих человечество по завершении земного существования, не может быть научно признана предусматривающей все исключительные случаи, если она не согласуется с чувством справедливости, имея дело абсолютно со всеми разнообразными жизненными проявлениями и привычками, включая те из них, которые связаны исключительно с физическим существованием и не имеют чётко выраженной нравственной окраски.

Невозможно представить, чтобы человек мог пожинать урожай незначительных причин, посеянных в предыдущем объективном существовании, каким-либо иным способом, помимо возвращения в физическую жизнь. Таким образом, обстоятельное изучение вопроса приводит нас к выводу, что кармический закон, столь неприглядный в своей экзотерической форме, не только ничем не противоречит ощущению справедливости, но и является единственным реально вообразимым способом действия природы при решении данной проблемы. Если ясно представить себе, что неумирающая индивидуальность проходит через всю цепочку последовательных кармических перевоплощений, а также помнить о том, что эти перевоплощения перемежаются параллельной цепью духовных существований, то становится очевидной совершенная симметрия всей системы, ничуть не омрачаемая обстоятельством, которое, на первый критический взгляд, представляется её слабым местом, а именно — периодическим погружением в реку забвения, обязательным для каждого перевоплощающегося духа. Напротив, в действительности это забвение является необходимым условием, без которого возобновление объективного существования оказалось бы невозможным. Лишь очень немногие земные жизни полностью свободны от теней прошлых существований, отравляющих новое воплощение возвратившейся на Землю человеческой индивидуальности. И если кто-то говорит, что изглаживание из памяти воспоминаний о каждой прожитой жизни подразумевает исчезновение всего ранее накопленного опыта и всех умственных достижений, добытых потом и кровью, то это может означать только одно: говорящий сие забывает о том, что существует ещё и состояние девакхана, в котором накопленный опыт и достижения вовсе не исчезают, а превращаются в зёрна, коим предстоит стать частью будущего великого урожая духовных плодов. Чем дольше разум занят размышлениями об эзотерической доктрине, тем проще для него найти логически обоснованный ответ на любое выдвигаемое против неё возражение, как привило, совершенно несостоятельное и продиктованное лишь недостатком знаний.

Переходя от чисто абстрактных рассуждений к проблемам, отчасти связанным с практической жизнью, мы можем позволить себе сопоставить эзотерическое учение с доступными нашему восприятию фактами природы, дабы окончательно удостовериться в истинности. Духовная наука, которой удалось столь глубоко проникнуть в суть абсолютной истины, должна уметь убедительно объяснять не только духовные, но и все земные явления, коль скоро земная жизнь тоже входит в сферу её изучения. Религиозная догма, невзирая на вопиющее несоответствие многим очевиднейшим истинам в области геологии и астрономии, может иметь множество сторонников в лице духовенства и набожной паствы, однако она всё равно не заслуживает серьёзного философского рассмотрения. Но согласуется ли, в таком случае, с данными геологии и астрономии эзотерическая доктрина?

Не будет преувеличением сказать, что она является единственной религиозной системой, которая легко сочетается с физическими истинами, открытыми современными исследованиями в вышеупомянутых областях науки. Она не только способна мирно сосуществовать, в смысле взаимной терпимости, с гипотезами о туманностях и геологических пластах, но сама, так сказать, бросается в объятия новейших научных достижений, поскольку нуждается в них. Ей трудно было бы доказать свою правоту без великих открытий современной биологии. И, как система, являющая себя миру в эпоху научного подъёма, она едва ли может обойтись без новейших достижений физической географии.

Чередование геологических пластов земной коры, разумеется, служит зримым и очевидным свидетельством между-расовых катаклизмов. Физическая наука достаточно быстро освобождается от робости, вошедшей в привычку за пятнадцать столетий жестоких и незаслуженных преследований со стороны религиозных фанатиков; однако когда дело касается религиозных догматов, она по-прежнему старается вести себя очень скромно — просто по привычке. Так, геология уже вполне готова заявить о том, что земная суша неоднократно оказывалась под водою, а затем поднималась над поверхностью океана, ибо об этом свидетельствует геологическое строение самих континентов и их шельфовой полосы. Однако она до сих пор не научилась свободно оперировать накопленным материалом в тех случаях, когда ей приходится покушаться на права религии. И всё-таки мы уверены в том, что если бы геология потрудилась систематизировать все известные ей факты, составив нечто вроде последовательной истории Земли, где неизбежные пробелы в познаниях были бы заполнены гипотезами, которые эта наука считает наиболее правдоподобными, то её история человечества наверняка оказалась бы в общих чертах очень похожей на содержание одной из предшествующих глав данной книги, посвящённой великим мировым периодам. И, как уверяют наши эзотерические учителя, чем активнее продвигается развитие геологической науки, тем очевиднее становится истинность их учений, подтверждаемая всё новыми окаменелыми свидетельствами минувших эпох. Эксперты из «Челленджера» уже подтверждают реальность существования Атлантиды, хотя данная тема принадлежит к числу проблем, мало привлекательных для научного мира в целом, и рассуждения об исчезнувшем континенте едва ли могут рассчитывать на широкое распространение.

Вдумчивые геологи уже вполне готовы признать, что в отношении деятельности сил, формирующих земную поверхность, нашу историческую эпоху можно назвать эпохой инертности и медленных, постепенных изменений; но вполне возможно, что в прошлом неспешные процессы смещения пластов, оседания почвы и эрозии дополнялись ещё и преобразованиями катастрофического характера. А это означает, что гипотеза поочерёдного подъёма и погружения континентов уже доказала свою обоснованность, и учёный мир уже сделал шаг, или пару шагов к признанию её научным фактом.

Вся карта мира не просто время от времени радикально изменяет свои очертания, подобно узорам калейдоскопа, меняющимся от любого сотрясения, переставляющего в его трубочке цветные стёклышки, но подвержена периодически повторяющимся изменениям, восстанавливающим, по прошествии огромных промежутков времени, прежнее положение вещей.

В предвкушении дальнейших открытий мы уже сейчас можем заявить, что накопили достаточно знаний в области геологии, чтобы убедиться в истинности космогонии эзотерического учения. И то, что это учение держалось его хранителями в тайне от остального мира в ожидании того дня, когда достижения науки проложат путь к его признанию и правильному пониманию, едва ли можно назвать неразумным с их стороны. Смогут ли открытия в иных областях изучения природы убедить нынешнее поколение в истинности эзотерической доктрины — покажет время.

Современная биология предлагает нам не меньше соответствий с эзотерическим учением, нежели геология. Дарвиновская теория происхождения человека из животного царства — далеко не единственный аргумент в пользу эзотерической доктрины, исходящий из этой области науки. Обстоятельные наблюдения, произведенные в последнее время в эмбриологии, особенно интересны для нас по причине явной связи сразу с несколькими разделами учения. Так, широко известная ныне истина о том, что последовательные стадии дородового развития человека соответствуют стадиям эволюционного прохождения нынешнего человечества через различные формы животной жизни, является настоящим откровением благодаря обилию выявляемых ею аналогий. Она не только подтверждает эволюционную гипотезу как таковую, но и являет собою замечательную иллюстрацию к тому, как природа готовится к появлению новых человеческих рас с самого начала каждого великого кругового периода. Когда ребёнку предстоит развиться из зародыша, который так прост по своему строению, что он ближе не столько к животному или даже к растительному, а скорее к минеральному царству, — уже знакомый нам эволюционный процесс заново проходит, так сказать, в ускоренном темпе.

Если в первом круге непрерывной цепи природе требуются бесчисленные столетия для того, чтобы выработать механизм эволюции, то теперь, когда он уже прочно утвердился в её памяти, природа в состоянии быстро воспроизвести все его последовательные этапы, затрачивая на это всего лишь несколько месяцев. Примерно то же происходит и с началом новой человеческой эволюции на каждой планете, по мере продвижения приливной волны человеческой жизни. В первом круге эволюционный процесс протекает до крайности медленно и достигает весьма скромных результатов, так как сам механизм естественного развития ещё находится в стадии формирования. Но если этот процесс уже был хотя бы однажды завершён, то становится возможным его быстрое воспроизводство. В последующих кругах жизненный импульс проходит всю гамму первичной эволюции с лёгкостью, объяснимой только при помощи аналогии, которую предоставляет нам эмбриология. Она же объясняет нам, как и почему каждый последующий круг отличается по своему характеру от предыдущего. Однажды завершённый эволюционный этап повторяется затем намного быстрее, после чего круг начинает уже собственную, дальнейшую эволюцию, которая протекает с совершенно иною скоростью. Точно так же ребёнок, который уже обрёл человеческую форму, продолжает затем свой индивидуальный рост гораздо более медленно в сравнении с предшествующими стадиями дородового развития.

Полагаю, мне нет необходимости детально сопоставлять постулаты экзотерического буддизма с изложенными в этой книге взглядами на природу, так как они представлены здесь слишком сжато по сравнению с их подлинным размахом и значением, но в то же время достаточно подробно, чтобы читатель мог получить общие представления обо всей системе в целом и о многообразии охватываемых ею вопросов. Опираясь на изложенное выше, ученики, изучающие буддийскую литературу, сами смогут подобрать ключи к подлинному значению экзотерических иносказаний и сделают это, возможно, даже лучше, чем я сам. Сейчас у нас есть как никогда хорошие шансы не только заполнить многие пробелы, оставленные в проповедях Будды, но и понять, почему они были сделаны. Например, в книге мистера Риса Дэвидса мы находим такую фразу: «Буддизм даже не пытается ответить на вопрос о первоисточнике всех вещей»; далее, приводим цитату из «Справочника буддизма» Харди: «Когда Малунка спросил у Будды, вечен ли мир, тот ничего не ответил; причиной же этого молчания было то, что учитель счёл данный вопрос не имеющим никакой практической пользы». Однако на самом деле Будда промолчал потому, что не мог ответить на этот вопрос однозначным «да» или «нет», не создав при этом ложного впечатления у спрашивающего. Для того, чтобы ответ был верным и не вводил в заблуждение, Будде пришлось бы изложить всю доктрину эволюции планетной цепи, в то время как общество, в котором жил Будда, интеллектуально ещё не созрело к её восприятию. Предположение, будто его молчание означало просто нежелание отвечать на бесполезный, на его взгляд, вопрос, является вполне естественной ошибкой, вызванной недостатком специальных знаний; однако ни один ответ не мог бы быть ближе к истине, нежели это отсутствие ответа. Все религиозные системы, когда-либо пытавшиеся публично отвечать на вопрос о происхождении всех вещей, смогли оставить лишь несколько царапин на его поверхности, по сравнению с углублённым проникновением в суть проблемы, достигнутым эзотерической наукой. А Будда, как известно, был не только великим учителем этики, но и не менее великим хранителем и распространителем эзотерического знания.

Позитивные выводы мистера Риса Дэвидса относительно предмета буддийских учений, как бы тщательно он их ни изучал, так же неточны, как и процитированные выше отрицательные умозаключения. Более того, все сделанные прежде заключения по данному вопросу неизбежно должны были быть неверными. И всё же я цитирую ниже ещё один пример, вовсе не для того, чтобы принизить значение талантливого исследования, у которого он заимствован, но чтобы показать, как свет новых достижений проникает во все закоулки проблемы, представляя их в совершенно новом ракурсе.

«Буддизм воспринимает существование материального мира и живущих в нём сознательных существ как сам собой разумеющийся факт и считает, что весь мир подвластен закону причины и следствия, в результате чего всё в нём

постоянно, хотя и незаметно, изменяется. Нет такого места, где этот закон не действовал бы, и следовательно, не существует ни рая, ни ада в их традиционном понимании. Есть миры, в которых живут ангелы, чьё существование также, в большей или меньшей степени, материально, в зависимости от того, насколько святыми и праведными были их прошлые жизни. Однако и эти ангелы смертны, и миры, которые они населяют, не вечны. Существуют сферы, наполненные страданием, где из-за злых деяний людей и ангелов появляются несчастные существа; но когда активная энергия зла, породившая их, истощается, они тоже умирают, ибо их миры тоже имеют начало и конец. Весь космос — Земля, Небеса и нижние миры — постоянно стремится к обновлению или разрушению, всегда находится в процессе изменений, протекающих в виде последовательного ряда циклов, начало и окончание которых неведомы и непознаваемы. Ни боги, ни люди не могут быть свободны от действия универсального закона формирования и распада. Соединение сил, составляющее наделённое чувствами существо, должно рано или поздно распасться; и только невежество и иллюзия позволяют ему считать себя отдельным, существующим само по себе созданием».

Как видите, данный фрагмент действительно может служить иллюстрацией того, насколько далеки распространённые представления о буддизме от подлинной эзотерической буддийской философии. Совершенно очевидно, что эта философия не находит места для неизменного и вечного рая или преисподней из монашеских легенд ни во всей огромной вселенной, ни в мировоззрении какого бы то ни было подлинно просветлённого мыслителя, азиата или европейца; однако «миры, в которых живут ангелы», то есть живые и реальные, хотя и субъективные, разновидности состояния дэвакхана, *действительно* существуют в природе. Примерно так же обстоит дело и со всеми остальными упомянутыми выше экзотерическими буддийскими концепциями: в своей популярной форме они представляют собой хотя и очень точные, но всё-таки карикатуры на соответствующие разделы эзотерического знания. Так, например, представление об индивидуальности как об иллюзии, а также о *конечном* растворении индивидуальности сознательного существа остаются совершенно непонятными без дополнительных пояснений относительно долгих эонов индивидуальной жизни в пока ещё непостижимых для нас состояниях непрестанно прогрессирующего духовного возвышения, предшествующих пока ещё непостижимо отдалённому погружению в состояние не-индивидуальности. Не приходится сомневаться в том, что рано или поздно мы всё-таки достигнем этого состояния, однако природа его такова, что ни один философ (во всяком случае, непосвящённый философ) до сих пор не смог сказать о нём ничего, кроме самых приблизительных и неопределённых догадок и предположений. Писатели, освещавшие буддийское учение, сведения о котором они черпали из экзотерических источников, нередко заходили в тупик, излагая идею нирваны и идею иллюзорного характера личности, поскольку смешивали некоторые весьма отдалённые эволюционные этапы, описываемые этой великой доктриной, с представлениями буддизма о том, что ожидает человека непосредственно по завершении текущей физической жизни. Однако утверждения, которые кажутся абсурдными, будучи лишёнными подобающего им места в общей системе учения, могут не только перестать быть оскорблением здравому смыслу, но и превратиться в возвышенную истину, стоит только восстановить их законное местоположение относительно других истин. Я могу добавить также, что окончательное погружение совершенного Богочеловека, или Дхиан Когана в абсолютную бессознательность паранирваны не имеет ничего общего с «ересью индивидуальности», которая относится к физическим личностям. Но к этой теме я ещё вернусь чуть позднее.

Комментируя процитированную выше краткую характеристику буддийской доктрины, мистер Рис Дэвидс вполне справедливо замечает: «Эти учения ни в коей мере не являются исключительной собственностью буддизма, ибо сходные идеи лежат в основе ещё более ранней индийской философии». (Разумеется, по той причине, что буддизм, вернее его учения, древнее индийской философии). «Более того, они встречаются и в других системах, весьма отдалённых от буддизма во времени и в пространстве. Но буддизм, исследующий сокрытую за всеми этими идеями истину, способен дать ей более конкретное и более универсальное выражение, если только он сам не позаимствовал откуда-то своё причудливое учение о переселении душ — учение, которое, похоже, возникло независимо (или, по крайней мере, одновременно) в долине Ганга и в долине Нила. Термин “переселение душ” использовался в разные времена и в разных странах в сходных в своей основе, но в то же время в высшей степени разнообразных теориях; вот и буддизм, позаимствовав основную идею у постведического брахманизма, преобразовал её настолько, что создал, по сути дела, новую гипотезу. Однако эта новая гипотеза, подобно прежней, говорит нам о прошлой жизни и о будущих рождениях и ничем не способствует искоренению зла в нашей нынешней жизни, хотя и утверждает, что объясняет его причины».

Настоящая книга опровергает те неверные представления, на которых основываются процитированные выше замечания. Буддизм не допускает ничего похожего на свободное перемещение из человеческой формы в животную и затем обратно, хотя большинство людей именно в этом видит суть переселения душ, или трансмиграции. Буддийская трансмиграция — это трансмиграция дарвиновской эволюции, научно разработанная или, вернее, досконально изученная в обоих направлениях. Конечно, в буддийских сочинениях, в которых даже Будда был животным то одного, то другого вида, присутствуют ссылки на прошлые жизни. Однако эти намёки касаются очень отдалённого этапа дочеловеческой эволюции, ретроспективу которого открыло Будде его полностью просветлённое видение. Ни в одном подлинном буддийском писании нет никаких указаний в пользу того, что человеческое существо, однажды достигшее состояния человека, может снова опуститься до уровня животного царства. Опять же, хотя и трудно представить себе что-либо менее подходящее для объяснения происхождения зла, чем эта карикатура на переселение душ, допускающая возможность подобного рода деградации, прогрессирующие перевоплощения человеческих Эго в объективном существова-

нии, совместно с действием физической кармы, а также с неизбежной игрою свободной воли в дозволенных ей пределах, *действительно* объясняют происхождение зла, полностью и окончательно. И хотя природа стремится к тому, чтобы взрастить новый урожай Дхиан Коганов, эпизодическое возникновение преходящего зла становится неизбежным следствием действия упомянутых сил или процессов, которые сами, в свою очередь, являются необходимыми составляющими столь грандиозного предприятия, как вселенская эволюция.

В то же время читатель, который возьмёт на себя труд раздобыть книгу мистера Риса Дэвидса и ознакомится с весьма пространным фрагментом, посвящённым рассматриваемой теме, а также скандхам, непременно заметит, насколько безнадёжным делом является предпринятая в ней попытка вывести сколь-нибудь рациональную теорию происхождения зла из используемых автором экзотерических материалов. И равным же образом бесполезно даже пытаться дать на основании этих материалов правильное истолкование приведённой сразу же за упомянутым фрагментом цитаты из «Брахмаджала-сутты»[126]:

«Объяснив, откуда происходит необоснованная вера в вечное существование Бога и божеств, Гаутама переходит к рассмотрению вопроса о душе и называет тридцать две веры, которые он объявляет ложными. Вкратце их характеристика выглядит следующим образом: “На каком принципе, на каком основании все эти нищие монахи и брахманы строят свои учения о будущем существовании? Они учат, что душа материальна или нематериальна, или и то и другое вместе, или и ни то и ни другое; что она может иметь только один или множество типов сознания; что её восприятие весьма ограниченно или же беспредельно; что она может пребывать в радости или в страданиях, или ни в том ни в другом. Шестнадцать ересей учат, что после смерти человека ждёт сознательное существование. Ещё восемь ересей учат, что душа — материальная, или нематериальная, или соединяющая оба эти качества, или же не обладающая ни одним из них, — может рассчитывать после смерти лишь на бессознательное существование. И, наконец, ещё восемь ересей учат на восемь разных ладов тому, что душа продолжает существовать после смерти в состоянии бытия, которое не является ни сознательным, ни бессознательным”. Проповедь завершается словами: “То, что привязывает учителя к существованию (*танха*, жажда жизни), отсечено, но его тело продолжает существовать. И пока его тело живёт, его будут видеть и боги, и люди, но после завершения жизни и разрушения тела его не увидят уже ни боги, ни люди”. Возможно ли более конкретно и категорично отрицать существование души или чего-то подобного, что могло бы продолжаться в каком бы то ни было состоянии после смерти?»

Разумеется, всем, кто изучает экзотерический буддизм, пассаж, подобный только что процитированному, не может не показаться вопиющим противоречием всему тому, что буддизм говорит о последовательном прохождении одной и той же индивидуальности через различные воплощения, которое таким образом подтверждает факт существования переходящей из тела в тело души так же недвусмысленно, как цитированный выше фрагмент отрицает его. Без чёткого представления о семи человеческих принципах отдельные высказывания по поводу того или иного аспекта проблемы бессмертия неизбежно будут вступать в противоречие друг с другом. Однако ключ к правильному пониманию, который даёт эта книга, заставляет исчезнуть все кажущиеся противоречия. В приведённом отрывке Будда говорит об астральной личности, в то время как бессмертие, признаваемое эзотерическим учением, относится к духовной индивидуальности. Подробные разъяснения на сей счёт были даны в главе о дэвакхане, в том числе — в цитируемых в ней фрагментах из «Буддийского катехизиса» полковника Олькотта. Лишь с тех пор, как два года назад фрагменты великого откровения, составившие данную книгу, стали печататься на страницах журнала «Theosophist», очень важное для решения проблемы человеческого бессмертия различие, существующее между личностью и индивидуальностью, начало приобретать вразумительный вид. Однако и в других, более ранних оккультных сочинениях имеется немало указаний, которые ныне могут быть использованы как подтверждения достаточно близкого знакомства и правильного понимания древними писателями подлинной сути учения. К примеру, обратившись к самой новой из изданных за последнее время оккультных книг, в которой завеса тайны хотя и не была снята, по-прежнему скрывая суть учения от не слишком пристального взгляда, но во многих местах оказалась протёртой почти до состояния прозрачности, мы можем выбрать любой из дюжины имеющихся в ней фрагментов, иллюстрирующих тему бессмертия души. Вот один из них:

«Философы, истолковывавшие на собственный лад процесс нисхождения в воплощённое состояние, рассматривали дух как нечто совершенно отличное от души. Они допускали его присутствие в астральной оболочке только тогда, когда речь шла о к духовных эманациях , или лучах “сияющего существа”. Человеку и душе приходилось завоёвывать себе бессмертие восхождением к единству, с которым, в случае успеха, им предстояло слиться или, так сказать растворить ся в нём. Индивидуализация человека после смерти зависела от духа, а не от тела и не от души. И хотя было бы абсурдным применять слово “личность” в его общепринятом значении к нашей бессмертной сущности, всё-таки последняя является особым существом — бессмертным и вечным *per se*[127]; и даже в случае с неисправимым и безнадёжным преступником, когда сияющая нить, которая соединяет дух с душою с момента рождения ребёнка, оказывается грубо разорванной, а развоплощённому существу приходится разделить судьбу низших животных, растворить ся в эфире и утратить свою индивидуальность, даже тогда дух остаётся особой сущностью»[128].

Каждый, кто прочтёт эти строки или, возможно, какой-то фрагмент главы, из которой они заимствованы, обязательно заметит, в свете приводимых в этой книге пояснений, что эзотерическая доктрина (последовательно излагаемая

126 «Брахмаджала-сутта» — наиболее популярная часть «Дигха-никаи» («Собрания пространных поучений»), являющейся первой частью «Сутта-питаки».

127 *Per se* (лат.) — само по себе; в чистом виде, без примесей.

128 «Разоблачённая Изида», т. 1.

только сейчас) прекрасно знакома и их автору, хотя именно мне была дарована привилегия впервые изложить её ясным и понятным языком.

Конечно, осознание различия между личностью и индивидуальностью требует определённых умственных усилий; однако стремление к увековечению личного существования, то есть к сохранению в памяти всех мимолётных обстоятельств нашей нынешней физической жизни (что как раз и составляет нашу личность), со всею очевидностью представляет собой не более чем минутную слабость нашей плоти. Многим, возможно, покажется иррациональным утверждение, что каждая из ныне здравствующих личностей, чьи воспоминания о прошлом не простираются дальше детских лет, является тою же самой индивидуальностью, которая принадлежала несколько тысяч лет назад к совершенно иному народу и иной эпохе и которая снова проявится через такой же огромный промежуток времени в будущем, чтобы жить уже в совершенно иных условиях. И всё-таки ощущение «я есть я» остаётся неизменным на протяжении всех этих трёх жизней, равно как и сотен других, ибо это ощущение коренится гораздо глубже, нежели осознание того, что «Я — Джон Смит, такого-то роста и такого-то веса, с таким-то состоянием и такими-то родственниками». Неужели невозможно представить себе, просто вообразить, что Джон Смит, который наследует дар Тифона[129], изменяет время от времени своё имя, заново женится в каждом новом рождении, а то и чаще, где-то теряет своё состояние, а где-то, напротив, его приобретает и успевает сменить с течением времени великое множество самых различных занятий, что эта личность может забыть спустя несколько тысяч лет обо всех обстоятельствах, связанных с нынешней жизнью Джона Смита, как будто эти обстоятельства и вся эта жизнь вовсе для него не существовали? Однако Эго на всём протяжении этого времени остаётся прежним. И если даже этот факт доступен нашему пониманию, то что же может быть непонятного в индивидуальной преемственности *чередующихся* жизней, прерываемых и возобновляемых через определённые промежутки времени и перемежающихся пребыванием в более чистом и возвышенном состоянии существования?

Только разрешив кажущееся противоречие между идентичностью сменяющих друг друга индивидуальностей и «ересью» индивидуальности, эзотерическое учение будет иметь шанс подвести под «непостижимую загадку» кармы, о которой мистер Рис Дэвидс повествует до крайности скупо, вразумительное и строго научное обоснование. О ней он говорит только то, что буддизм, «не признавая реальность души», был вынужден прибегнуть к крайнему средству, стараясь хоть чем-то заполнить пропасть между двумя последовательными жизнями, и этим «чем-то» является учение о карме. Кроме того, он отрицает эту идею как «нереальную фантазию мозга». Но как бы ни раздражала мистера Риса Дэвидса абсурдность этого учения, он тем не менее проявляет немалое терпение и подлинную интеллектуальную изобретательность, стараясь создать нечто похожее на рациональное метафизическое истолкование крайне запутанных высказываний о карме, встречающихся в различных буддийских писаниях. Вот что он пишет:

«С точки зрения буддистов, учение о карме избегает как суеверной крайности тех, кто верит в обособленное существование некоей сущности, именуемой душою, так и противоположной атеистической крайности тех, кто не верит ни в нравственную справедливость, ни в воздаяние. Буддизм утверждает, что проник внутрь слова “душа” в поисках скрывающегося за ним реального факта, но никакого факта так и не увидел, а обнаружил только ту или иную из двадцати различных иллюзий, ослепляющих человека. Однако, несмотря на это, буддизм убеждён в том, что если человек пожинает скорбь, боль и разочарование, то это означает, что он сам, а никто другой посеял некогда безрассудство, грех и заблуждение, если не в этой, то в одной из своих прошлых жизней. Но где же в таком случае искать тождество между тем, кто сеял, и тем, кто теперь собирает? *В том единственном, что остаётся* после смерти человека, когда все составные части сознательного существа уже распались, а именно — в его поступках, речах и мыслях, в его хорошей или плохой карме (буквально, “деяниях”), которая *не* умирает. Нам хорошо известен афоризм: “Что посеешь, то и пожнёшь”; и потому мы с готовностью разделяем мнение буддистов о том, что если человек что-то пожинает, то всё это он должен был некогда посеять. Нам знакомо учение сохранения энергии, и потому мы в состоянии понять буддийский догмат (как бы он ни противоречил нашим христианским представлениям) о том, что никакая внешняя сила не в состоянии уничтожить плоды человеческих деяний, пока их воздействие, направленное во благо или во вред, не проявится в полной мере. Однако своеобразие буддизма состоит в том, что, с его точки зрения, всё то, чем человек был или что он делал, не растекается во все стороны в виде множества отдельных ручейков, а снова сливается воедино, порождая новое сознательное существо — новое в отношении своих составных частей и качеств, но то же самое в отношении внутренней сущности, её деяний, её кармы».

Трудно представить себе более простодушную попытку объяснения «тайны» буддизма, нежели предположение, что авторы этой тайны с самого начала придумали её как «крайнее средство», способное прикрыть их отступление с заведомо бесперспективных позиций. Однако на самом деле учение о карме имеет гораздо более простую историю и не нуждается в столь хитроумной интерпретации. Будда объявил его, как и многие другие природные феномены, связанные с будущим, непостижимой тайной, и тем самым на всякие расспросы о карме было наложено табу. Однако он вовсе не подразумевал, что, оставаясь непостижимой для широких масс, карма непременно должна быть тайной, и тем более непостижимой, для посвящённых в эзотерическую доктрину. Механизм действия кармы невозможно объяснить без ссылок на эзотерическое учение, но стоит уяснить хотя бы основные принципы этого учения, и карма, равно как и многое другое, становится сравнительно простой и понятной, оставаясь тайной только в том смысле, в каком является тайной причина взаимодействия серной кислоты с медью и ещё более активного её взаимодействия с железом. Разуме-

129 *Тифон* (миф.) — сын троянского царя Лаомедона. В него влюбилась Аврора, или Эос, которая унесла его с собою. Она добилась для него бессмертия, но не вечной юности, так что в конце концов он стал настолько сморщенным и иссушенным, что скрипел на ходу, как цикада; иными словами, она свела его к единому элементу.

ется, эзотерическая доктрина оставляет для своих «светских чела» (так же как и химическая наука — для *своих* светских чела, то есть для тех своих учеников, которые изучают исключительно её физические проявления) некоторые тайны, глубины которых они не в силах проследить до самых истоков. Я сам вряд ли смогу объяснить, какие именно молекулярные изменения побуждают высшие притяжения, формирующие карму, смешиваться с непроходящими элементами пятого принципа. Но ведь и популярная наука не знает толком, что именно в молекуле кислорода заставляет её отделяться от молекулы водорода, с которой она была связана в капле дождевой воды, и соединяться с одной из молекул железной ограды, на которую падает эта капля. Однако в результате появляется пятнышко ржавчины, и считается, что этой загадке уже дано научное объяснение, коль скоро результат может быть предсказан заранее и на него можно ссылаться.

Точно так же и с кармой: пятый принцип вбирает в себя влияния добрых и дурных поступков на протяжении всей человеческой жизни, после чего переходит вместе с ними в дэвакхан, где те из них, что могут жить, так сказать, в атмосфере этого состояния, расцветают и приносят сказочно изобильные плоды, а затем движется дальше, забирая с собою в новое объективное существование те кармические влияния, которые ещё не полностью истощили свою энергию. И так же уверенно, как молекула кислорода избирает из сотен других молекул ту, которая притягивает её к себе наиболее активно, отягощённая кармой духовная монада воплощается именно, там куда её сильнее всего влечёт мистическая привязанность. Данный процесс отнюдь не предполагает сотворения какого-либо нового сознательного существа, разве что в том смысле, что создаётся новая телесная структура, новый инструмент ощущения. Но то, что оживляет эту структуру, что радуется и печалится, это всё то же прежнее Эго, конечно же, отгороженное от всех своих прошлых земных похождений стеною забвения, но тем не менее пожинающее их плоды; это всё то же «я есмь я», что и раньше.

По мнению мистера Риса Дэвидса, «довольно странно», что «всё это» (подразумевается истолкование буддийской философии, которое ему позволили дать имеющиеся в его распоряжении экзотерические материалы) «за все минувшие 2300 лет или даже более не показалось отталкивающим многим искренним, отчаявшимся сердцам, продолжавшим верить в реальность лишь с виду величественного моста, который буддизм попытался перебросить через реку жизненных тайн и страданий...

Они не замечали, что сам краеугольный камень, связующее звено между двумя последовательными жизнями, это всего лишь слово — прекрасный вымысел, воздушное ничто, воображаемая причина, недоступная человеческому пониманию, индивидуализированный и индивидуализирующий дар кармы».

Было бы поистине странным, если бы буддизм действительно был выстроен на столь шатком основании. Однако его кажущаяся хрупкость объясняется всего лишь тем, что его мощнейшая научная платформа оставалась до последнего времени скрытой от человеческих глаз банальной нехваткой знаний. И лишь теперь, когда со внутреннего учения сорвана завеса таинственности, каждый может видеть, как мало зависит буддизм во всех аспектах своего вероучения от туманных тонкостей метафизики. И если они всё-таки скопились вокруг буддизма, то только потому, что их нагромоздили экзотерические истолкователи разрозненных отрывков учения, которые никак нельзя было полностью удалить из простой и ясной системы нравственных установок, предназначенной для широких масс населения.

В истинном буддизме, как и в самой природе, мы находим возвышенную простоту — единый закон, разветвляющийся до бесконечности, и сложности в частностях; ибо и природа, бесконечно разнообразная в своих проявлениях, тем не менее преследует свою неизменную единую цель, подчиняясь непреложному закону причин и их следствий, которые, в свою очередь, становятся причинами в бесконечной и непрерывной цепи циклической эволюции.